

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

ПАВЛОВ Вячеслав Владимирович

**ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА**

Специальность: 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
Кандидат политических наук
Ковалёв Андрей Андреевич

Санкт-Петербург

2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Информационная безопасность в научном дискурсе.....	25
1.1 Анализ научных подходов к трактовке понятия «информационная безопасность».....	25
1.2 Особенности деятельности по обеспечению информационной безопасности политических акторов в современных условиях.....	45
Глава 2. Политическая стабильность общества: сущность, способы создания и поддержания.....	69
2.1 Теоретико-методологические подходы к трактовке понятия «политическая стабильность общества».....	69
2.2 Технологии обеспечения политической стабильности общества.....	89
Глава 3. Роль и значение информационной безопасности российского общества в обеспечении политической стабильности в Российской Федерации.....	118
3.1 Модель угроз политической стабильности российского общества.....	118
3.2 Способы и средства обеспечения политической стабильности российского общества через обеспечение его информационной безопасности.....	141
Заключение.....	166
Список литературы.....	172

Введение

Актуальность темы исследования.

Во второй половине XX столетия человечество вступило в новый этап своего развития, который был связан с резким ростом значения интеллектуального продукта в общественной жизни и общественном производстве. Этот этап нашел свое отражение в возникновении в 60-е гг. XX века понятия «информационное общество» и в целом ряде концепций информационного общества, где давалось обоснование значения информации как важнейшего общественного ресурса, не просто добавляющегося к таким традиционным ресурсам, как силовые и финансово-экономические, но и начинающего играть среди них ведущую роль.

Значение информационного ресурса начало раскрываться еще в годы «холодной войны», когда идеологическое противостояние и экономическое соревнование двух общественных систем стало сопровождаться «психологической войной» с использованием средств массовой информации. С окончанием «холодной войны» мир не стал гармоничнее и безопаснее — изменилась его геополитическая конфигурация, а с прежних конфликтов спал идеологический покров и открылись прагматические цели ведущих сил на мировой арене, связанные либо с политическим (контроль над элитами), либо с экономическим (контроль над ресурсами), либо с культурно-цивилизационным (контроль над сознанием) влиянием. Острота противостояния в современном мире только возрастает, так же как и расширяется круг проблем, связанных с защитой национальных интересов, обеспечением национальной безопасности и поддержанием политической стабильности общества. Эти проблемы получили освещение в современной социально-политической литературе, вместе с тем ощущается недостаток исследований, авторы которых рассматривают их во взаимосвязи и взаимообусловленности.

Актуальность настоящей работы тем и объясняется, что автор пытается частично восполнить пробел в теоретических исследованиях, в центре

внимания которых стоят вопросы взаимосвязи информационной безопасности и политической стабильности общества.

Кроме того, актуальность темы настоящего исследования обусловлена целым рядом обстоятельств внешнеполитического характера. Во-первых, тем, что в современном мире геополитическое противостояние все больше смещается в информационное пространство: выяснилось, что гораздо дешевле и эффективнее осуществлять контроль над элитами и общественным сознанием, нежели военный захват территорий, хотя в некоторых случаях прибегают и к последнему. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сказано, что сегодня «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории»¹. Важно показать, какими угрозами чревато противоборство в глобальном информационном пространстве, также как и дать теоретическое обоснование практическим действиям по противодействию этим угрозам.

Во-вторых, актуальность темы обусловлена тем, что сегодня именно Россия стала объектом многочисленных информационных атак западных стран. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации констатирует наметившуюся тенденцию «к увеличению в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации. Российские средства массовой информации зачастую подвергаются за рубежом откровенной дискриминации, российским журналистам создаются препятствия для

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации 31 декабря 2015 г. № 683: по состоянию на 10 октября 2020 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения 15.10.2020)

осуществления их профессиональной деятельности»². При этом отмечается, что агрессивные действия с применением информационных технологий направлены «на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации»³. Современность изобилует многочисленными примерами информационной агрессии, нацеленной то, чтобы создать негативный образ России в сознании западного обывателя, породить массовые настроения недоверия к ней в западном обществе и обеспечить поддержку жесткой линии и политики санкций в отношении Российской Федерации. Не менее важно и то, что эти санкции и «разоблачительные» кампании нацелены на то, чтобы вызвать недовольство правящими кругами и в самой России, и тем самым подорвать поддержку власти среди ее населения, дестабилизировать политическую обстановку и, в конечном счете, привести к смене правящего режима

Наконец, актуальность темы исследования можно обосновать тем, что на политическую стабильность оказывают влияние не только информационные кампании внешнего происхождения. Внутривнутриполитическая борьба также имеет свою информационную составляющую. Контроль над информационными ресурсами вносит важнейший вклад в результаты этой борьбы. От того, в чьих руках оказываются медийные средства, как и с какой целью они используются, зависит характер протекания политической борьбы, ее результат, а также стабилизация или дестабилизация политической ситуации в стране.

Все сказанное обуславливает необходимость обоснования механизмов обеспечения политической стабильности через исследование вопросов информационной безопасности, диагностики информационных угроз, выработки эффективных механизмов противодействия этим угрозам и их нейтрализации.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/ (дата обращения 15.10.2020)

³ Там же.

Степень научной разработанности темы.

Тема настоящей работы находится на пересечении двух проблемных областей – информационной безопасности и политической стабильности.

Проблема информационной безопасности является сравнительно новой – это придает ей открытость в отношении дискуссий и научных разработок. Высокий динамизм развития информационных технологий приводит к их непрерывному усложнению и появлению новых информационных угроз, требующих новых исследований.

На сегодняшний день проблема информационной безопасности освещена в отечественных и иностранных научных монографиях, научных журналах, периодической печати. Россия и другие государства выработали национальные доктрины информационной безопасности, она стала предметом нормативно-правового регулирования.

Обращаясь к отечественной научной литературе, отметим, что общетеоретические проблемы исследования информационной безопасности поднимаются в работах Т.В. Владимировой, И.А. Лазарева, Т.А. Поляковой и др.⁴ Рассматривая информационную безопасность как часть политики национальной безопасности, необходимо указать важную роль в исследованиях национальной безопасности России А.В. Возженикова, М.М. Кучерявого, В.И. Лопатина, А.А. Прохожева, Ю.С. Уфимцева и др.⁵

⁴ Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: к методологическим основаниям анализа вопроса // Информационное общество. 2012. № 5. С. 47–52; Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: социологическая перспектива понятия // Национальная безопасность / Nota bene. 2013. № 4 (27). С. 597–604; Владимирова Т.В. Социальная природа информационной безопасности: монография. М.: АНО Изд. Дом «Науч. обозрение», 2014. 239 с.; Лазарев И.А. Информация и безопасность. Композиционная технология. М.: Изд-во МГЦНТИ, 2002. 262 с.; Полякова Т.А. Информационная безопасность в условиях построения информационного общества в России. М.: РПА Министерства юстиции России, 2007. 270 с.

⁵ Возжеников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М.: Модуль, 2000. 234 с.; Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. СПб.: Фонд Университет, 2000. 424 с.; Кучерявый М.М. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в аспекте глобальных политических процессов современного мира // Власть. 2014. №2. С. 105-109; Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015а. № 2 (74). С. 14.; Лопатин В.Н. Правовые основы информационной безопасности / В.Н. Лопатин. – М.: изд-во МИФИ, 2000. – 356 с.; Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности / Под общ. ред. А.А. Прохожева. Изд. 2. М.: Изд-во РАГС, 2005, 344 с.; Уфимцев Ю.С. Информационная безопасность России. М.: Экзамен, 2007. 308 с.

Происхождение информационных угроз, их растущая роль в современном мире, а также применение информационных технологий как методов ведения информационной войны, их место в современных военных доктринах получили отражение в работах В.А. Ачкасовой, С.Н. Гриняева, А.В. Манойло, В.К. Новикова, А.И. Петренко, С. П. Расторгуева, Д.Б. Фролова⁶. Информационные вызовы национальной и международной безопасности рассмотрены в содержательной работе И.Ю. Алексеевой и других учёных московского ПИР-центра⁷. Информационному противоборству в мировой политике и международных отношениях уделяют внимание Ю.В. Косов и Ю.В. Вовенда⁸.

Коммуникативные аспекты военной безопасности нашли развитие в исследовании А.А. Ковалева и Е.И. Кудайкина⁹.

Технико-технологическим аспектам информационной безопасности и деятельности, связанной с ее обеспечением, посвящена довольно обширная литература: в частности, вопросы защиты критически важных информационных инфраструктур рассматриваются А.В. Верещагиной, Е.С. Зиновьевой, А.В., Коротковым, А.А. Кононовым, С.И. Самыгиным, А.В. Кузнецовой, Д.С. Черешкиным.¹⁰ Исследованию проблем кибертерроризма и

⁶ Ачкасова В.А. Информационная война: новые виды и формы ведения // Российская школа связей с общественностью. 2015. №7. С.24-31; Гриняев С.Н. Поле битвы - киберпространство. Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М.: Харвест, 2004. 448 с.; Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/informacionnyye-voiny/informacionnaya-voyna-istoriya-den-segodnyashnii-i-perspektiva> (дата обращения 30.12.2019); Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.; Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 3-е изд. М.: Горячая линия–Телеком, 2012. 363 с.; Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. 2-е изд. М.: Горячая линия – Телеком, 2014. 262 с.; Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, МПСИ, 2003. 301 с.; Расторгуев С.П. Основы информационной безопасности: учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений / С. П. Расторгуев. – 2-е изд., стер. – М.: изд. центр «Академия», 2009. 204 с.

⁷ Алексеева И.Ю. Информационные вызовы национальной и международной безопасности/Под общ.ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001. 328 с.

⁸ Косов Ю.В., Вовенда Ю.В. Геополитические концепции информационного противоборства в российской общественной мысли // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82). С.32.

⁹ Ковалев А.А., Кудайкин Е.И. Информационные технологии в обеспечении военной безопасности государства // Управленческое консультирование. 2017. № 5 (101). С. 20-27.

¹⁰ Кононов А.А., Черешкин Д.С. Ключевые проблемы обеспечения безопасности национальной информационной инфраструктуры // Информационное общество. 2002. №1. С.8-18; Коротков А.В., Зиновьева Е.С. Безопасность критических информационных инфраструктур в международном гуманитарном праве // Вестник МГИМО – Университета, 2011. №5. С.154-162; Самыгин С.И., Верещагина А.В., Кузнецова А.В.

киберпреступности посвящены работы В.А. Васенина, О.В. Казарина, А.А. Сальникова, Р.А. Шаряпова, В.В. Яценко¹¹. Вопросы использования социальных сетей и новых медийных средств в политике, государственном управлении, в международных отношениях поднимают О.В. Демидов, И.И. Засурский, А. В. Крутских, М.В. Литвиненко, Б.Н. Мирошников, С.П. Расторгуев, Цветкова Н.А.¹² Эти же проблемы интересуют таких зарубежных специалистов, как Э. Гринберг, Д. Дрезнер, Г. Фаррелл и др.¹³

Интерес представляет работа, посвященная киберугрозам в интернете таких исследователей как О.В. Демидова, М.Б. Касенова¹⁴. Использование информационных технологий в различных сферах общественной жизни и проблемы их защиты исследуют И.Ю. Алексеева, И.В. Авчаров, А.В. Бердцкий, Г.В. Грачёв, Н.Н. Моисеев и др.¹⁵ Проблемы государственного регулирования и безопасного применения информационных технологий рассматривает Г.В. Алексеев¹⁶.

Исследованию информационных войн и проблем обеспечения информационной безопасности России посвящены работы И.Н. Панарина и

Обеспечение информационной безопасности военно-инженерных войск // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10. С.233 – 236.

¹¹ Критически важные объекты и кибертерроризм / Под ред. В.А. Васенина. М.: изд-во МЦНМО, 2008. 398 с.; Казарин О.В., Сальников А.А., Шаряпов Р.А., Яценко В.В. Новые акторы и безопасность в киберпространстве // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 2. С. 71-84.

¹² Демидов О.В. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // Индекс безопасности. 2013. №1. С.100-122; Засурский И.И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М.: Изд-во МГУ, 2001; Засурский И.И. Медиаполитическая система: Средства массовой информации России / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2011. 114 с.; Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Журнал Международные процессы [Интернет-издание] URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/003.htm> (дата обращения 15.10.2020); Мирошников Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. Взгляд. М.: Инфорос, 2012. 202 с.; Расторгуев С.П. Литвиненко М.В. Информационные операции в сети Интернет / Под ред. А.Б. Михайловского. М.: АНО ЦСОиП, 2014. 128 с.; Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. №3. С.109-122.

¹³ Greenberg A. Sandworm: A New Era of Cyberwar and the Hunt for the Kremlin's Most Dangerous Hackers. - Knopf Doubleday Publishing Group, 2019. 368 p.; Drezner D.W., Farrell H. Introduction: Blogs, Politics and Power: A Special Issue of Public Choice // Public Choice, 2008. №1-2, P.3-13.

¹⁴ Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / Отв. ред. М.Б. Касенова; сост. О.В. Демидов и М.Б. Касенова. М.: Статут, 2013. 464 с.

¹⁵ Информационные вызовы национальной и международной безопасности/ И.Ю.Алексеева и др.; под общ. ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001. 328 с.; Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: изд-во РАГС, 1998. 125 с.; Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.; Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 314 с.

¹⁶ Алексеев Г. В. Безопасность в системе государственного регулирования распространения массовой информации // Управленческое консультирование. 2017. № 7(8). С. 8-19.

А.А. Стрельцова; последнему принадлежит значительный вклад в отечественные исследования правовых аспектов обеспечения информационной безопасности¹⁷.

Следует отметить теоретический вклад зарубежных специалистов в исследование информационной безопасности, таких как В. Бенсон, Ч. Брукс, К. Гроу, Д. Джин, Ф. Крейг, М. Кэри, К. Гирс, Дж. Макэлени, Д. Саттон, Д. Шорт и др.¹⁸ Важно заметить, что зарубежные авторы, как правило, не разделяют понятия информационной безопасности и кибербезопасности, что накладывает отпечаток на всю смысловую наполненность их исследований. В определенной степени такой перекоп в технико-технологическую сторону присущ и отечественным исследованиям.

Именно поэтому сохраняет свою актуальность обращение к социокультурным аспектам информационной безопасности.

В рамках темы диссертации важное значение имеет обращение к теоретическим разработкам проблемы политической стабильности. Здесь в отечественной и зарубежной литературе сложился целый ряд направлений исследования.

Так, теоретико-методологические вопросы исследования и обеспечения политической стабильности поднимают в своих работах С.А. Баров, В.А. Гладышев, В.М. Граничев, А.И. Зубкова, Б.И. Краснов, Л.С. Постникова, О.Р. Семченко и др.¹⁹

¹⁷Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. М.: Горячая линия-Телеком, 2006. 351 с.; Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности России: Теоретические и методологические основы / Под ред. В.А. Садовниченко, В.П. Шерстюка. М.: МЦНМО, 2002. 296 с.; Стрельцов А.А. Государственная информационная политика: основы теории / под общ.ред. В.А. Садовниченко, В.П. Шерстюка. М.: МЦНМО, 2010.107 с.

¹⁸Benson V., Mcalaney J. Emerging Cyber Threats and Cognitive Vulnerabilities. N.Y.: Academic Press, 2019. 252 p.; Brooks C.J., Grow C., Craig Ph., Short D. Cybersecurity Essentials. N.Y.: John Wiley & Sons, 2018. 784 p.; Carey M.J., Jin J. Tribe of Hackers Security Leaders: Tribal Knowledge from the Best in Cybersecurity Leadership. N.Y.: John Wiley & Sons, 2020. 320 p.; Sutton D. Cyber Security: A Practitioner's Guide. N.Y.: BCS Learning&Development Limited, 2017. 222 p.

¹⁹Баров С.А. Политическая стабильность: методология сравнительных исследований, анализ региональных проблемных зон. М.: изд-во РУДН, 2012. 227 с.; Гладышев В.А. Проблемы политической стабильности информационного общества // Вестник ВГУ. 2015. №4. С.12-23; Граничев В.М. Факторы обеспечения политической стабильности в российском обществе. М.: ИНИОН РАН, 2013. 387 с.; Зубкова А.И. Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: изд-во РУДН, 2012. 237 с.; Краснов Б.И. Политическая стабилизация и

Вопросам институциональных условий обеспечения и поддержания политической стабильности посвящены работы В.Н. Колесникова, А.И. Соловьева, О.Ф. Шаброва²⁰.

Важное место в исследовании политической стабильности занимают вопросы внешнеполитического характера. Влияние международных отношений, геополитического фактора на политическую стабильность, особенно в контексте «бархатных революций», «информационных войн», направленных на дестабилизацию политической ситуации, нашло отражение в исследованиях Л.Н. Астафьевой, Е.Н. Бородинова, М.Д. Ковалева, А.В. Манойло, В.М. Митина, А.И. Петренко, Д.Б. Фролова и др.²¹

Связь проблематики политической стабильности и политики обеспечения национальной безопасности, в том числе в современной России, получила свое теоретическое отражение в исследованиях С.А. Воронцова, А.В. Понеделкова, Р.Х. Усманова²².

Среди зарубежных авторов, в чьих работах поднимается целый комплекс вопросов, связанных с проблемами обеспечения политической стабильности, а также противодействия угрозам национальной безопасности, следует назвать таких как Г. Алмонд, Р. Далтон, Дж. Дьюи, Э. Гринберг, Д. Гэрроу, М.

политическая стабильность: методология исследования. М.: ИНИОН РАН, 2013. 488 с.; Краснов Б.И. Общая и прикладная политология. М.: МГСУ: Союз, 1997. 992 с.; Постникова Л.С. Политическая стабильность как фактор развития политической системы. М.: ИНИОН РАН, 2013. 675 с.; Семченко О.Р. Политическая стабильность: сущность, понятие, информационные механизмы // Вопросы управления. 2015. №1(13). С.53-59.

²⁰Колесников В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность: факторы влияния // Власть. 2010. №3. С.30-33; Колесников В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России. СПб.: изд-во «Герда», 2010. 176 с.; Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 1. 2003. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-stabilnost-v-sotsiokulturnom-izmerenii-rossiyskie-illyustratsii/viewer> (дата обращения 15.10.2020); Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997. 200 с.

²¹Астафьева Л.Н. Глобальный мир и глобальные угрозы в контексте национального суверенитета. М.: Инфра-М, 2014. 488 с.; Бородинов Е.Н. Система противодействия «цветным революциям» // Тренды и управление. 2016. № 1. С.64-77; Ковалев М.Д. Истоки и риски политической нестабильности в развивающихся странах. М.: ИНИОН РАН, 2013. 472 с.; Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 3-е изд. М.: Горячая линия — Телеком, 2012. 363 с.; Митин В.М. Обеспечение информационной безопасности в условиях информационной войны. М.: Инфра-М, 2016. 334 с.

²²Воронцов С.А., Понеделков А.В. О совершенствовании государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности // Власть. 2016. № 2. С.126-132; Понеделков А.В., Воронцов С.А., Усманов Р.Х. Состояние лидерско-элитной составляющей современного российского политического управления на региональном уровне как фактор национальной безопасности государства // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. №2. С.368-375.

Кастельс, А. Корнелл, Р.Л. Лебоу, Ю. Мёллер, Дж. Пауэлл, А. Робертс, К. Стром, Э. Тоффлер, Т. Хаммес, С.Хантингтон, Э. Хейвуд²³ и др. Появился ряд работ, авторы которых рассматривают проблемы политической стабильности в отдельных странах²⁴.

Завершая обзор литературы, связанных с темой настоящей работы, следует отметить, что в последние годы в Российской Федерации был защищен целый ряд диссертаций, в которых исследуются различные аспекты информационной безопасности и политической стабильности. Вопросам обеспечения информационной безопасности в деятельности органов государственной власти посвящена диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук Ю.В. Вовенда²⁵. Правовые аспекты информационной безопасности рассматриваются в докторских диссертациях М.А. Ефремовой²⁶, А.А. Чеботаревой²⁷. Е.С. Зиновьева в диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук поднимает проблемы международного сотрудничества в обеспечении информационной безопасности²⁸.

Среди диссертаций, авторы которых исследуют различные аспекты обеспечения политической стабильности общества, следует отметить

²³ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.; Тоффлер. Э. Третья волна / пер с англ. Л.М. Бурмистрова, К.Л. Татаринова. М.: изд-во «АСТ» 2010. 800 с.; Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века/ пер. с англ. М.: изд-во «АСТ», 2003. 669 с.; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 366 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: изд-во «АСТ», 2003. 603 с.; Хейвуд Э. Политическая стабильность и политическая устойчивость в демократических системах. М.: ИНИОНРАН, 2012. 502 с.; Castells M. Rupture: The Crisis of Liberal Democracy. N.Y.: John Wiley & Sons, 2018. 176 p.; Cornell A., Møller J., Skaaning S.-E. Democratic Stability in an Age of Crisis. Oxford: Oxford University Press, 2020. 288 p.; Dewey G. Transformation of Political Stability in the Modern World. LA: UN-PRESS. 2014. 368 p.; Garrow D. Strategy of Political Stabilisation in the Global World. L.: DRW Press, 2014. 368 p.; Greenberg A. Sandworm: A New Era of Cyberwar and the Hunt for the Kremlin's Most Dangerous Hackers. N.Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2019. 368 p.; Hammes T. Deglobalization and International Security. N.Y.: Cambria Press, 2019. 290 p.; Lebow R.N. The Rise and Fall of Political Orders. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 218 p.

²⁴ Bulut A.T., Yildirim M. Political Stability, Democracy and Agenda Dynamics in Turkey. London, Berlin: Springer Nature, 2019. 198 p.; Dukhan H. State and Tribes in Syria: Informal Alliances and Conflict Patterns. London: Routledge, 2018. 182 p.; Roderic A. Camp. Mexico's Political Stability: The Next Five Years. London: Routledge, 2019. 290 p.

²⁵ Вовенда Ю.В. Особенности политики обеспечения информационной безопасности в исполнительных органах государственной власти (на примере Северо-Западного федерального округа): дис. ...канд. полит.наук: 23.00.02. СПб., 2019. 362 с.

²⁶ Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2018. 427 с.

²⁷ Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.13. М., 2017. 473 с.

²⁸ Зиновьева Е.С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: проблемы, субъекты, перспективы: дис. ... д-ра полит.наук: 23.00.04. М., 2017. 332 с.

докторскую диссертацию М.В. Данилова, в которой политическая стабильность рассматривается сквозь призму механизмов и технологий политизации общества²⁹. Политические процессы в современном информационном обществе в центре внимания диссертационного исследования О.Ф. Волочаевой³⁰. Влияние СМИ на политическую стабильность в современной России рассматривает в своей содержательной работе Э.И. Ханнанова³¹. Интерес представляет кандидатская диссертация И. Дина, где автор сравнивает процессы политической стабилизации в России и Китае³². В кандидатской диссертации А.В. Фирсова политическая стабильность рассматривается в контексте политики обеспечения национальной безопасности³³.

Следует, вместе с тем, отметить, что несмотря на большое внимание, уделяемое в современной литературе различным аспектам информационной безопасности и политической стабильности и появление первых работ, авторы которых пытаются их связать, пока что это направление исследований не получило достаточного освещения и нуждается в дальнейшей разработке.

Источниковая база исследования. В диссертации использованы несколько групп источников, имеющих принципиальное значение для исследования проблем информационной безопасности, политической стабильности, а также их взаимосвязи.

Первую группу источников составляют научные труды, благодаря которым были определены теоретико-методологические основы диссертации, сформулированы ее основные положения и определены базовые направления исследования.

²⁹ Данилов М.В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Саратов, 2015. 477 с.

³⁰ Волочаева О.Ф. Политические процессы в современном информационном обществе: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Пенза, 2015. 300 с.

³¹ Ханнанова Э.И. Влияние средств массовой информации на политическую стабильность в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. СПб., 2017. 168 с.

³² Дин И. Роль высших органов государственной власти в формировании политической стабильности в общества: сравнительный анализ Китая и России: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.05. СПб., 2016. 219 с.

³³ Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2017. 166 с.

Вторую группу источников составили официальные документы государственной власти. Это, прежде всего, документы нормативно-правового характера, важнейшие из которых – Конституция Российской Федерации, федеральные законы³⁴ и Указы Президента Российской Федерации³⁵, а также документы стратегического планирования, определяющие приоритетные направления государственной политики в области обеспечения национальной и информационной безопасности³⁶.

Третью группу источников составили диссертационные исследования, касающиеся различных аспектов обеспечения информационной безопасности и политической стабильности. Обзор этих источников содержится в разделе введения, посвященном степени научной разработанности темы исследования.

Отдельную группу источников составили справочные издания³⁷, аналитические обзоры³⁸, и статистические данные³⁹, а также материалы личного блога Г.А. Атаманова⁴⁰, и данные СМИ.

³⁴ Об информации, информатизации и защите информации [федер. закон: принят Гос. Думой 8 июля 2006 г.: по состоянию на 8 июня 2020 г.]; [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/ (дата обращения 15.08.2020); О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: [федер. закон: принят Гос. Думой 16 апреля 2019 г.: по состоянию на 20 января 2020 г.]. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения 09.04.2020); О безопасности: [закон Российской Федерации: принят 05 марта 1992 г.: утратил силу 28 декабря 2010г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/ (дата обращения 15.08.2020).

³⁵ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации № 683 31 дек. 2015 г.: по состоянию на 20 мая 2020 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения 15.10.2020).; Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации № 646 05 мая 2016 г.: по состоянию на 20 мая 2020 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 13.08.2020).; О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года: [Указ Президента Российской Федерации № 204 7 мая 2018 г.: по состоянию на 13 июля 2020 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335693/ea8c22ebf4b1712274773710a52af45899b9eacd/ (дата обращения 15.08.2020); Послание Президента Российской Федерации по национальной безопасности Федеральному Собранию. М., 1996. 32 с.

³⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: [утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683] [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 14.08.2019); Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: [утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 645] [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 15.08.2020).

³⁷ Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / Отв. ред. М.Б. Касенова; сост. О.В. Демидов и М.Б. Касенова. – М.: изд-во «Статут», 2013; National Institute of Standards and Technology [NIST]. Glossary of key information security terms (IR No. 7298). – Gaithersburg, MD: NIST Pub., 2018; International Organization for Standardization / International Electrotechnical

Широта и многообразие источниковой базы позволяет предположить, что проблема взаимосвязи информационной безопасности и политической стабильности общества может быть полноценно исследована благодаря наличию теоретического и эмпирического материала необходимого объема и качества.

Гипотеза исследования состоит в том, что политическая борьба в современных условиях все больше смещается в информационную сферу, а информационные ресурсы становятся важнейшим инструментом противоборства, как на внутривнутриполитической арене, так и в сфере международных политических отношений. Использование информационных ресурсов в политических целях создает риски общественной и политической дестабилизации. Автор полагает, что минимизация таких рисков и достижение политической стабильности общества находится в тесной связи с государственной информационной политикой, нацеленной на обеспечение информационной безопасности.

Цель работы состоит в обосновании зависимости политической стабильности общества от обеспечения его информационной безопасности, а также выявления путей и способов обеспечения информационной безопасности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. уточнение понятия «информационная безопасность» через анализ научных подходов к его трактовке;

Commission 27000. Terms and Definitions. ISO/IEC 27000: 2014 (en) Information technology - Security techniques - Information security management systems - Overview and vocabulary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:27000:ed-3:v1:en2>.

³⁸ Эпоха цифровых медиа: бумага против экрана [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: аналитический обзор. – 2018. Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116624> (дата обращения 14.08.2020); These are the 25 most powerful militaries in the world in 2018 [Электронный ресурс] // Business Insider. – 2018. – Режим доступа: URL: <https://www.businessinsider.com/most-powerful-militaries-in-the-world-ranked-2018-11#1-united-states-25> (дата обращения 11.10.2019)

³⁹ Образование в цифрах: краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. - 2018. - Режим доступа: URL: <https://www.hse.ru/data/2018/06/29/1153062641/obr2018.pdf> (дата обращения 10.09.2020); Российская Федерация в цифрах. 2019: Краткий стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России). — М.: Респ. информ. изд. центр, 1993-2019.

⁴⁰ Блог Г.А. Атаманова [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: <http://gatamanov.blogspot.ru/2014/11/blog-post.html> (дата обращения: 28.08.2020).

2. выявление содержания деятельности по обеспечению информационной безопасности политических акторов в современных условиях;

3. анализ основных теоретико-методологических подходов к трактовке понятия «политическая стабильность общества» и выработка авторского подхода к его определению;

4. определение способов создания и поддержания политической стабильности в современном обществе на основе конфликтологического подхода и использования информационно-коммуникационных технологий;

5. выявление основных угроз политической стабильности российского общества, в том числе в информационной сфере;

6. определение способов и средств обеспечения политической стабильности российского общества через обеспечение его информационной безопасности.

Объектом диссертационного исследования является политическая стабильность общества.

Предметом диссертационного исследования является роль информационной безопасности в обеспечении политической стабильности общества.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования стало сочетание различных исследовательских подходов и методов, среди которых следует отметить: системный подход, представленный теорией политических систем; структурно-функциональный подход, позволивший через анализ функций политической системы определить условия обеспечения политической стабильности общества. Системный и структурно-функциональный подходы позволили автору определить основные условия обеспечения политической стабильности общества. Значительное место в настоящей работе занимает конфликтологический подход, ставший необходимым инструментом диагностики и выявления путей достижения политической стабильности общества. Коммуникативно-кибернетический

подход позволил оценить роль и значение политической коммуникации и информации в обеспечении или, напротив, нарушении политической стабильности.

Помимо перечисленных, в своей диссертации автор опирался на целый ряд методов, использование которых было продиктовано целью и задачами исследования. В частности, историко-описательный метод был необходим для того, чтобы показать, как изменялись роль и место информации и коммуникации в жизни общества и в сфере политических отношений; как со временем менялись научные представления о безопасности и национальной безопасности. Метод сравнительного анализа (компаративистский) позволил увидеть различия в подходах к пониманию информационной безопасности в отечественной и зарубежной литературе, а также дифференцировать различные общества по типу и уровню их политической стабильности. С помощью ситуационного анализа была определена сложившаяся ситуация в политической жизни российского общества, а также было показано, в какой степени внешние факторы влияют на обеспечение его политической стабильности. Необходимость контент-анализа была продиктована использованием в исследовании официальных документов нормативно-правового характера и документов стратегического планирования. Прогностический метод позволил показать, к каким последствиям может привести широкое применение информационно-коммуникационных технологий в политической сфере общественной жизни.

Наконец, в настоящей работе автор использует метод моделирования для создания, как теоретической модели политической стабильности, так и модели угроз политической стабильности общества с учетом их информационно-коммуникативной составляющей.

Научную новизну составляют следующие результаты диссертационного исследования:

1. На основе сравнительного анализа различных подходов, содержащихся в отечественной и зарубежной научной литературе, выявлении

их достоинств и недостатков, предложено авторское определение информационной безопасности как условия обеспечения устойчивости и стабильности политической системы общества.

2. Показано, что в условиях информационного общества происходит виртуализация политики – она все больше смещается в символическое пространство интернет-коммуникаций, контроль над которыми становится важнейшим условием обеспечения информационной безопасности и политической стабильности общества, в силу чего, несмотря на важность технологической стороны информационной безопасности, на первый план выходят ее социокультурные аспекты, предполагающие защиту и сохранение ценностных, мировоззренческих и культурных основ общества.

3. Предложено авторское определение понятия «политическая стабильность», осуществлено его разграничение с понятием «стабильность политической системы».

4. На основе использования конфликтологического подхода выявлены информационно-коммуникативные условия и способы обеспечения политической стабильности общества.

5. На основе учета факторов политического и неполитического (экономического, культурного, информационного) характера предложена модель угроз политической стабильности российского общества.

6. Установлена зависимость между государственной информационной политикой, политикой информационной безопасности и уровнем политической стабильности общества.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Многочисленные подходы к определению информационной безопасности, как правило, апеллируют либо статическому, либо к динамическому пониманию самой безопасности. На наш взгляд, информационная безопасность — сложное, синкретичное явление, в котором слиты воедино и процессуальные (динамические) и статические (содержательные) характеристики. Позиция автора состоит в учете при анализе

сущности информационной безопасности, в соответствии с принципом дополнительности, всех подходов к ее определению.

Исходя из сказанного, мы можем определить информационную безопасность как способность системы любого типа (политической, социальной, технической и др.) сохранять свою качественную определенность, целостность и устойчивость в условиях деструктивного воздействия любых факторов информационного характера.

Есть все основания говорить о том, что в вопросах обеспечения информационной безопасности ее субъекты и объекты совпадают, поскольку все в равной степени заинтересованы в защите своей информации и защите от чужой деструктивной информации. Вместе с тем, в ряду многочисленных субъектов информационной безопасности особое место занимает государство в силу того, что именно оно располагает исключительными возможностями и ресурсами для эффективного решения задач в информационной сфере.

2. Деятельность по обеспечению информационной безопасности в современных условиях предполагает комплексный подход, учитывающий, во-первых, нормативно-правовое направление деятельности; во-вторых — технологическое; наконец, в-третьих — социокультурное. На наш взгляд, сегодня резко возрастает актуальность третьего — социокультурного — направления, связанного с защитой и сохранением ценностных, мировоззренческих, культурных основ общества.

Особенностью современной политики и социальных отношений стало их смещение в сторону виртуализации. Политическое противоборство на международной и внутривнутриполитической арене перемещается от традиционных политических институтов в направлении символического интернет-пространства. Политика все больше осуществляется не во взаимодействии партий и движений, а в теле- и радиоэфире и в соцсетях. На место идеологической борьбы приходит соревнование политических брендов и имиджей, целенаправленно создаваемых современными медиа. Контроль над ними становится залогом успеха в политической борьбе и условием

обеспечения информационной безопасности и политической стабильности общества.

3. В диссертации политическая стабильность определяется как такое состояние общества и его политической системы, которое обеспечивает их воспроизводство и контролируемое развитие в условиях внутренних и внешних дезорганизующих воздействий.

Это предельно общее определение позволяет рассматривать достижение политической стабильности как комплексную проблему, решение которой следует искать на путях снижения социально-политической напряженности в обществе и достижения на основе компромисса интересов разных политически значимых социальных групп, их согласия по выбору направления дальнейшего развития (экономического, политического и т.д.).

Автором разграничиваются понятия «политическая стабильность» и «стабильность политической системы». По отношению к политической стабильности политическая система и её стабильность является лишь институциональной составляющей, через которую выражается временный баланс сил ключевых политических субъектов. Политическая стабильность предполагает не только конкретный тип (форму) политической системы, но и политическую ориентацию общества на эту систему.

4. Большими эвристическими возможностями в решении задачи определения механизмов и стратегии достижения политической стабильности обладает конфликтологический подход. По мнению автора, именно конфликтологический подход к проблеме обеспечения политической стабильности может дать необходимый инструментарий для ее решения. Социальный конфликт — нормальное и естественное состояние общества, вместе с тем, стремление к снижению напряженности подобного конфликта (деэскалации) способствует как институциональной стабильности, так и стабильности общественной.

Отметим, что в конфликте несовместимость целей и интересов сторон зачастую носит мнимый характер: в действительности многие конфликтные

ситуации обладают высоким «интегративным потенциалом», позволяющим объединить и примирить интересы сторон. Осознание сторонами конфликта самой возможности нахождения интегративного решения может изменить их поведенческую стратегию – она будет нацелена не на усиление конфронтации, а на ее снижение, и на поиск компромисса, договоренности и консенсуса. В контексте проблемы обеспечения политической стабильности такая конфликтная стратегия представляется наиболее рациональной.

Информационно-коммуникативный подход позволяет рассматривать механизмы снижения уровня напряженности и обеспечения политической стабильности в контексте реализации тех функций политической системы, от которых зависит ее существование и воспроизводство. В работе акцент делается на функциях информационно-коммуникационного характера, таких как политическая социализация и политическая коммуникация. Используя механизмы политической социализации, среди которых огромную роль играют медийные средства, политическая система «привязывает» к себе индивида, формирует его в духе лояльности и, тем самым, обеспечивает свое воспроизводство и свою легитимность. Посредством политической коммуникации внутри политической системы (между отдельными ее институтами), а также между системой и ее средой, т. е. обществом — создаются предпосылки неконфликтного взаимодействия всех сторон политического процесса на основе их диалога.

5. Теоретические контуры модели угроз политической стабильности российского общества образуют внутренние и внешние угрозы политического, экономического и информационного характера. Решение проблемы внешних угроз возможно при условии преодоления или нейтрализации угроз внутренних. Для современной России наиболее актуальной среди внутренних угроз представляется сложившееся противоречие между реальной политической практикой и формально присутствующими политическими структурами. Это приводит к рассогласованности между общественными требованиями и ожиданиями, с одной стороны, и функционированием

политической системы, с другой. Такое несоответствие формы и содержания является прямой угрозой политической стабильности, поскольку скрывает реальные механизмы функционирования политической системы. В преодолении этого несоответствия особая роль отводится информационно-коммуникационным механизмам.

Открытость и доступность информации, постоянная коммуникация между властью и обществом способна разрешить противоречие: власти получают от общества информацию, необходимую для принятия адекватных общественным ожиданиям и требованиям решений, общество получает от власти информацию, разъясняющую необходимость принятия тех или иных решений.

6. Одним из средств обеспечения политической стабильности российского общества выступает государственная информационная политика, целями которой выступают, во-первых, информационное сопровождение деятельности государства в различных сферах жизни общества; во-вторых, обеспечение поддержки внутри- и внешнеполитической деятельности государства со стороны общества.

Важнейшим направлением государственной информационной политики является политика информационной безопасности государства, также имеющая свою внешнюю и внутреннюю составляющую. Внешняя предполагает защиту национального информационного пространства от внешнего информационного влияния на политическое сознание населения государства, а также от деструктивного воздействия на его информационную инфраструктуру. Внутренняя нацелена на укрепление политической системы и сложившегося политического режима, а также на достижение общественного консенсуса по поводу целей и базовых ценностей общества и государства.

Обеспечение политической стабильности общества в качестве цели предполагает проведение такой информационной политики, которая оставляет за человеком возможность свободного выбора и самоопределения в информационном пространстве, также как и свободного политического

выбора, не противоречащего национальным интересам страны. Напротив, информационная политика, построенная по принципу ограничения информации, сокращения числа информационных каналов приводит к тому, что любой информационный «вброс» способствует росту антигосударственных настроений, в то время как официальная информационная линия снижает свою стабилизационную функцию.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Полученные в ходе настоящего исследования выводы и результаты могут стать полезной теоретико-методологической основой дальнейших исследований в области международной, национальной и информационной безопасности, теории политических систем, теории модернизации, теории коммуникации и др. Теоретические положения, выдвинутые и обоснованные в настоящей работе, могут найти применение в учебном процессе при разработке курсов и учебных материалов политологического, политико-управленческого, коммуникативного направлений.

В качестве результата диссертационного исследования, имеющего практической значение, можно выделить теоретическую модель политической стабильности и модель угроз политической стабильности. Указанные теоретические модели могут быть использованы в практике политического консультирования, а также лечь в основу прикладных политологических исследований.

Хронологические рамки исследования. Проблема, вынесенная в заглавие настоящей работы, сама по себе не имеет строгой временной или пространственной привязки – зависимость между информационной безопасностью и политической стабильностью испытывает на себе любое общество, особенно если оно активно включено в систему международных отношений.

Вместе с тем, настоящее исследование хронологически ограничено постсоветским периодом российской истории, т.е. с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время. Такое ограничение вызвано, по меньшей мере, двумя

обстоятельствами, придающими этому периоду качественное своеобразие и отличие от других периодов отечественной истории. Первое обстоятельство связано с возникновением в нашей стране в начале 90-х гг. нового типа политической системы и политических отношений. Второе обстоятельство связано с качественно новым этапом развития информационно-коммуникационных систем – созданием сети «интернет», обеспечившей новый уровень информационного обмена и глобальной проницаемости для информационных потоков. Соответственно, на новый уровень вышли и информационные риски и угрозы, способные оказать негативное влияние на политическую стабильность общества.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования апробированы на следующих всероссийских научно-практических конференциях: XIV Всероссийская научная конференция «ИНФОРМАЦИЯ-КОММУНИКАЦИЯ-ОБЩЕСТВО» Информационное равенство и открытость: мифы или реальность (СПб, СПбГЭТУ «ЛЭТИ» 2017 г.). Тема выступления: «Локальная сеть как инструмент информационной безопасности»; Всероссийская научно-практическая конференция «Информационно – коммуникативная модель взаимодействия Государства и общества» (СПб, СЗИУ РАНХиГС 2018 г.). Тема выступления: «Публичность СМИ как фактор обеспечения политической стабильности»; XVI Всероссийская научная конференция «ИНФОРМАЦИЯ-КОММУНИКАЦИЯ-ОБЩЕСТВО» Общество в цифровую эпоху (СПб, СПбГЭТУ «ЛЭТИ» 2019 г.). Тема выступления: «СМИ как институт публичной политики и их влияние на политическую стабильность»; XVII Всероссийская научная конференция «ИНФОРМАЦИЯ-КОММУНИКАЦИЯ-ОБЩЕСТВО» Проблема социального развития: противоречия рубежа эпох (СПб, СПбГЭТУ «ЛЭТИ» 2020 г.). Тема выступления: «Вопросы информационной безопасности в условиях «цифровизации» общественной жизни в современной России».

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, шести параграфов и списка литературы.

Глава 1. Информационная безопасность в научном дискурсе

1.1. Анализ научных подходов к трактовке понятия «информационная безопасность»

Вторая половина XX — начало XXI века сопровождаются существенными преобразованиями сложившегося мироустройства. Возросшая ценность интеллектуального капитала ознаменовала качественно новый этап в развитии мира. Изучение глобальных перемен, наметившихся во второй половине XX века и вызванных становлением нового технологического уклада, основанного на автоматизации и внедрении новых информационных технологий, получило развитие в русле теорий *постиндустриализма* и *информационного общества*, у истоков которых стояли Дэниел Белл, Ёнэдзи Масуда, Мануэль Кастельс, Элвин Тоффлер и многие другие ученые.

В конце 1960-х годов возникает понятие *информационное общество*, появление которого связывают с именами японских ученых - профессора Токийского технологического института Юдзиро Хаяши и профессора университета Аомори Ёнэдзи (Йошита) Масуда. Информационным они считали такое общество, которое идет на смену традиционному индустриальному обществу и в котором производство, основанное на развитии информационных технологий, будет сориентировано на производство интеллектуального, а не материального продукта⁴¹.

Переосмысление роли знаний и информации в жизни человека и общества, а также широкое развитие и распространение информационных и коммуникационных средств, привело к осознанию информации как ценнейшего ресурса жизнедеятельности, оказывающего определяющее влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и политическую. Эту тенденцию четко отразил в своих работах американский философ, социолог и футуролог Элвин Тоффлер. В 1980 г. в книге «Третья волна» он выделил в истории три

⁴¹Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington: World Future Society, 1981. 171 p.

цивилизационные волны: первая – аграрная (до XVIII в.), вторая – индустриальная (до 50-х годов XX в.) и третья – постиндустриальная (начиная с 50-х г. XX в.). Третья волна связана с информационной революцией, в результате которой возникло постиндустриальное общество со своими специфическими чертами, такими как деконцентрация населения и производства, скачкообразный рост информационного обмена⁴².

Десять лет спустя, в 1990 г. в работе «Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века», развивая тему информационного общества, Э. Тоффлер утверждает, что среди многочисленных ресурсов власти самыми значимыми являются — сила, богатство и знание. Под ресурсами власти здесь понимаются средства, использование которых позволяют субъекту власти добиваться от объекта такого поведения, которое соответствует целям субъекта. Последний из перечисленных ресурсов дает самую высококачественную власть, поскольку именно знание предполагает «эффективность — достижение цели с минимальными источниками власти»⁴³. Более того, отмечает Э. Тоффлер, знание способно приумножать силу и богатство.

Политика, смысл и содержание которой составляет борьба за власть, ее удержание, осуществление и распределение, не может не обращаться к ресурсу, который в информационном обществе становится главным и самым эффективным средством достижения власти и ключом к решению внутри- и внешнеполитических задач.

Безусловно, и на внутриполитической арене, и в международном сообществе ведётся ожесточенная борьба за информационный ресурс, за право на обладание им и его использование. Приходится, однако, констатировать, что технологическое превосходство Запада в сфере информации и коммуникации позволяет ему занимать доминирующее положение в глобальном

⁴² Тоффлер Э. Третья волна / пер с англ. Л.М. Бурмистрова, К.Л. Татарина. М.: изд-во «АСТ» 2010. 800 с.

⁴³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века/ пер. с англ. М.: изд-во «АСТ», 2003. 669 с.; С.37.

информационном пространстве. Это существенно влияет на подходы к обеспечению суверенитета, безопасности, национальных интересов. Достижение и удержание информационного превосходства сегодня обеспечивает решающее преимущество в геополитической конкуренции, поскольку она все больше смещается из области военного и экономического противостояния в плоскость высоких технологий и контроля над информационным пространством. Именно поэтому конкуренция в сфере информационно-коммуникационных технологий становится вопросом обеспечения информационной и, можно смело утверждать, национальной безопасности.

Обеспечение информационной безопасности становится не просто актуальной проблемой, но выходит на первый план в перечне других аспектов национальной безопасности.

Очевидно, что само понятие *информационная безопасность* является производным от базовых понятий – *информация*, *безопасность* и *национальная безопасность*. Все перечисленные понятия стали предметом теоретических дискуссий относительно их сущности и содержания, развернувшихся в научной литературе. Результаты этих дискуссий имеют самое непосредственное отношение и к трактовке информационной безопасности.

Понятие *информация* обозначает сложное и многоплановое явление, отсюда и многообразие его трактовок. Некоторые ученые, прежде всего математики, философы, кибернетики, предпочитают говорить об информации как о всеобщем свойстве материи, будь то отражение разнообразия в объектах и явлениях живой и неживой природы, мера организации системы, либо мера устранения неопределенности⁴⁴.

⁴⁴ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Сов.радио, 1968. 326 с.; Винер Н. Я – математик. М.: Наука, 1967. 354 с.; Моль А. Социодинамика культуры/ пер. с фр. М.: изд-во ЛКИ, 1973. 416 с.; Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике: сборник статей / пер. с англ; под ред. Р.Л. Добрушина, О.Б. Лупанова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 830 с.; Эшби У.Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. Д. Г. Лахути; под ред. В. А. Успенского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 432 с.

Поскольку в работе речь идет об информации в контексте функционирования социальных систем, то для нас первостепенное значение имеют не ее всеобщие качества, а субъективное восприятие и возможность использования в практической деятельности – т.е. ее семантика и прагматика. Именно эти аспекты информации, на наш взгляд, предельно точно отразил Н.Н. Моисеев, говоря о том, что «информация сама по себе ничего не стоит и ничего не означает»⁴⁵. Ее нельзя рассматривать в отрыве от свойств субъекта, который ее получает, оценивает, интерпретирует и использует «для обеспечения возможности некоторых целенаправленных действий»⁴⁶. Понимаемая в субъективном, человеческом, смысле, «информация» больше всего соответствуют своему исконному, этимологическому значению как некоей суммы сведений, которыми люди обмениваются, используют в своих действиях, и с помощью которых могут прогнозировать их последствия и достигать поставленных целей. Центральной фигурой при такой трактовке информации становится субъект, а центральный вопрос состоит в том, как, и в каких целях, он ею распоряжается. В этом значении понятие «информация» будет использоваться в настоящей работе.

Понятие *безопасность* в его обыденном понимании вполне соответствует определению, которое дает лексикограф В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка», называя безопасностью «отсутствие опасности»⁴⁷. Близкое по смыслу определение содержится и в словаре советского лингвиста С.И. Ожегова, где безопасность - это «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности»⁴⁸. В обоих случаях, как мы видим, безопасность равнозначна отсутствию опасностей и угроз.

Понимание безопасности как «защищенности» допускает использование понятия по отношению к разным объектам, что позволяет говорить и о разных видах безопасности. В том числе безопасности национальной, информационной

⁴⁵ Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.; С.51.

⁴⁶ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 314 с.; С. 154.

⁴⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989, 779 с.; С. 67.

⁴⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990, 917 с.; С.67.

и др., в дискуссиях о содержании которых отправной точкой служила идея обеспечения защищенности от самых разных угроз, что хорошо видно на примере понятия «национальная безопасность», ставшего исходным для безопасности информационной.

По поводу возникновения и содержания термина *национальная безопасность* в литературе высказывается несколько точек зрения. Первая состоит в том, что данный термин впервые был использован в 1904 году американским президентом Теодором Рузвельтом в послании к Конгрессу в контексте необходимости обеспечения защиты американских территорий, а также недопущения вмешательства Европы в дела западного полушария, где основную роль должны играть США. Здесь очевидный акцент делался на военном аспекте национальной безопасности⁴⁹.

Профессор Ю.М. Батурин, рецензируя книгу С.В. Кортунова «Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации», отмечает, что понятие «национальная безопасность» впервые появилось в книге У. Липпмана в 1943 году (речь идет о книге «Внешняя политика США: щит республики» - В.П.), а спустя четыре года получило официальное признание в США с принятием о национальной безопасности в 1947 г., на основе которого был учрежден Совет национальной безопасности⁵⁰.

Хотя в законе США «О национальной безопасности» и не содержится точного и однозначного определения национальной безопасности, основой её обеспечения объявлялось американское военное и оборонительное превосходство над любой иностранной державой или группой держав. Данное положение свидетельствует о теснейшей связи национальной безопасности США и её внешней политики с опорой на военную силу.

⁴⁹Кучерявый М.М. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в аспекте глобальных политических процессов современного мира // Власть. 2014. №2. С. 105-109; С. 107.

⁵⁰Батурин Ю.М. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации (рецензия на книгу) [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2004. №1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/stanovlenie-politiki-bezopasnosti-formirovanie-politiki-nacziionalnoj-bezopasnosti-rossii-v-kontekste-problem-globalizaczii/> (дата обращения 10.09. 2020).

Следует отметить, что и Уолтер Липпман в упомянутой работе впервые предпринимает попытку определить понятие, акцентируя его военную составляющую: «Государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится приносить в жертву свои интересы с целью избежать войны и когда оно в состоянии с помощью войны защитить эти интересы в случае посягательства на них»⁵¹.

Таким образом, первоначальный смысл, заложенный в понятие национальной безопасности, сводился к необходимости защиты государства от внешних военных угроз. В дальнейшем содержание понятия существенно расширяется. Во второй половине XX столетия становится очевидным, что, во-первых, угрозы могут быть связаны не только с войной, напротив, перечень невоенных угроз постоянно растет (экономические, экологические, демографические, информационные и пр.); во-вторых, они могут иметь не только внешний, но и внутренний характер, сказывающийся на социальной и политической стабильности.

В отечественной истории долгое время понятие национальной безопасности было тождественно безопасности государственной. Традиция такого отождествления получила свое начало в 30-е годы XX в., когда в составе НКВД было образовано Главное управление государственной безопасности (1934), а в 1936 г. понятие «государственная безопасность» появилось в тексте Конституции СССР. В стране, где практически все было огосударствлено, безопасность тоже была объявлена государственной.

Смена общественного строя в конце XX века привела к трансформации, как понятия, так и отношения к проблеме безопасности. Об этом довольно подробно писали ученые Российской академии государственной службы в работе «Общая теория национальной безопасности». В частности, они отмечали, что с сокращением доли государства в экономике и в других сферах общественной жизни правомерно и целесообразно вместо термина

⁵¹Lippman W. US Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston: Little, Drown and Company, 1943. 177 p.; P.5.

«государственная безопасность» использовать термин «национальная безопасность», имея в виду, что эти термины не синонимы, а разновеликие понятия. Национальная безопасность – понятие общее, родовое; «государственная безопасность» – частное, видовое⁵².

Первым правовым актом, заложившим основу сегодняшнего понимания национальной безопасности в России и соответствующей практической деятельности по обеспечению национальной безопасности, является Закон Российской Федерации от 5.03.1992 г. №2446-1 «О безопасности»⁵³. Хотя сам термин *национальная безопасность* в этом законе не применяется, однако именно в нём заложено концептуально новое для нашей страны отделение безопасности государственно-властных структур и их интересов от общественных и личностных. Тем самым, за счет таких категорий, как *безопасность личности* и *безопасность общества*, было усилено гражданское содержание понятия безопасности.

Первое использование термина *национальная безопасность* (без раскрытия его содержания) содержится в Федеральном законе №24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (1995)⁵⁴. Затем он был использован в «Послании Президента Российской Федерации по национальной безопасности Федеральному Собранию» от 13 июня 1996 г., где уже присутствовало разъяснение его содержания. Здесь, в частности, было сказано, что национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства⁵⁵. Близкое по

⁵²Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: изд-во РАГС, 2005. 344 с.

⁵³ О безопасности: [закон Российской Федерации: принят 05 марта 1992 г.: утратил силу 28 декабря 2010г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/ (дата обращения 15.08.2020).

⁵⁴Об информации, информатизации и защите информации: [федер. закон: принят Гос. Думой 20 февраля 1995 г.: утратил силу 27 июля 2006 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/ (дата обращения 15.08.2020).

⁵⁵Послание Президента Российской Федерации по национальной безопасности Федеральному Собранию. М., 1996. 32 с.; С. 8.

смыслу определение содержится в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», принятой в 12 мая 2009 г.

Наконец, ныне действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (от 31 декабря 2015 г.) содержит предельно развернутое определение национальной безопасности Российской Федерации как *состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации*⁵⁶.

Здесь же сказано, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией и законодательством РФ, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Мы видим, что современное представление о национальной безопасности существенно отличается от первоначального – милитаристского, и существенно шире его. Сегодня проблема национальной безопасности включает не только военную безопасность, но и социально-экономическую, экологическую, продовольственную, энергетическую, информационную, демографическую и др.

Возникновение и становление информационного общества поставило во главу угла обеспечение национальной безопасности в информационной сфере. Новые технологии повлекли за собой и новые угрозы, заставляющие государство обращаться к политике обеспечения информационной безопасности как части политики национальной безопасности. При этом

⁵⁶Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации 31 декабря 2015 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 14.08.2019).

считается, что именно информационная безопасность в ближайшей перспективе станет важнейшей составляющей этой политики.

Несмотря на широкое освещение и постоянное внимание к проблеме в научной литературе, до сих пор не выработано единого понимания и определения понятия *информационная безопасность*.

Отсутствие единства во многом объясняется тем, что по-разному расставляются акценты в определении приоритетных задач в области обеспечения информационной безопасности. Особенно это заметно при сравнении зарубежной и отечественной литературы.

Зарубежные авторы, особенно в западных странах, чаще всего акцентируют технологическую сторону, отечественные больше внимания уделяют социокультурной, мировоззренческой. Весьма показательна точка зрения профессора РАНХиГС Т.В. Закупень – «информационная безопасность скорее социальное, нежели чисто техническое, явление. Ее нельзя отождествлять с применением специальных технических средств и методов для защиты информации..."⁵⁷. Такое различие подходов можно объяснить тем, что запад, обладая технологическим превосходством, всегда осуществлял культурную экспансию, насаждая свою мировоззренческую модель другим странам и народам, не испытывая при этом сколько-нибудь серьезного сопротивления. Для нашей страны вопросы сохранения своей социокультурной идентичности всегда имели приоритетное значение.

Зарубежные авторы, несмотря на огромное количество исследований различных аспектов информационной безопасности, как правило, используют уже устоявшиеся определения, предлагаемые нормативной и справочной литературой. Поэтому часто, даже в научных исследованиях, можно встретить определение Международной организации по стандартизации (ISO), которое

⁵⁷Закупень Т.В. Понятие и сущность информационной безопасности и ее место в системе обеспечения национальной безопасности РФ // Информационные ресурсы России. 2009. №4. С. 28-34; С. 28.

сводит информационную безопасность к сохранению конфиденциальности, целостности и доступности информации (ISO / IEC 27000, 2014)⁵⁸.

Похожее, хотя и более развернутое, определение дают Национальный институт стандартов и технологий США (NIST) и Свод федеральных законов США: информационная безопасность в обоих случаях трактуется как «защита информации и информационных систем от несанкционированного доступа, использования, разглашения, разрушения, изменения или уничтожения в целях обеспечения целостности (integrity – защита от несанкционированного изменения или уничтожения информации), конфиденциальности (confidentiality – сохранение разрешенных ограничений на доступ и разглашение, включая средства защиты личной и служебной информации), а также доступности (availability – обеспечение своевременного и надежного доступа к информации)»⁵⁹.

Упомянутые характеристики информационной безопасности – «конфиденциальность», «целостность» и «доступность» (confidentiality, integrity и availability) – настолько часто используются в разных англоязычных источниках, что стали заменяться аббревиатурой CIA. Примерами использования определений, основанных на триаде CIA могут служить работы таких авторов, как Н.Р. Мукундан и Л.Ф. Сэй⁶⁰; Э.Н. Сингх, М.П. Гупта, Э. Ойя⁶¹, И. Йылдырым, Г. Акалп, С. Оутэк, Р. Байрам⁶².

Следует обратить внимание еще на одну особенность трактовки термина *information security* в англоязычных странах: данный термин, в первую очередь,

⁵⁸International Organization for Standardization / International Electrotechnical Commission 27000.2014. Terms and Definitions. ISO/IEC 27000: 2014: Information technology - Security techniques - Information security management systems. Overview and vocabulary. [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:27000:ed-3:v1:en>. (дата обращения 12.06.2019)

⁵⁹National Institute of Standards and Technology [NIST]. Glossary of key information security terms. Gaithersburg, MD: NIST Pub. 2018. 222 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/44/3542.html> (дата обращения 12.06.2019).

⁶⁰Mukundan N.R., Sai L.P. Perceived information security of internal users in Indian IT services industry // Information Technology Management. 2014. № 15.P. 1–8.

⁶¹Singh A.N., Gupta M.P., Ojha A. Identifying factors of organizational information security management // Journal of Enterprise Information Management. 2013. № 27(5). P. 644–667.

⁶²Yildirim E. Y., Akalp G., Aytac S., Bayram, N. Factors influencing information security management in small- and medium-sized enterprises: A case study from Turkey // International Journal of Information Management. 2011. № 31.P. 360–365.

понимается как «безопасность информации», что следует из всех приведенных выше определений.

Такой подход, предполагающий тождественность информационной безопасности и безопасности информации объясняется общим сдвигом интереса исследователей в направлении современных информационно-коммуникационных технологий. Поэтому в вопросах информационной безопасности на первый план выходит ее технологический аспект, т.е. кибербезопасность. Фактически происходит подмена информационной безопасности кибербезопасностью, которая предполагает устойчивое функционирование информационной инфраструктуры и инфо-коммуникационных сетей, в первую очередь – Интернета.

Примером может служить исследование Юрлича Гелинаса и Ричарда Далла, которые понимают информационную безопасность в сугубо технологическом ключе как оборудование, программное обеспечение, процессы и процедуры, необходимые для защиты информационных систем от внутренних и внешних угроз, включая маршрутизаторы, межсетевые фильтры, IP-стратегии, обнаружение и информирование о проникновениях, контент фильтрации, анти-вирусные, анти-шпионские программы, менеджмент паролей, оценка уязвимости, управление обновлениями программного обеспечения, персональные брандмауэры, стратегии безопасности беспроводной связи, шифрование данных, закрытое оборудование и обучение пользователей⁶³.

Подобная приверженность концепции безопасности информации или кибербезопасности, предполагающей защиту информационной инфраструктуры, объясняется, прежде всего, объективным превосходством США и других западных стран в области развития инфо-коммуникационных технологий, и их доминирующей ролью в формировании глобальной информационной инфраструктуры. Свое особое место в глобальной информационной структуре США используют в военно-политических целях. В

⁶³Gelinas U.J., Dull, R.B. Accounting information systems (7th edition). Cincinnati, OH: Thomson South-Western College Pub., 2008.720 p.; P.11.

подтверждение тому можно привести данные об актах шпионажа, осуществляемого американскими спецслужбами при помощи сети Интернет⁶⁴.

Именно киберпространство в официальных документах США представляется «новым театром военных действий»⁶⁵. Так, в источниках по информационным войнам и вопросам кибербезопасности содержится упоминание о докладе на одном из симпозиумов эксперта Пентагона Роберта Банкера, посвященном разработке новой военной доктрины США в XXI столетии (Force XXI). В этом докладе было предложено разделение будущего театра военных действий на две составляющие – традиционное (географическое) пространство и киберпространство, причем, последнему автор отводил первостепенное значение⁶⁶. То же самое утверждает М. Либицки из RAND Corporation, по мнению которого информационный удар по пунктам управления может оказаться даже более эффективным с военной точки зрения, чем уничтожение военачальника⁶⁷.

Можно сделать вывод, что в трактовке зарубежных специалистов информационная безопасность, как часть реализации задач по обеспечению безопасности и обороноспособности государства, заключается в наращивании и развитии информационной инфраструктуры, способной, во-первых, защищать информацию, во-вторых, наносить ущерб информации и информационной инфраструктуре противника. Становится очевидным, что когда западные специалисты говорят об информационной безопасности и о безопасности информации — они фактически говорят об одном и том же.

Технологический подход разделяет и ряд отечественных специалистов, чьи исследования указывают на первостепенную необходимость защиты

⁶⁴Ball J., Borger J., Greenwald G. Revealed: how US and UK spy agencies defeat internet privacy and security // The Guardian. 6 September 2013 [Электронный ресурс]. URL: (<http://www.theguardian.com/world/2013/sep/05/nsa-gchq-encryption-codes-security> (дата обращения 12.10. 2020).

⁶⁵Quadrennial Defense Review // US Department of Defense: Official website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf> (дата обращения 12.10. 2020).

⁶⁶Гриняев С.Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива [Электронный ресурс]. URL.:<http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/informacionnye-voiny/informacionnaya-voina-istoriya-den-segodnyashnii-i-perspektiva> (дата обращения 30.12.2019).

⁶⁷Libicki M.C. What is Information War? // Strategic Forum Report. Washington. 1995 [Электронный ресурс]. URL.: http://www.dodccrp.org/files/Libicki_What_Is.pdf (дата обращения: 03.09.2020).

информационной инфраструктуры и информации в информационных сетях. Безопасность здесь рассматривается как состояние защищенности данных, при котором обеспечиваются их конфиденциальность, доступность и целостность, а также комплекс мер, связанных с достижением этого состояния. Актуальность этой стороны безопасности подчеркивается в исследованиях функционирования информационных систем вооруженных сил РФ и органов военного управления⁶⁸. Помимо военной области вопросам кибербезопасности, защиты информации и информационных систем уделяется внимание при изучении деятельности государственных, производственно-экономических, финансово-кредитных структур. Обеспечение информационной безопасности в этих сферах имеет государственное и общественное значение, поскольку современный мир столкнулся с таким явлением как «киберпреступность»⁶⁹.

В то же время, отечественный подход к пониманию информационной безопасности, в отличие от зарубежного, носит более сбалансированный характер и предполагает не только защиту информации в инфокоммуникационных сетях и информационной инфраструктуры, но и выделяет возможное негативное влияние самой информации, направленное на человеческое сознание, и, как следствие, необходимость защиты от её воздействия.

Так, по мнению целого ряда российских специалистов (Т.В. Владимирова, В.Н. Илюшенко, С.П. Расторгуев и др.) информационная безопасность сводится, по меньшей мере, к двум аспектам – к «защите информации и защите от информации»⁷⁰. Первый аспект — технико-технологический, предполагающий защиту как самой информации, так и

⁶⁸Самыгин С.И., Верещагина А.В., Кузнецова А.В. Обеспечение информационной безопасности военно-инженерных войск // Гуманитарные, социально экономические и общественные науки. 2015. № 5. С.233-236.

⁶⁹Казарин О.В., Сальников А.А., Шаряпов Р.А., Ященко В.В. Новые акторы и безопасность в киберпространстве // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. Часть 1: №2. С.71-84; Часть 2: №3. С.90-103.

⁷⁰Владимирова Т.Н. Социальная природа информационной безопасности: монография. М.: АНО изд. дом «Науч. Обозрение», 2014. 239 с.; С. 24; Илюшенко В. Н. Информационная безопасность общества: учеб. пособие для ВУЗов. Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1998. 425 с.; С..3; Расторгуев С. П. Основы информационной безопасности : учеб. пособие для студ. высших учеб. Заведений. М.: изд. центр «Академия», 2009. 204 с.

информационной инфраструктуры от несанкционированного и деструктивного внешнего воздействия. Второй аспект — социокультурный, где речь идет о защите культуры и мировоззренческих основ общества от чрезмерного внешнего влияния.

Данного разделения придерживается и доктор политических наук, профессор И.Н. Панарин, когда говорит о таких видах информационного противоборства как информационно-техническое и информационно-психологическое. Если при первом объектом воздействия становятся информационно-технические системы, то при втором воздействие оказывается на общественное сознание и общественное мнение, на принятие политических и экономических решений⁷¹.

Двуединый подход к пониманию информационной безопасности присутствует и в официальных документах. Так, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента 9 сентября 2000 года № Пр-1895⁷², содержала определение информационной безопасности, выражающее официальную государственную позицию на проблему информационной безопасности, а также признание появления новой, информационной сферы и соответствующей системы общественных отношений. Были обозначены интересы личности, общества, государства в информационной сфере, приведён обзор основных угроз и средств защиты.

Сегодня основополагающим документом в области обеспечения безопасности Российской Федерации в информационной сфере является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 года⁷³.

⁷¹Панарин И.Н. Механизм внешнеполитической пропаганды требует восстановления [Электронный ресурс]. URL.: <http://viperson.ru/wind.php?ID=607230&soch=1>. (дата обращения: 30.12.2019).

⁷²Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [утверждена Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000: утратила силу 5 декабря 2016 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28679/ (дата обращения 15.08.2020).

⁷³Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г.: по состоянию 1 октября 2020 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ / (дата обращения 13.08.2020).

Доктрина определяет информационную безопасность, как «*состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства*»⁷⁴. Документ указывает на информационную безопасность как на приоритетное направление деятельности в обеспечении национальной безопасности. При этом, новая доктрина, в отличие от предыдущей, указывает на информационные технологии как на неизменную составляющую общественной жизни.

В Доктрине информационная сфера, выступающая в качестве объекта информационной безопасности, характеризуется преимущественно в технологическом ключе, поскольку включает в себя совокупность информации, объекты информатизации, информационные системы, сайты, сети связи, информационные технологии и т.д. (см. п.1)⁷⁵.

В то же время в Доктрине подчеркивается отчетливый социокультурный аспект информационной безопасности, поскольку в ней говорится о необходимости применения «информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации» (п.8а)⁷⁶.

Таким образом, в отечественных официальных документах и научной литературе подход к проблеме информационной безопасности не ограничивается исключительно защитой информации и кибербезопасностью, а характеризуется единством технико-технологического и социокультурного аспектов. Социокультурный аспект предполагает сохранение и защиту

⁷⁴Там же.

⁷⁵Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 15.08.2020).

⁷⁶ Там же.

культурных и мировоззренческих основ общества от деструктивного внешнего влияния. Кроме того, опасность представляет пропагандистское воздействие на личность и общество через ангажированные СМИ, представляющие информацию под определенным углом зрения. Некритическое восприятие такой информации может привести к искаженному представлению человека об окружающем его мире и, следовательно, неадекватной реакции на события, в этом мире происходящие. По мнению доктора психологических наук Г.В. Грачёва, духовная сфера общества в наибольшей степени подвержена непосредственному воздействию информационной среды, а деформация и деструктивные изменения в ней влияют на состояние и процессы в других сферах общественной жизни, в том числе политической и экономической⁷⁷.

Наличие официальной точки зрения на информационную безопасность, которая изложена в Доктрине информационной безопасности, не отменяет теоретической дискуссии в научном сообществе по поводу содержания и трактовки термина.

Прежде всего, большое внимание уделяется подходу к безопасности как отсутствию опасности. Выше уже приводилось несколько определений, где предлагалась такая точка зрения. Сама формулировка «безопасности как отсутствия опасности» отражает скорее гипотетическую, нежели реальную, ситуацию. Личность, общество, государство являются открытыми системами, постоянно обменивающимися ресурсами и информацией с окружающей средой. Безусловно, какая-то часть этих ресурсов или информации может оказывать и оказывает деструктивное воздействие на их существование и функционирование. Новые технологии создают и новые угрозы.

Поэтому более продуктивным признается определение «безопасности как состояния защищенности». Такой подход присутствует в официальных документах, его придерживается значительная часть российских исследователей. В частности, рассматривая военные аспекты обеспечения

⁷⁷Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: изд-во РАГС, 1998. 125 с.

безопасности А.В. Болятко саму безопасность определяет как *«систему гарантий защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства как внутри страны, так и вне ее»*⁷⁸.

Аналогичный подход, хотя и выраженный иными словами, предлагает известный специалист в области информационной безопасности А.А. Стрельцов, определяющий безопасность как «невозможность нанесения вреда» или «защищенность от угроз», а информационную безопасность как «невозможность нанесения вреда свойствам объекта безопасности, обуславливаемым информацией и информационной инфраструктурой»⁷⁹.

У некоторых авторов можно встретить уточнения, когда под безопасностью предлагается понимать не столько состояние, сколько уровень или степень защищенности субъекта от различных угроз, в том числе информационных⁸⁰.

Вместе с тем, можно встретить подходы, где безопасности пытаются придать всеобъемлющее звучание, где она рассматривается одновременно через категории *опасность* и *защищенность*. Так, доктор философских наук, профессор О.А. Бельков предлагает рассматривать безопасность, во-первых, как отсутствие опасности, во-вторых, как реальную защищенность от опасностей, способность надежно противостоять им⁸¹.

Рассмотренные выше подходы к определению безопасности (отсутствие опасности, состояние защищенности) классифицируются в отечественной науке как статические. По мнению Т.В. Владимировой, методологически более функциональным является динамический подход. Она считает, что информационная безопасность предполагает контроль над информацией, а

⁷⁸Болятко А.В. Задачи военной безопасности и обеспечение их решения // Военная мысль. 1993. № 4. С.10-13; С. 10.

⁷⁹Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы. М.: МЦНМО, 2002. 289 с.; С. 56.

⁸⁰Сергеев Г.М. Необходимость концепции национальной безопасности // Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. М., 1993. №8. С. 81-84; С.81; Тимохин П.К. К формированию концепции безопасности России // Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. М., 1993. №6. С.30-34; С. 30.

⁸¹Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. 1994. №3(19). С.91-94.

также наличие необходимых средств для такого контроля и отражения информационных угроз. В перечень этих средств входят: возможность доступа к информации, наличие собственных информационных ресурсов, независимость в их использовании, а также средства защиты этих ресурсов (правовые, технические, специальные и др.)⁸².

Полемически расходятся с приведенной выше оценкой А.В. Морозов и Т.А. Полякова, которые утверждают, что состояние защищенности не может быть статичным вследствие многочисленных вызовов и угроз, возникающих в динамичный «информационный век» с его стремительно развивающимися информационными технологиями, несущими не только благо, но и многочисленные проблемы. Напротив, оно требует постоянного совершенствования⁸³.

Критически подходит к определению безопасности как защищенности кандидат философских наук, автор монографии «Агасофия информации: Природа информации. Информационная модель мира»⁸⁴ Г.А. Атаманов. Он утверждает, что безопасность – это не состояние защищённости, а ситуация, при которой объекту безопасности не может быть причинён ущерб в виде деструкции, дисфункции, ухудшения условий жизнедеятельности. Соответственно информационную безопасность объекта, с точки зрения Г.А. Атаманова, следует определять как «ситуацию, при которой его информационной инфраструктуре, информационной функции и информационным ресурсам не может быть причинён значимый ущерб»⁸⁵.

Присутствие информационной составляющей в обеспечении различных видов безопасности подчёркивает член-корреспондент РАН, доктор технических наук Р.М. Юсупов. Он считает, что информационную

⁸²Владимирова Т.В. Социальная природа информационной безопасности. М.: АНО изд. дом «Научное обозрение», 2014. 239 с.; С.25.

⁸³Морозов А.В, Полякова Т.А. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности: монография. М.: РПА Министерства юстиции России, 2013. 273 с.; С.32.

⁸⁴Атаманов, Г.А. Агасофия информации: Природа информации. Информационная модель мира: монография. Волгоград: изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2017. 122 с.

⁸⁵ Блог Г.А. Атаманова [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: <http://gatamanov.blogspot.ru/2014/11/blog-post.html> (дата обращения: 28.08.2020)

безопасность соответствующего субъекта (личность, общество, государство и пр.) можно определить, как «состояние, в котором ему (субъекту) не может быть нанесен существенный ущерб путем воздействия на его информационную сферу»⁸⁶.

По нашему мнению, следует не противопоставлять одни подходы другим, а учитывать при анализе информационной безопасности в соответствии с принципом дополнительности все подходы к ее определению. Каждая из перечисленных выше точек зрения имеет право на существование в силу того, что отражает важную существенную сторону информационной безопасности, которая предстает перед нами и как некое состояние, и как процесс. Вместе с тем, в содержательном контексте настоящей работы, на наш взгляд, наибольшим эвристическим потенциалом обладает подход, представляющий безопасность как состояние устойчивости, стабильности объекта (социальной или иной системы) и его способность сохранять эту устойчивость в условиях деструктивных воздействий различного характера, в том числе и информационного.

Данный подход опирается на уже сложившуюся в отечественной науке традицию рассмотрения безопасности как свойства общественной системы поддерживать свои характеристики и устойчивое состояние в различных условиях, даже «в условиях конфликта, риска и угроз»⁸⁷.

Состояние устойчивости — это не статическое состояние: оно поддерживается динамическим равновесием системы с окружающей ее средой, обеспеченным постоянной реакцией системы на импульсы (воздействия), от этой среды исходящие. В случае, когда речь идет о социальной системе любого уровня, в числе прочих можно говорить и об информационных импульсах. Конечно, следует учитывать, что у любой системы существуют пределы

⁸⁶Юсупов Р.М. Информационное обеспечение национальной безопасности // Национальная безопасность. NotaBene. 2010. №7/8. С. 21-33; С. 24.

⁸⁷Романович А.Л. Перспективы развития и обеспечение безопасности: философско-методологические проблемы. М.: изд-во МГУК, 2002. 256 с.; С.25; Сапута А.А. Национальная безопасность как социальное явление // Вестник военного университета. 2007. №3. С.36-43; Урсул А.Д. Проблемы безопасности и синергетика // Национальная безопасность. NotaBene. 2011. №2(13). С. 44-54.

прочности, за которыми внешние воздействия могут быть для них разрушительными или кардинально меняющими их свойства. Но чем выше способность противостоять этим импульсам и сохранять свою качественную определенность, тем больше оснований говорить об уровне ее защищенности и безопасности.

Исходя из сказанного, мы можем определить информационную безопасность как *способность системы любого типа (социальной, технической и др.) сохранять свою качественную определенность, целостность и устойчивость в условиях деструктивного воздействия любых факторов информационного характера.*

Такая способность зависит от защитных свойств системы, т.е. силы ее «иммунитета», а также от свойств среды – в большей или меньшей степени безопасной для нормального функционирования системы (объекта безопасности).

Данная формулировка подчеркивает понимание информационной безопасности не как неизменного состояния, но как неотъемлемой части непрерывного процесса информационного обмена динамической системы с окружающей ее средой. Информационная безопасность не тождественна информационной изоляции, а, напротив, предполагает взаимодействие объекта безопасности с другими объектами.

Такой подход не акцентирует внимание на каком-то одном аспекте информационной безопасности, будь то технико-технологическая сторона, или социокультурная, а рассматривает информационную безопасность как комплексное явление, указывая на взаимосвязь этих составляющих, невозможность их отрыва друг от друга.

1.2 Особенности деятельности по обеспечению информационной безопасности политических акторов в современных условиях

Поскольку мы остановились на динамическом подходе к определению информационной безопасности, то будет логичным в качестве методологической основы рассмотрения содержания деятельности по обеспечению информационной безопасности политических акторов использовать деятельностный подход. Данный подход, активно развиваемый отечественными учеными, получил системное изложение в работе М.С. Кагана «Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа)» (1974), где автор выделяет три основных элемента деятельности, находящиеся в отношениях взаимосвязи. Это – наделенный активностью субъект; объект, на который направлена активность субъекта; а также сама эта активность, состоящая либо в конкретном способе овладения объекта субъектом, либо в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с другими субъектами⁸⁸. В нашем случае необходимо определить, во-первых, кто является субъектом деятельности по обеспечению информационной безопасности; во-вторых, на кого (или на что) эта деятельность направлена, т.е., кто (что) является ее объектом; в-третьих, в чем именно эта деятельность заключается.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ №646 от 5.12.2016 г., в обобщенном виде содержит ответы на эти вопросы. Согласно Доктрине, обеспечение информационной безопасности возлагается на органы государственной власти, их подразделения и должностные лица, органы местного самоуправления и организации, уполномоченные на решение этой задачи в соответствии с законодательством Российской Федерации⁸⁹.

⁸⁸Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.; С.45-46.

⁸⁹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 15.08.2020).

Значит ли это, что задачи по обеспечению информационной безопасности возлагаются преимущественно на государство? Ответ на этот вопрос содержится в перечне участников системы обеспечения информационной безопасности, где наряду с государственными органами названы собственники объектов критической информационной инфраструктуры и организации, эксплуатирующие такие объекты, средства массовой информации и массовых коммуникаций, организации денежно-кредитной, валютной, банковской и иных сфер финансового рынка, операторы связи, операторы информационных систем, организации, осуществляющие деятельность по созданию и эксплуатации информационных систем и сетей связи, по разработке, производству и эксплуатации средств обеспечения информационной безопасности, по оказанию услуг в области обеспечения информационной безопасности, организации, осуществляющие образовательную деятельность в данной области, общественные объединения, иные организации и граждане, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации участвуют в решении задач по обеспечению информационной безопасности⁹⁰.

Очевидно, что этот список имеет всеобъемлющий характер и фактически отождествляет субъекты и объекты безопасности: в качестве и тех и других выступают личность, общество и государство. Таким образом, ответственными за обеспечение информационной безопасности становятся, помимо государства, все политические и неполитические акторы общественных отношений. И именно в их отношении и через них эта деятельность осуществляется. Но тут возможна коллизия — негосударственные участники общественных отношений могут иметь интересы, в том числе и в информационной сфере, отличные от интересов государства, а в некоторых случаях и расходящиеся с ними. Примером такого расхождения интересов может служить недавний конфликт между российскими спецслужбами и создателями Telegram по поводу предоставления ключей дешифровки переписки в мессенджере. Обе стороны апеллировали к интересам

⁹⁰Там же.

безопасности: одна – безопасности государства и общества, другая – безопасности клиентов. Конфликт стал предметом рассмотрения в Верховном Суде РФ, который признал требования ФСБ законными, не в последнюю очередь потому, что за этими требованиями стояли интересы безопасности общества в целом.

Этот частный случай показывает, что носителем общего интереса, и «олицетворением общего начала» выступает именно государство, а не какая-либо часть общества, сколь бы значимой она ни была. Такое понимание сущности государства выработывалось на протяжении всей истории политической мысли, начиная с Аристотеля и заканчивая мыслителями Нового Времени, вплоть до современности (Д. Юм, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегель, Э. Дюркгейм и др.). Эту важнейшую сторону государства точно отразил известный отечественный ученый Э.А. Поздняков, когда писал: «При всех различиях в его (государства — *В.П.*) толковании, при всей широте и множественности вкладываемых в него значений, при всем многообразии его конкретных форм главным моментом, который неизменно сохраняется при всех вариантах, остается момент *общности*, неотрывный от самого понятия государства, с какой бы стороны и с какими бы целями его не рассматривать»⁹¹.

Иными словами, государство, будучи выразителем общего интереса, становится основным субъектом обеспечения информационной безопасности, в том числе и информационной безопасности самого государства.

Государство предпринимает действия по обеспечению информационной безопасности как самостоятельно (решая, например, вопросы защиты объектов информационной инфраструктуры или же занимаясь развитием компьютерной грамотности населения через систему образования), так и в сотрудничестве с другими государствами, когда приходится вести борьбу с международной киберпреступностью и кибертерроризмом.

Деятельность государства по обеспечению информационной безопасности, ее основные формы и направления обусловлены характером

⁹¹Поздняков Э.А. Философия политики. М.: изд-во «Весь Мир», 2014. 544 с.; С.99-100.

информационных угроз. В этой связи, всякая деятельность по обеспечению безопасности является, скорее реакцией на уже возникшую угрозу.

Угроза безопасности Российской Федерации в информационной сфере в Доктрине информационной безопасности РФ определяется как «совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере»⁹².

Многочисленные информационные угрозы можно условно сгруппировать, выделив:

а) угрозы технологического характера, объектом которых является информационная инфраструктура общества. Информационная инфраструктура, представляющая собой совокупность технических средств сбора, обработки, хранения, передачи информации, является частью автоматических систем управления различных служб, обеспечивает возможность информационного взаимодействия между индивидами, группами и организациями. Угроза информационной инфраструктуре заключается в нарушении её работоспособности, утечке данных или их преднамеренном искажении. Скорость информирования и устойчивая работа информационных систем, состоящих на службе государственных органов, является важной составляющей обеспечения национальной безопасности. Органической частью технологических угроз являются киберугрозы (компьютерная преступность), нарушающие функционирование не только собственно информационной инфраструктуры, но и нормальное функционирование различных видов общественной жизнедеятельности — экономики, обороны, науки, культуры и др.;

б) угрозы информационно-психологического и социокультурного характера, направленные на подрыв социально-политической стабильности общества путем информационного воздействия на индивидуальное, групповое

⁹²Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 15.08.2020).

и общественное сознание. Информация в форме некоторых сведений или знаний, которыми обладает объект (личность, группа, общество), формирует определенную «информационную модель», в которой эти сведения и знания связаны между собой определенными связями и отношениями — логическими или хаотичными («мозаичными»). А. Моль в своей знаменитой работе «Социодинамика культуры» (1967) подобного рода модели называл «экраном знаний»⁹³. Угроза в таком случае заключается в целенаправленном разрушении «экрана знаний», искажении этих сведений и системы отношений в информационной модели с целью манипулирования поведением индивида или социальных групп. Так, пропаганда ложности основных ценностей, консолидирующих нацию, может привести к разрушению национального единства и национального государства как единого образования.

Перечисленные угрозы, как правило, имеют внешний источник. Вместе с тем, могут возникать информационные угрозы, возникающие внутри самого общества и способные нанести ему не меньший ущерб. Эти угрозы также могут иметь технологический и социально-психологический характер, но к ним добавляются угрозы, имеющие исключительно внутреннюю специфику.

В частности, это угрозы правовому статусу человека (или организации) как субъекта информационной сферы, заключающиеся в ограничении полномочий его информационной деятельности, противодействии их реализации или недостаточной защищенности со стороны государства. Возникновение данных угроз — следствие неразвитости нормативно-правовой системы регулирования деятельности в информационной сфере. Проявление данных угроз присутствует в принятии нормативных актов, ущемляющих права человека на распространение или получение информации, нарушающих конфиденциальность персональных данных и тайну переписки, защиту интеллектуальной собственности, доступ к информации об оказании услуг и информацию о деятельности государственных органов.

⁹³ Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр. - М.: изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.; С.44-47.

Одной из угроз в информационной сфере является отсутствие или неразвитость механизмов устойчивого диалога между государственной властью и обществом. Организация данного диалога возложена на различные институты: на политические партии, являющиеся посредниками в отношениях государства и общества, на службы связи с общественностью и пресс-службы, являющиеся структурными подразделениями самих государственных органов, наконец, на средства массовой информации, играющие особую роль в этом диалоге в силу их возможности обращаться к массовой аудитории. Нарушение информационного обмена, недостаточная освещённость политической деятельности и разъяснения сути государственной политики приводит к разрушению взаимодействия общества и власти, общественным волнениям, утрате легитимности. В этой связи особая роль в механизме функционирования и регулирования деятельности средств массовой информации принадлежит государству, эта роль заключается не только в обеспечении полноты и доступности информации, но и выявлении контента, заведомо неадекватно отображающего суть политической действительности.

Предложенный перечень угроз определяет основные направления и формы деятельности государства по обеспечению информационной безопасности. Мы полагаем, что к таковым можно отнести: во-первых, нормативно-правовое направление деятельности; во-вторых — технологическое; наконец, в-третьих — социокультурное.

Нормативно-правовое обеспечение информационной безопасности заключается в формировании необходимой нормативно-правовой базы государственного регулирования информационно-коммуникационной сферой. Оно представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения, связанные с противодействием угрозам национальным интересам в информационной сфере и, как следствие, с ущемлением интересов личности, общества и государства⁹⁴.

⁹⁴Стрельцов А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы. М.: изд-во МЦНМО, 2002. 289 с.

Кроме того, оно должно обеспечивать конституционные права и свободы человека в информационной сфере, создавать правовые условия, обеспечивающие безопасность внутренней и внешней государственной информационной политики, безопасность работы сети Интернет, а также безопасность функционирования информационно-телекоммуникационных систем и сетей связи. Важным моментом информационной безопасности является нормативно-правовое обеспечение защиты информационных ресурсов от несанкционированного доступа, под которым понимается противоправный сбор, использование, искажение или уничтожение информации, разработка вредоносных программ, нарушающих функционирование информационной инфраструктуры, утечка информации по техническим каналам, нарушения законов об ограничении на распространение информации. Реализация данных задач требует нормативно-правового закрепления за объектами информационно-телекоммуникационных систем статуса критически значимых для безопасности общества и государства, определения порядка требований к данным объектам и ответственности за выполнение этих требований, а также контроля государства за их информационной безопасностью.

Вопрос о нормативно-правовом обеспечении информационной безопасности отнюдь не умозрительный, поскольку неурегулированность ее правовых основ, как и отсутствие ее целостной, внутренне непротиворечивой юридической базы, может привести к «распылению» ее нормативно-правовой стороны по разным отраслям права и, как следствие, к многочисленным юридическим коллизиям в этой сфере.

Следующее направление деятельности по обеспечению информационной безопасности связано с ее технологическими аспектами.

Как уже было замечено, угрозы технологического характера оказывают существенное влияние на состояние информационной безопасности государства и государственную политику в целом. Очевидно, что чем активнее информационные технологии включены в различные сферы деятельности общества и государства, тем больше возникает потенциальных целей

информационных атак. Развивая информационные технологии и инфраструктуру в гражданских целях, государства одновременно создают материальную основу для их использования и в военных целях⁹⁵. Среди многочисленных информационных угроз технологического характера угрозы информационной инфраструктуре в военно-политической сфере представляются наиболее очевидными и представляющими наибольшую опасность национальным интересам страны.

Так, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации содержится прямое указание на увеличение масштабов применения информационных технологий отдельными государствами и организациями в военно-политических целях. Следует отметить, что иностранные эксперты уже давно оценили важность информационного оружия. Еще в начале нынешнего столетия в основу стратегической концепции вооруженных сил стран НАТО — «Единая перспектива 2010» (JointVision 2010) было заложено достижение информационного превосходства во всех областях ведения военных действий⁹⁶. Поскольку данная цель альянса сохраняет свою актуальность и сегодня, — совершенствование системы обеспечения информационной безопасности вооруженных сил, формирований других силовых структур и органов остается одним из основных направлений обеспечения безопасности и обороны.

Как отмечает доктор военных наук А.А. Ноговицын, большинство технологически развитых государств рассматривает возможность применения информационного оружия в качестве инструмента воздействия на информационную инфраструктуру и информационную сферу для скрытого военно-политического давления на потенциального противника без открытого объявления войны⁹⁷.

⁹⁵Бурутин А.Г. Войны будущего станут информационными. Новые вызовы и угрозы безопасности России [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 15 февраля 2008 г. URL.: http://nvo.ng.ru/forces/2008-02-15/1_infowars.html# (дата обращения: 13.08.2018).

⁹⁶Гриняев С.Н. Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Мн.: Харвест, 2004. 448 с.; С.19.

⁹⁷Ноговицын А.А. Генштаб прогнозирует начало информационных войн через 2-3 года [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.izvestia.ru/news/news198732?print>. (дата обращения: 4.05.2019)

Очевидно, что стимулирование отечественных разработок и развитие отечественной наукоёмкой промышленности, информационных технологий, их внедрение в военной и гражданской сфере не только снизит зависимость от импортных технологий, но и поднимет общее состояние безопасности информационной инфраструктуры. Необходимость развития в этом направлении была подчеркнута в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года», где был определен широкий спектр задач, решение которых связано с цифровизацией экономики. Среди этих задач особое место занимают: а) создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок; б) обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства⁹⁸. Очевидно, что развитие конкурентоспособных отечественных информационных технологий, электронной промышленности, средств информационного обмена, обработки, и увеличение доли отечественной наукоёмкой промышленности на внутреннем и мировом рынке не только снизит зависимость информационной инфраструктуры от импортных технологий, но и будет способствовать экономическому росту. По мнению экспертов Высшей школы экономики, цифровизация станет драйвером экономического роста, и к 2030 году рост ВВП будет более чем наполовину связан с цифровизацией⁹⁹.

Осознание того, что в современном мире основное соревнование между геополитическими центрами силы будет разворачиваться в сфере высокоинтеллектуального производства и цифровых технологий, заставляет

⁹⁸О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года: [Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2018 г.: по состоянию на 10 октября 2020]. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335693/ea8c22ebf4b1712274773710a52af45899b9eacd/ (дата обращения 15.08.2020).

⁹⁹Вклад цифровизации в рост российской экономики // НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL.: <https://issek.hse.ru/news/221125086.html> (дата обращения: 11.12.2019).

уделять информационно-коммуникационной сфере преимущественное внимание. Этими соображениями продиктованы содержащиеся в упомянутом Указе задачи Правительству РФ: обеспечить к 2024 году трехкратное увеличение затрат на развитие цифровой экономики по сравнению с 2017 годом; создать устойчивую, доступную и безопасную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных; использовать преимущественно отечественное программное обеспечение государственными органами, органами местного самоуправления и организациями¹⁰⁰.

На последней задаче хотелось бы остановиться подробнее, поскольку на фоне проводимой западными странами политики санкций, всерьез стала обсуждаться гипотетическая возможность отключения России от сети «Интернет». Ситуация эта вполне вероятная, поскольку уже есть примеры отключения Крыма от сервисов Google и Microsoft. За этим могут последовать новые шаги и надо быть к ним готовыми.

Опасность такого рода осознавалась задолго до «Крымской весны». Еще в 2010 г. Правительство РФ утвердило план перехода федеральных органов исполнительной власти и федеральных бюджетных учреждений на использование свободного программного обеспечения на период 2011-2015 гг.¹⁰¹. Речь шла о разработке и внедрении пакета отечественного программного обеспечения, включающего операционные системы, драйверы для оборудования и пр.

Следующим шагом стал Указ Президента РФ от 22.05.2015 г. №260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации»¹⁰²,

¹⁰⁰О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года:[Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2018 г.: по состоянию на 10 октября 2020]. [Электронный ресурс] Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335693/ea8c22ebf4b1712274773710a52af45899b9eacd/ (дата обращения 15.08.2020).

¹⁰¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. №2299-р [Электронный ресурс]. URL.: <http://minsvyaz.ru/common/upload/2299p.pdf> (дата обращения: 12.03.2018).

¹⁰² О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации 22 мая 2015 г.: по состоянию на 15 октября 2020 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179963/ (дата обращения 15.08.2020).

который устанавливал необходимость создания российского государственного сегмента сети «Интернет» предназначенного, во-первых, для подключения к нему государственных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей государственных органов и организаций, создаваемых для выполнения задач, поставленных для федеральных государственных органов; во-вторых, для использования сети «Интернет» с целью размещения информации государственных органов и упомянутых организаций. Согласно Указу, до 31.12.2017 г. к государственному сегменту сети должны были подключиться Администрация Президента РФ, Аппарат Правительства РФ, Следственный комитет РФ, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ. То же самое было предложено сделать обеим палатам Федерального Собрания РФ, органам прокуратуры и Счетной палате. Все подключения к сети должны, в соответствии с Указом, осуществляться по защищенным каналам с использованием средств кодирования информации.

Возникает вопрос – насколько готова Российская Федерация к реализации этих мер. Еще несколько лет назад в одном из интервью бывший советник Президента РФ по программам развития интернета Г. Клименко говорил о том, что наша зависимость от западных стран в плане программного обеспечения не так велика, как кажется, и поэтому существенных программно-аппаратных сбоев переход на национальный сегмент сети «Интернет» вызвать не должен. Но и идти по китайскому пути намеренной самоизоляции Россия не будет – речь идет только о плане мероприятий на случай, если Запад попытается заблокировать доступ России к глобальной сети¹⁰³.

Важность проводимых мероприятий очевидна не только из-за возможности отключения России от глобальных коммуникаций, но и потому, что зависимость отечественной информационной инфраструктуры от импортных технологий, в том числе и в военно-промышленном комплексе,

¹⁰³ Эксклюзивное интервью советника Президента РФ по Интернету Германа Клименко. Полная версия [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 12.04.2020).

работает в пользу основного геополитического конкурента России – США и способствует закреплению доминирующей позиции американского IT-бизнеса, поставляющего решения по обеспечению безопасности. Зарубежные источники показывают, что первая пятерка крупнейших компаний, работающих в сфере кибербезопасности, находятся в США и контролируют свыше 40% этого рынка¹⁰⁴.

Именно поэтому широкая государственная программа, известная как программа «импортозамещения», особенно актуальна в области информационных технологий и информационной безопасности. Однако достижение технологического суверенитета требует, в первую очередь, развертывания научной деятельности, проведения исследований, подготовки научных и технических кадров. О необходимости подобных исследований, разработки перспективных информационных технологий, развитии кадрового потенциала в области информационной безопасности говорится и в Доктрине информационной безопасности.

Безусловно, научное и научно-техническое развитие и внедрение новейших технологий отечественной разработки является первостепенной задачей в обеспечении национальной безопасности, в том числе в информационной сфере. Научно-технический прогресс не только обеспечит реализацию стратегических задач в области обороны и безопасности, но и позволит закрепить за Россией статус научной державы, разрушая навязанный стереотип о российской технологической отсталости и о «сырьевом придатке» Запада.

Однако реализация поставленных задач требует существенного финансирования образовательной и научной деятельности в России. Именно здесь, по мнению автора, заключается основное препятствие на пути, в целом, правильных действий. Согласно статистическим данным, представленным Высшей школой экономики за 2016 год, затраты на научные исследования и

¹⁰⁴Worldwide cybersecurity market continues its upward trend [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csoonline.com/article/2946017/security-leadership/worldwide-cybersecurity-market-sizing-and-projections.html> (дата обращения: 1.01.2020).

опытные конструкторские разработки в России составляют 1,1% от ВВП – по этому показателю Россия занимает 35 место в мире, расположившись между Бразилией и Литвой. Если рассматривать ситуацию в реальном, денежном выражении, то Россия находится на десятом месте – 37,3 млрд. долл. США, даже Бразилия тратит на науку больше¹⁰⁵. Государственные расходы на образование в России составляют 3,6% (0,6% – на высшее образование) от ВВП и поэтому показателю Россия занимает девятое место в мире, после Италии¹⁰⁶. По данным исследователей Института социологии РАН, наблюдается динамика снижения вовлеченности в высшее профессиональное образование среди молодых людей, при этом наиболее популярными направлениями высшего образования названы «экономика и управление», «гуманитарные науки», на их долю приходится почти 46% от общего числа обучающихся¹⁰⁷.

Сегодня, когда было объявлено, что в глобальном соревновании победит тот, кто окажется «на гребне» научно-технического прогресса, снижение интереса к научной деятельности, в первую очередь в технических и естественных науках, недостаток финансирования образования и науки ставит под сомнение реализацию поставленных задач научно-технического «прорыва».

Наконец, третьим из заявленных направлений деятельности по обеспечению информационной безопасности является социокультурное направление, связанное с защитой ценностных, мировоззренческих основ общества.

Существенным вызовом, перед которым стоит каждое государство, является сохранение его национальных особенностей, национальной идентичности как фактора существования национального государства. Современный глобальный мир, государства в котором во многом свободны от

¹⁰⁵ Затраты на науку в России и ведущих странах мира // НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL.: <https://issek.hse.ru/news/209009455.html> (дата обращения: 17.08.2019).

¹⁰⁶ Образование с цифрах: краткий статистический сборник НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.hse.ru/data/2018/06/29/1153062641/obr2018.pdf> <https://issek.hse.ru/news/209009455.html> (дата обращения: 17.08.2019).

¹⁰⁷ Пузанова Ж.В., Гаспаршвили А.Т., Ларина Т.И. Образовательные тренды современной российской молодежи // Вестник Института социологии. 2017. №3. Том 8. С.54-68;С.57.

исторически сложившихся мировоззренческих и идеологических установок, стремится к универсализации культуры.

Становление глобального информационного пространства приводит к тому, что под воздействием непрерывных информационных потоков извне, пронизывающих сознание общества и каждого отдельного человека, происходит размывание мировоззренческих основ общества. Развитие информационных технологий и информационного пространства отводит информации ведущую роль в формировании личности человека, процессах социализации, наследования национальных особенностей, традиций, культуры и их передачи через поколения.

Поскольку культурно-духовная сфера выступает связующим началом и системообразующим качеством общества и национального государства, то очевидно, что на нее направлено внешнее информационное воздействие с целью перенастройки ментального поля общества, контроля общественного сознания, управления внутриполитическими процессами.

На протяжении всей российской истории наблюдалось сильное государственное присутствие в жизни общества. Свойственная России этатизация, получившая выражение в идее и практике православной империи, затем – социалистического общенародного государства, состояла в том, что общество не противопоставлялось государству, а напротив, – отождествлялось с ним, в отличие от западного «гражданского общества», которое, на чем настаивают западные теоретики, является принципиально неполитической сферой¹⁰⁸.

Во второй половине XX столетия процессы глобализации в информационном пространстве вели к активной диффузии национальных культур, результатом которой становилось обесценивание духовных и нравственных ценностей общества, подмена их внешними космополитическими идеями абсолютной свободы. Эту разрушительную

¹⁰⁸ Козн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: изд-во «Весь Мир», 2003. 784 с.; С. 7.

энергию глобализации подчеркивал А.С. Панарин, когда писал, что родной язык, национальная территория и национальные интересы, гражданский и воинский долг – это не устаревший хлам, мешающий достижению подлинной свободы личности, и потому подвергающийся осмеянию, оглуплению и иронической интерпретации, а «исторические традиции и сама история народа как «объекта осваивания»»¹⁰⁹.

Известный русский философ, логик, социолог А.А. Зиновьев в конце XX века ввел в оборот понятие «западнизация», которым обозначал безудержную пропаганду западной цивилизации и западного образа жизни, в том числе и «бескорыстную» помощь незападным народам в их добровольной ориентации на западную модель общественного устройства. А.А. Зиновьев полагал, что «бомба западнизации», взорванная над Россией, произвела на нее разрушительное воздействие, затронувшее сферы государственного устройства, экономики, идеологии и культуры, и сказавшееся на самом человеческом материале. Такого опустошающего воздействия в такие короткие сроки не удавалось сделать никаким завоевателям, и ни с каким оружием¹¹⁰.

Слова Н.А. Нарочницкой о том, что «обывателю внушается псевдолиберальный идеал неоспричастности к делам Отечества, а элите – иллюзия сопричастия к мировой олигархии»¹¹¹, раскрывают содержание и смысл мировоззренческого противостояния глобализирующегося мира. Этот смысл не скрывают и некоторые западные теоретики, откровенно выступающие на универсализацию общечеловеческой культуры, под которой, в первую очередь, понимается культура западной либеральной демократии. Именно ее провозглашал в качестве «конечного пункта идеологической эволюции человечества» идеолог либерализма Ф. Фукуяма. В отношении национальных культур в своей известной работе «Конец истории» он писал: «...культура, в

¹⁰⁹Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 415 с.; С. 130.

¹¹⁰Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: изд-во «Алгоритм», 2003. 240 с.; С. 214.

¹¹¹Нарочницкая Н.А. Россия в новых геополитических реальностях [Электронный ресурс]. URL.: <http://narotchnitskaya.com/interviews/rossiya-v-novyih-geopoliticheskikh-realnostyah.html>. (дата обращения 06.07.2019).

виде сопротивления преобразованию определенных ценностей в ценности демократические, может представлять препятствие на пути демократизации»¹¹².

Приведенные суждения свидетельствуют о том, что перепрограммирование общественного сознания и переход на путь «политической модернизации» по западному типу имеет своей целью изменение культурного кода, что вероятнее всего губительно скажется на России, нежели приведёт её к процветанию. Урок «европеизации» Украины является для России наглядным примером.

Сегодня мы наблюдаем возникновение противоположных глобализации тенденций мирового развития. Усиливающаяся конфликтность провоцирует фрагментацию мирового политического, экономического, информационного пространства в виде стремления некоторых стран восстановить государственные границы, в виде «экономических войн», государственного протекционизма и защиты национального производителя (США и Китай), в виде сегментации в информационной сфере. Государства в целях обеспечения национальной безопасности стремятся к «защите цифрового суверенитета», добавляя к политическим границам информационные. Особенно это касается интернета, структуры управления которым находятся в США. Поэтому вычленение в глобальной сети национальных и региональных сегментов рассматривается как условие защиты национальных интересов, сохранения национальной идентичности и обеспечения политической стабильности. Очевидно, что меры по созданию российского государственного сегмента сети «Интернет» лежат в русле тенденций локализации мира, а не являются проявлением крайностей изоляционизма.

Информационная безопасность в её социокультурном аспекте не отрицает межкультурного взаимодействия и диалога, но отрицает мировоззренческий диктат, и в качестве важной задачи видит защиту мировоззренческих основ общества, поддержание национальной культуры, духовной жизни,

¹¹²Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: изд-во «АСТ», 2007. 588 с.; С.327.

нравственного сознания, системы ценностей, сохранение национальной идентичности.

Среди рассмотренных нами направлений деятельности по обеспечению информационной безопасности первые два — нормативно-правовое и технологическое — являются зоной ответственности государства. Здесь интересы государства и негосударственных политических акторов (партий, групп интересов) объективно совпадают — все заинтересованы в существовании четких, понятных и стабильных «правил игры» (остается только договориться о том, какими будут эти правила), в равной степени все заинтересованы в наличии достаточных технических условий защиты информации и средств ее распространения.

Что же касается проблем социокультурного характера, то здесь мы можем столкнуться с демонстрацией различного отношения общественных групп и их политических организаций к одним и тем же социальным вопросам, процессам и явлениям. Здесь существует широкое поле потенциальных и реальных противоречий между, как отмечалось ранее, государством — носителем и выразителем общего интереса, партиями, которые руководствуются частными (партийными) интересами, а также различными общественными группами, которые, как и партии, могут придерживаться различных ценностей, порой взаимоисключающих.

Именно поэтому возрастает роль медийных средств, которые выступают посредниками между государством, политическими и социальными институтами. Однако в информационном обществе масс-медиа начинают играть самодовлеющую роль, которая определяется ролью информации в жизни людей и, как следствие, в политике.

В информационном обществе, благодаря «старым» и «новым» медиа, политика все больше переходит из реальности в виртуальность. Традиционные институты постепенно замещаются искусственными конструкциями — симулякрами, если использовать термин Ж. Батая, — копиями, не имеющими реального аналога или смутно его напоминающими. Политика все больше

начинает конструироваться на телеканалах и в соцсетях, и все меньше зависит от традиционных политических структур. Старая «реальная политика» эпохи модерна с четкой структуризацией политических сил постепенно исчезает. Базовыми элементами любой политической партии были программа и идеология, дающие сторонникам четкие ориентиры и определенность выбора. В новых условиях ключевым элементом любой политической силы становится имидж, репутация, представленные в медиапространстве. Борьба за власть в этом пространстве – это не борьба идеологий и программ, а противостояние политических брендов. Поэтому путь к власти лежит через мобилизацию информационных ресурсов, через имидж лидера, целенаправленно формируемый масс-медиа. Усиливается персонификация политики и власти и одновременно ослабевает роль и значение традиционных политических институтов и структур гражданского общества. Падение доверия к традиционным институтам оборачивается ростом протестной активности, которой пытаются управлять и координировать через сетевые структуры и мобильные приложения.

В последние годы отмечается рост сетевых структур и возникновение новых форм организации, мобилизации и координации протестной активности. Примечательный анализ этих форм представлен Г. Рейнгольдом в теории «умной толпы». Он показывает, что мобильные средства и социальные сети позволяют быстро собирать и координировать действия больших масс людей – «умных толп». Свойства «умной толпы» выводятся из «динамики обстоятельств», а не из голов исполнителей. Мобильные средства влияют «на величину или местонахождение аудитории, обладают возможностью изменить порог коллективного действия»¹¹³. Оценивая новые средства коммуникации, Г. Рейнгольд отмечает, что они могут быть использованы и как инструменты гражданской мобилизации и как инструменты контроля над гражданами со стороны властей. Утрата приватности – побочный эффект новых средств коммуникации, и это может быть фактором сдерживания протестной

¹¹³ Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М.: Фаир-пресс, 2006. 416 с.; С.92.

активности. Тем не менее, «сетевой протест» стал заметным фактором политической жизни последних двух десятилетий – это массовые выступления во Франции в 2005 году, в Греции в 2008, в Тунисе и Египте в 2011, на Украине в 2004 и 2014, в Белоруссии в 2020-м. Во всех случаях сетевые медиа стали площадками аккумуляции протестной активности и инструментами координации действий протестующих.

Таким образом, современные средства массовой информации позволяют не только объединять общество и мобилизовать его на решение общественно-значимых задач, но и способны подрывать общественную стабильность.

Эта способность возрастает тем более, чем больше СМИ начинают конструировать искусственную социально-политическую реальность, не соответствующую действительной. Один из наиболее употребляемых терминов последних лет – «фейк-ньюс» (fakenews). В 2017 году составителями толкового словаря английского языка он был признан «выражением года». Популярность термина связывают с именем американского президента Д. Трампа, который его регулярно использует.

Ученые из Массачусетского технологического института С. Восауи, Д. Рой и С. Арал на основе анализа большого массива новостей за десятилетие (2006 – 2017) определили, что фейковые новости распространяются быстрее правдивых, их чаще ретвитят, они популярнее достоверной информации. «Фейк-ньюс» достигают адресатов в 6 раз быстрее, а вероятность ретвита на 70% больше, чем у правдивых сообщений¹¹⁴.

Силу влияния фейковых новостей передает формула, известная в конфликтологии как «теорема Томаса» – «если ситуация определяется как реальная, она реальна и по своим последствиям». Люди воспринимают ситуацию как реальную, и начинают действовать соответствующим образом. Так, на пустом месте могут возникать конфликты и общественные волнения, когда для них нет никаких объективных оснований. Можно привести

¹¹⁴Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. 2018. Vol. 359, Issue 5380. p.1146-1151.

множество примеров того, как фейки становятся инструментом нагнетания напряженности и дестабилизации ситуации в отдельных странах и целых регионах. Они сопровождали всю ситуацию со сбитым летом 2014 года малазийским Боингом МН-17 над Украиной, они были запущены летом 2020 года в связи с арестом 33 «вагнеровцев» с целью внести раскол в отношения России и Белоруссии и дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в Белоруссии.

Безусловно, свобода информационной деятельности СМИ в совокупности с развитием сети Интернет, приводит к усилению их влияния на общество, на власть, на решения, принимаемые органами власти, на политику государства в целом. Это положение средств массовой информации наделяет их широкими возможностями в отношении государства и общества. Поэтому одна из актуальных задач, требующих своего решения, состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить коммуникацию между государством и обществом, осуществляемую через средства массовой информации, и, с другой, предотвратить их превращение в рупор деструктивных социальных сил, стремящихся использовать их в своих корыстных интересах.

Решение этой задачи видится на путях совершенствования государственного регулирования деятельности СМИ с целью обеспечения информационной безопасности.

Поскольку именно СМИ отвечают за получение политической информации гражданами, то государственное регулирование и управление деятельностью СМИ не должно сводиться исключительно к монополизации информационного пространства государством, ограничению информационных потоков, сокрытию информации, или же полному запрету отдельных источников информации, что при современном распространении информации в сети Интернет кажется трудноосуществимым.

Государственное регулирование заключается в поддержании устойчивого информационного обмена между государством и обществом, обеспечении полноты и достоверности информации, аргументированности и обоснованности

государственной политики, преподносимой обществу через СМИ. Поддерживая постоянный диалог, СМИ обеспечивают коммуникацию, связывают власть, группы, сообщества и тем самым организуют участие общества в политическом процессе, становятся институтом представительства интересов – личностных, групповых, общественных. Отсутствие диалога при полном государственном контроле СМИ и выстраивании однонаправленной (вертикальной) модели коммуникации, приводит к недостаточной информированности, неудовлетворенности информационных потребностей граждан. В подобной ситуации общество чувствует себя обманутым и дезинформированным, испытывает недоверие к государственной власти. Вследствие чего происходит утрата легитимности властью, разрушается политическая стабильность и сплоченность нации. Разъединенное общество, не доверяющее государству, становится более уязвимым к внешнему информационному воздействию.

Таким образом, обеспечение информационной безопасности через регулирование деятельности СМИ заключается не в блокировке информационных ресурсов, но в формировании наиболее полной, адекватной картины политической реальности, формировании на основе СМИ платформы для взаимодействия общества, отдельных групп и государства, обеспечении широкого информационного обмена, выражающего мнение и интересы различных социальных групп. Стабильности необходима полнота доведения до населения сведений, а также максимальная обоснованность и аргументация политических решений.

Не менее важной, с точки зрения обеспечения информационной безопасности, является и внешнеполитическая активность государства. Сегодня Россия столкнулась с целым рядом информационных кампаний, призванных максимально ее «демонизировать», оказывать давление на все ее внешнеполитические действия, ослабить её позиции на международной арене, снизить её потенциал как политического и экономического участника международных отношений, обосновать санкционную политику в отношении России.

Началом обострения отношений и формирование негативного образа России можно считать осетино-грузинский конфликт в 2008 году, участие России в сирийском кризисе, в первую очередь, в виде блокировки резолюции в Совете безопасности ООН по Сирии в 2012 году. Затем последовали крымский референдум в марте 2014 года, события на юго-востоке Украины, участие российских вооруженных сил в сирийском конфликте с 2015 года. Информационная кампания по демонизации и дискредитации России в глазах мирового сообщества была обращена не только на область внешней политики государства, но и на другие сферы международных отношений. Так, западные масс-медиа усмотрели историческую аналогию между зимними Олимпийскими играми в Сочи в 2014 году и Берлинской олимпиадой в 1936 году. Схожую позицию выражал Борис Джонсон – будучи в то время министром иностранных дел Великобритании, он призывал к бойкоту российского чемпионата мира по футболу в 2018 году¹¹⁵.

Все эти действия западных СМИ имели целью лишить российское общество его ментальных основ, а российское государство – самостоятельности.

Важными средствами противодействия в информационной сфере на фоне развернутых против России информационных кампаний являются независимая позиция государства, ее отстаивание на всех внешнеполитических площадках, а также «публичная дипломатия», нацеленная на создание привлекательного образа страны¹¹⁶. Важно заметить, что информационное противоборство протекает непрерывно, меняется лишь интенсивность информационных атак, и ведения информационных кампаний в целом. Поэтому в вопросах ведения информационной войны следует быть готовым к постоянным и напряженным усилиям.

¹¹⁵Борис Джонсон: Путин использует ЧМ-2018, как Гитлер Олимпиаду / BBC: русская служба новостей, 21 марта 2018. [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.bbc.com/russian/news-43492672> (дата обращения: 09.09.2019).

¹¹⁶ Внешнеполитическая информация и современная дипломатия / отв. ред. Ю.Б. Кашлев. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2001. 233 с.; С.57.

Ниже мы планируем рассмотреть способы и средства обеспечения политической стабильности российского общества через обеспечение его информационной безопасности. Теперь же, завершая первую главу, следует сделать выводы из ее содержания.

Во-первых, многочисленные подходы к определению информационной безопасности, как правило, апеллируют либо статическому, либо к динамическому пониманию самой безопасности. Этим обусловлена полемика между представителями различных подходов. На наш взгляд, информационная безопасность — сложное, синкретичное явление, в котором слиты воедино и процессуальные (динамические) и статические (содержательные) характеристики. Вычленение тех или других может быть обусловлено научными целями и интересами. Позиция автора настоящего исследования состоит не в противопоставлении одних подходов другим, а в учете при анализе информационной безопасности, в соответствии с принципом дополнительности, всех подходов к ее определению.

Исходя из сказанного, мы можем определить информационную безопасность как способность системы любого типа (социальной, технической и др.) сохранять свою качественную определенность, целостность и устойчивость в условиях деструктивного воздействия любых факторов информационного характера.

Данная формулировка подчеркивает понимание информационной безопасности не только как устойчивого состояния, но и как неотъемлемой части непрерывного процесса информационного обмена динамической системы с окружающей ее средой. Учитывая контекст и цели настоящего исследования, основной акцент будет делаться на последнем утверждении.

Во-вторых, анализ подходов к определению информационной безопасности в отечественной и зарубежной литературе позволяет нам сделать вывод о том, что отечественные специалисты дают более широкую и всестороннюю трактовку данного понятия. Англоязычная литература апеллирует преимущественно к технико-технологической стороне

информационной безопасности. С точки зрения отечественных исследователей информационная безопасность сводится, по меньшей мере, к двум аспектам – к «защите информации и защите от информации». Первый аспект — технико-технологический, предполагающий защиту как самой информации, так и информационной инфраструктуры от несанкционированного и деструктивного внешнего воздействия. Второй аспект — социокультурный, где речь идет о защите культуры и мировоззренческих основ общества от чрезмерного внешнего влияния.

В-третьих, мы имеем все основания говорить о том, что в вопросах обеспечения информационной безопасности ее субъекты и объекты совпадают, поскольку все в равной степени заинтересованы в защите своей информации и защите от чужой деструктивной информации. Вместе с тем, в ряду многочисленных субъектов информационной безопасности особое место занимает государство в силу того, что именно оно располагает исключительными возможностями и ресурсами, особенно нормативно-правовыми и технологическими, для эффективного решения задач в информационной сфере.

В-четвертых, отталкиваясь от предыдущих выводов, можно классифицировать угрозы и, как следствие, основные направления и формы деятельности государства по обеспечению информационной безопасности. Мы полагаем, что к таковым можно отнести: во-первых, нормативно-правовое направление деятельности; во-вторых — технологическое; наконец, в-третьих — социокультурное.

Глава 2. Политическая стабильность общества: критерии, способы создания и поддержания

2.1. Теоретико-методологические подходы к трактовке понятия «политическая стабильность общества»

Обеспечение политической стабильности является одной из наиболее важных задач существования и развития суверенного государства, в силу чего она входит в число приоритетных направлений политики обеспечения национальной безопасности¹¹⁷.

В основе поддержания политической стабильности общества лежит выявление и нейтрализация дестабилизирующих факторов, урегулирование политических конфликтов, определение их причин, минимизация последствий. Возникновение конфликтов может быть обусловлено как внутренними причинами — противоречиями различных социальных групп ввиду недальновидной социально-экономической политики государства, обеспечивающей интересы лишь отдельных групп, вследствие чего усиливается социальное недовольство и растет активность оппозиционных движений; так и быть результатом внешнего воздействия, целью которого является делегитимация власти в глазах населения.

Часто грань между внутренними и внешними дестабилизирующими факторами становится весьма условной, и это может стать причиной обострения отношений между различными социальными, этноконфессиональными и иными группами внутри государства. Так, например, регионы, население которых представляет национальное или религиозное меньшинство, перестают воспринимать себя как часть единого национального государства, начинают отождествлять себя по национально-

¹¹⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации 31 декабря 2015 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения 15.10.2020)

¹¹⁷ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 15.11.2020)

культурному признаку с народами других государств. Такие регионы более склонны к сепаратизму, и это может стать причиной локальных войн. Нередки случаи, когда внутренние конфликты бывают спровоцированными или же активно усиливаются внешними силами. В современном мире распространены практики внешнего вмешательства в политическую жизнь независимых государств. Подобные практики включают финансирование оппозиционных движений, распространение радикальных политических идей, включая экстремизм во всех его формах и проявлениях. Геополитические противники через оппозиционные движения используют протестный потенциал различных групп населения (социально-политических, этнических, конфессиональных). Участились практики применения так называемых «цветных» революций, мобилизующих массы и свергающих легальные политические режимы, которые стали неудобными для ряда других государств. Одним из наиболее актуальных методов дестабилизации сегодня является ведение «информационных войн», т.е. информационно-психологическое воздействие на людей через медиaprостранство и манипулирование общественным сознанием с целью делегитимации власти.

Сегодня внешнеполитический аспект в вопросах обеспечения и поддержания политической стабильности приобрел для России особую значимость. События на Южном Кавказе, так называемые революции на Украине в 2004 и 2014 годах, а затем и гражданская война в этой стране, конфликты на Ближнем Востоке, породили осложнения в международных отношениях на региональном и глобальном уровнях, а участие и роль России в разрешении этих конфликтов привела к усилению давления на нее со стороны государств, не заинтересованных в мирном урегулировании.

Примечательно, что само активное присутствие России на международной арене воспринимается рядом государств как угроза. В частности, в Стратегии национальной безопасности США (18.12.2017) Россия, наряду с Китаем, обозначается «страной-ревизионистом», стремящейся

подорвать благосостояние Америки¹¹⁸. Другой важный документ — Национальная оборонная стратегия США — утверждает, что «отныне не терроризм, а стратегическое соперничество между странами является главной проблемой национальной безопасности США», а среди стран Россия, а также Китай, Иран и КНДР являются «главными нарушителями мирового спокойствия и угрозами американской безопасности»¹¹⁹. Приведенные фрагменты указывают на несостоятельность заявлений о готовности к открытости отношений и об отказе от мышления, свойственного временам «холодной войны». По мнению автора, подобное поведение со стороны США является не столько реакцией на конкретные события, вызвавшие осложнения в отношениях с Россией, сколько неприятием самого факта участия России в международных делах, усиления позиции на международной арене и ведения независимой внешней политики, идущей, порой, вразрез с интересами других государств.

Именно «закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира»¹²⁰ наилучшим образом отражает позицию России в современном мире, но одновременно и является ключевым фактором внешнего давления со стороны тех сил на международной арене, которые не готовы принять эту позицию. Очевидно, что значение внешнеполитического фактора в поддержании политической стабильности в России будет только возрастать и требовать возрастающего внимания.

¹¹⁸National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 30.02.2020).

¹¹⁹Summary of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. URL.: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).

¹²⁰ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации 31 декабря 2015 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 15.10.2020)

Было бы, однако, неверно связывать попытки дестабилизации исключительно с внешними силами. Нередки случаи, когда стремление отдельных политических режимов обеспечить свое выживание и сохранение любой ценой, связанной даже с прямым нарушением демократических процедур, конституционных прав граждан, оборачивается дестабилизацией и препятствует функционированию и развитию всей политической системы.

Традиционно функция поддержания политической стабильности лежит на плечах государства как основного политического института. Государство направляет свои ресурсы на достижение поставленных задач, в том числе и касающихся вопросов своего сохранения. Это естественное стремление государства, поскольку оно, как любая целеполагающая система, заинтересовано, во-первых, в том, чтобы существовать, а во-вторых, чтобы существовать как можно дольше. Таким образом, политическая стабильность и практика её достижения и поддержания представляются как необходимое условие сохранения действующей политической системы и действующего политического режима.

В научной литературе существуют разные подходы к пониманию политической стабильности, что ставит любого исследователя перед необходимостью определиться с авторской позицией относительно ее сущности, механизмов обеспечения, поддержания, а также связи политической стабильности или нестабильности с общественными настроениями. Все эти вопросы по-прежнему остаются дискуссионными. Кроме того, остается актуальной проблема терминологической многозначности, ввиду которой нет жесткого разграничения родовых понятий — *стабильности* и *устойчивости*: следует отметить, что эти категории, хотя и не являются синонимами, имеют ряд общих свойств, которые необходимо учитывать при выработке понятия «политическая стабильность».

Очевидно, что «политическая стабильность» — понятие, имеющее производный характер. Родовое понятие «стабильность» полезно определять и

соотносить с понятиями, близкими по смыслу в теоретико-методологическом контексте системного анализа.

Системный анализ рассматривает функционирование любой системы в рамках ее взаимодействия с окружающей средой, основанного на принципе «входа-выхода» и обратной связи.

Системы с обратной связью получили широкое распространение и применение в различных областях человеческой деятельности и общественного производства, например, в разработке технических устройств. В электронике, в частности, обратная связь присутствует в устройствах автогенерации, аналоговой и цифровой обработки сигналов и фильтрации, системах автоподстройки частоты, сетевых структурах и многих других. Обратная связь лежит в основе функционирования систем автоматического управления. Исследуя способы управления и связи в различных системах, Н. Винер, основоположник кибернетики, рассматривал множество задач, связанных с управлением динамических объектов при помощи обратной связи¹²¹. Обратная связь и получаемая с ее помощью информация о предыдущих состояниях системы играют важную роль в функционировании динамических систем, именно поэтому Н. Винер ввёл понятие метода «управления при помощи информирующей обратной связи» как основы управления в динамических системах¹²².

Основоположник кибернетики выделил несколько типов, и соответствующих им функций, обратной связи. Обратная связь, противодействующая функциональным задачам системы, называется отрицательной, напротив, обратная связь, способствующая реализации функций системы, называется положительной¹²³. Важным, с точки зрения данного исследования, также представляется введение упреждающей, или

¹²¹ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.; С. 183.

¹²² Там же.

¹²³ Там же, с. 164.

предсказывающей, обратной связи¹²⁴. Она предполагает способность системы принимать оптимальные решения при нехватке актуальной информации, основываясь на анализе предыдущих состояний. Понимание динамики процесса даёт возможность «предугадывать» его состояния и изменения в будущем, что играет решающую роль в адаптационных возможностях динамических систем.

Очевидно, что обратная связь является сложным механизмом, адаптирующим систему к внешним изменениям, обеспечивающим её сохранение и выживание в течение длительного времени.

Такая система обладает свойством устойчивости, если получив начальное отклонение от установившегося в ней режима функционирования – независимо от того, какой причиной это отклонение вызвано — возвращается со временем к исходному (установившемуся) состоянию. Очевидно и то, что всякая реакция на отклонение должна проводиться *своевременно*, без существенных задержек (в электродинамике это условие носит название *баланса фаз*). Невыполнение вышеуказанных условий неизбежно приведет к срыву устойчивости и развитию процессов внутри системы, более ею неконтролируемых.

При построении обратной связи важно не допустить циклического усиления случайных колебаний, или же деградации полезных колебаний. Полезные колебания представляют собой процессы, присутствие которых и есть основная задача системы, случайными колебаниями называют всякие возмущения и переходные процессы, возникающие в системах по разным причинам и оказывающие негативное воздействие на их функционирование.

Вне сомнения, отклонения параметров процессов, протекающих в системе, от их опорных значений, то есть значений, действующих при отсутствии всякого рода возмущений, не могут быть сколь угодно большими: очевидно, что при превышении определенного значения, возврат к исходному состоянию станет невозможен. Максимально допустимое отклонение

¹²⁴ Там же, с. 182.

параметров колебаний от опорных значений, при котором система продолжает функционировать в устойчивом режиме, и, со временем, возвращается к опорным значениям, называется *запасом устойчивости системы*. Как уже было сказано, любая система «заинтересована» в том, чтобы максимизировать запас устойчивости. В полной мере это касается и политической системы. При недостаточном запасе устойчивости, любые случайные колебания (пусть даже их воздействие не столь интенсивно и непродолжительно во времени), повлекут срыв устойчивости и саморазрушение системы. Учитывая сказанное, мы будем называть *устойчивостью* системы ее способность возвращаться к исходному состоянию всякий раз после прекращения возмущающего воздействия, при этом любые случайные колебания в устойчивой системе носят затухающий характер.

Указанное определение устойчивости системы будет справедливо для различного типа систем, в том числе и для политической системы. Однако, как уже было сказано, понятия устойчивости и стабильности, несмотря на схожие свойства, не являются синонимами. Устойчивость, по мнению автора, является *структурной* характеристикой системы и выражает сохранность системы как конструкции.

Стабильность же, на наш взгляд, является не столько структурной, сколько процессуальной характеристикой системы. Стабильность политической системы в большей степени характеризует не сохранение политических институтов, как таковых, а их способность реализовывать свои функции в условиях дестабилизирующих воздействий. Сходную точку зрения высказывает В.Н. Иванов, отмечая, что понятие стабильности применимо к тем процессам и явлениям, которым свойственны изменения, устойчивость же отражает способность процессов и явлений удерживать изменения в заданных границах, а также способность системы восстанавливать нарушенное равновесие¹²⁵.

¹²⁵ Иванов В.Н. Политическая социология. М.: Мысль, 2000. 367 с.

Стабильность, таким образом, является механизмом баланса между способностью системы к выживанию и сохранению, с одной стороны, и эволюционной трансформацией системы, её адаптацией к меняющимся условиям, с другой. Более того, стабильная система не только способна возвращаться к исходной точке равновесия или двигаться к какой-либо новой точке равновесия через преодоление внешних возмущающих воздействий, но может изменить себя и свое окружение (внутреннее и внешнее) таким образом, чтобы взаимодействие между системой и окружающей средой не приводило к росту напряжения. При этом элементы подвергшейся внешнему воздействию системы могут настолько изменить свои отношения и модифицировать собственные цели и способы их достижения, что система в дальнейшем сможет значительно лучше справляться с воздействием среды¹²⁶.

Модель функционирования системы на основе «входа-выхода» и обратной связи в полной мере отражает и функционирование политической системы.

Именно такой алгоритм поведения мы наблюдаем в теоретической модели политической системы, предложенной ведущим представителем системного анализа в политологии — Дэвидом Истоном. Политическую систему Д. Истон определяет как совокупность взаимодействий, посредством которых ценности авторитарным образом распределяются в обществе¹²⁷. Он рассматривает функционирование политической системы в окружающей ее среде, с которой она стремится поддерживать динамическое равновесие по типу «входа» и «выхода».

Окружение политической системы, в соответствии с моделью Истона, составляет интрасоциетальную и экстрасоциетальную среду. Интрасоциетальная среда — это неполитические системы данного общества: экономическая, социальная, культурная и пр. Именно эти «функциональные

¹²⁶Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics. Varieties of Political Theory. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966. 154 p.

¹²⁷Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1953/ 320 p.

сегменты общества» являются источником входных сигналов, определяющих условия действия политической системы. Экстрасоциетальная среда представляет собой системы, являющиеся внешними по отношению к данному обществу, т.е. другие общества.

Суммарный эффект многочисленных воздействий на политическую систему обозначается через понятие «вход». По сути, «вход» — это любое внешнее по отношению к системе событие, или сумма событий, которое воздействует на систему — изменяет, модифицирует ее или вообще влияет на нее каким-либо образом. Помимо внешних возмущений, Д. Истон также признает и наличие внутренних возмущений системы, которые являются результатом действия внутренних источников, так называемые «внутри-входы». Однако, по его мнению, использование понятия «вход» в столь широком смысле приведет к слишком большому перечню различных воздействий на систему, а адекватное моделирование политической системы станет невозможным.

В этом состоит особенность подхода Д. Истона: он не раскрывает детально структуру политической системы, аппроксимируя её так называемым «чёрным ящиком», т. е. моделью системы, внутренняя структура которой нам не известна, а о свойствах мы судим по отношению выходных и входных сигналов. Полагая политическую систему «чёрным ящиком» Истон существенно сокращает число индикаторов «входа», суммирующих наиболее важные воздействия на систему, определяя в качестве таковых *требования и поддержку*. С их помощью достигается возможность эффективного описания результата воздействия внешней среды на политическую систему. Аналогичным образом понятие «выхода» помогает изучать все многообразие следствий поведения элементов политической системы для ее окружения. Индикаторам реакции системы на входные воздействия являются *решения и действия* системы (властей). «Выходы» — *решения и действия* — не только воздействуют на окружение политической системы, но и позволяют определять и корректировать в каждом новом цикле соответствующие «входы» системы.

Такая корректировка становится возможной благодаря *обратной связи*, возникающей между «выходами» и «входами», и позволяющей системе использовать свой прошлый и нынешний опыт с тем, чтобы попытаться усовершенствовать свое будущее поведение. Именно обратная связь создает предпосылки для адаптации системы, ее способности преодолевать возможные и неизбежные стрессы, и тем самым обеспечивать ее устойчивость и стабильность функционирования. Предложенная Д. Истоном теоретическая конструкция стала началом целого этапа политической науки, называемого системным анализом. Существенную теоретическую задачу моделирования политической системы Д. Истон видит в том, чтобы правильно ставить проблемы и намечать эффективные пути их решения, связанные, в первую очередь, с обеспечением стабильности и устойчивости политической системы через поддержание ее динамического равновесия с окружающей средой¹²⁸.

Рассуждения Д. Истона согласуются с постулатами структурно-функционального анализа, согласно которым динамический характер системы, также как и ее адаптационные свойства – основания стабильности системы.

Развивая структурно-функционалистский подход в рамках политической теории Г. Алмонд и его коллеги также используют модель «входа-выхода», предложенную Д. Истоном, но значительно больше внимания уделяют внутреннему строению и функционированию политической системы. Они определяют политическую систему как «совокупность институтов (таких, как парламенты, бюрократии и суды), которые формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или существующих в нём групп»¹²⁹. Внутри системы – парламенты, административные учреждения и т.д. представляют собой специализированные органы правительственной деятельности —

¹²⁸Easton D. Categories for the Systems Analysis of Politics. Varieties of Political Theory. Englwood Cliffs, N.-J.: Prentice-Hall, 1966. 154 p.; P. 143.

¹²⁹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.; С. 37-38.

структуры. Данные структуры выполняют специфические функции, которые позволяют правительству проводить свой политический курс.

Внутренняя конструкция политической системы (по Алмонду) указывает на соотношение структуры и функций. Она содержит три набора функций. Первый набор — «функции процесса» — представляет собой формы активности, необходимые для выработки политического курса. Это артикуляция – исходное выражение интересов; затем агрегация (укрупнение) интересов в несколько политических альтернатив. Победившая альтернатива определяет последующий политический курс, который, в свою очередь, должен быть реализован и претворён в жизнь. Другая группа функций — «системные функции» — влияет на то, сохранится ли политическая система или она изменится. Системные функции включают политическую социализацию, в которой задействованы структуры, формирующие и закрепляющие политически значимые установки; политическое рекрутирование, которое предполагает отбор людей для политической деятельности, а также политическую коммуникацию, которая обозначает циркуляцию информации внутри системы и между общественно-политическими группами. Наконец, третья группа функций, являющаяся воплощением всего политического процесса, носит название «функции политического курса». Именно эти функции являются сигналами «выхода» всей системы — сущностными воздействиями на общество. К ним относятся все возможные виды регулирования поведения, извлечение ресурсов и распределение благ, то есть — конечные решения. Результаты всей политической активности оказывают непосредственное воздействие на «вход» системы, формируя, таким образом, связь выхода и входа системы. Выходные сигналы, поступающие по обратной связи на вход системы, порождают новые сигналы входа, новые требования, усиливают или снижают легитимность действующей власти в глазах населения¹³⁰.

¹³⁰ Там же, с. 81-83.

Описанная модель «поведения» политической системы вписывается Г. Алмондом и его коллегами в более общий — международный — контекст, поскольку политические системы формируются и функционируют под влиянием не только внутреннего содержимого, но и международного окружения, откуда также поступают входные сигналы. По этой причине изучение политических систем не может сводиться к изучению одного, частного случая, ибо политическая система непрерывно взаимодействует с другими политическими системами, оказывая, таким образом, на них влияние своими выходными сигналами. Данное взаимодействие носит непрерывный характер.

Описанная в теоретических моделях Д. Истона и Г. Алмонда взаимосвязь политической системы с окружающей ее средой создала теоретические основания объяснения механизма адаптации системы к окружающей среде, ее способности преодолевать возможные и неизбежные стрессы и, тем самым, обеспечивать ее устойчивость и стабильность функционирования.

Заметно, что в научном дискурсе по вопросам политической стабильности, отечественные ученые в целом разделяют теоретические позиции своих зарубежных коллег.

Стабильность политической системы в ряде случаев связывается с внутренними процессами развития системы, функционированием структур и общим направлением происходящих в ней изменений. Примером может служить работа Н.Н. Ефимова, где подчеркивается, что политическая система теряет стабильность в случае, если при своем функционировании она нарушает собственную идентичность¹³¹. В данном случае мы видим, что понятие «стабильность» используется для оценки систем, которые сохраняют свою идентичность и способны функционировать в состоянии относительной изменчивости, т. е. изменяясь сохраняются.

¹³¹ Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России: научно-методическая разработка к курсу профессора А.А. Кокошина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Инфра-М, 2011. 365 с.

Более широкий подход, учитывающий не только внутренние, но и внешние детерминанты функционирования политической системы, предлагается В.И. Жуковым и Б.И. Красновым. Так, например, политическую стабильность они определяют как такое состояние политической системы, которое позволяет ей эффективно функционировать под влиянием внешней окружающей среды и внутренних факторов, сохраняя при этом свою структуру и функции¹³².

В этом определении следует отметить два теоретически и практически важных момента. Во-первых, это влияние внутренних и внешних факторов на функционирование системы и ее способность к самовоспроизводству. К этому можно добавить, что политические системы также подвержены воздействию со стороны других политических систем, вследствие чего динамика внешних и внутренних процессов возрастает, и трансформация систем становится более вероятной. Во-вторых, помимо внутренних и внешних влияний, в определении отражено такое важное положение как процессуальность, динамический характер политической стабильности.

Устойчивость политической системы Б.И. Краснов предлагает трактовать как ее способность к восстановлению равновесия, нарушаемого взаимодействием политических сил, а также удержание баланса их взаимодействий в управляемых границах¹³³. По сути, здесь воспроизводится признанный взгляд на устойчивость как на способность системы восстанавливать нарушенное равновесие и возвращаться в исходное состояние.

Необходимость усиления акцента на динамическом характере политической стабильности подчеркивает А.Д. Богатуров. Стабильность он понимает как развитие системы, а не ее неизменность, отмечая, что «система продолжает своё существование и воспроизводство, меняясь при сохранении

¹³² Жуков В.И., Краснов Б.И. Общая и прикладная политология. М.: МГСУ: Союз, 1997. 992 с.; С. 522.

¹³³ Краснов Б.И. Политическая стабилизация и политическая стабильность: методология исследования. М.: ИНИОН РАН, 2013. 488 с.

своих базовых параметров»¹³⁴. То есть, адаптируясь к внешним изменениям и изменяя своё состояние, стабильная система сохраняет свои внутренние, опорные конструкции.

Действительно, если в основе поддержания политической стабильности лежит эффективное и устойчивое функционирование политической системы, то, следовательно, динамизм этой системы является необходимым условием её существования и развития. Таким образом, следует подчеркнуть, что стабильность вовсе не тождественна неизменности системы: стабильной может быть изменяющаяся система, сохраняющая при этом свою качественную определенность. Стабильность характеризует динамическую структуру, являясь характеристикой поступательного изменения, в то время как неизменность более соответствует статической.

Разграничение понятий устойчивости и стабильности системы можно проследить в ряде других работ. Однако, по мнению автора, такое терминологическое разграничение, важное и необходимое в аналитических целях, на практике теряет свою четкую определенность и однозначность: это всего лишь два момента одного процесса — самовоспроизводства системы. Не обладая свойством устойчивости, система неизбежно будет подвержена разрушению в результате любых внешних воздействий, не обладая свойством стабильности, она не сможет развиваться и выполнять свои функции.

По нашему мнению, теоретически и практически важным является не жесткое разграничение понятий, а наоборот, их интеграция, дополняемость их характеристик, формирующая «динамическое равновесие» системы. Иными словами, важно не столько строгое разграничение понятий устойчивости и стабильности, сколько их рассмотрение как взаимодополняющих и взаимозависимых характеристик системы. Эта взаимозависимость проявляется в том, что стабильность функционирования системы зависит от того, насколько

¹³⁴ Богатуров А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970-90-е гг. М.: МОНФ: ИСК РАН, 1996. 59 с.; С. 19.

она устойчива и наоборот, устойчивость системы зависит от того, насколько стабильно она функционирует.

Системный подход и структурно-функциональный анализ, взятые нами в качестве методологической основы рассуждений о политической стабильности, неизбежно редуцировали все эти рассуждения к стабильности политической системы. В целом такое сведение можно считать правомерным: говоря о политической стабильности, некоторые исследователи рассматривают это понятие, как тождественное понятию стабильности политической системы¹³⁵. По нашему мнению, политическая стабильность является более широким понятием, носит сложный, комплексный характер, и не может быть описана лишь функционированием политической системы.

По отношению к политической стабильности политическая система и её стабильность является лишь институциональной составляющей, через которую выражается временный баланс сил ключевых политических субъектов. Политическая стабильность предполагает не только конкретный тип (форму) политической системы, но и политическую ориентацию общества на эту систему.

На взаимосвязь политической системы и политической стабильности указывает С. Хантингтон, отмечая, что стабильность любого общества зависит от соотношения уровней активности населения и политической институционализации.¹³⁶ Речь идет о том, что для сохранения политической стабильности необходимо, чтобы рост политической активности сопровождался ростом сложности, адаптивности и согласованности политических институтов общества¹³⁷.

Иными словами, политическая стабильность зависит не только от того, как устроена политическая система, как она функционирует и насколько

¹³⁵Матафонова Ю.А. Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы // Вестник Кемеровского государственного ун-та. 2015. №2 (2). С. 72-75.

¹³⁶Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В.Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.; С. 95.

¹³⁷ Там же.

глубоко институционализована, но и от того, насколько гражданское население вовлечено в политическую жизнь, политически социализировано и активно. Развивая эту мысль, можно сказать, что политическая стабильность не может быть полностью определена стабильностью политической системы. Не менее важно другое – насколько функционирование существующих политических институтов соответствует преобладающим общественным требованиям и ожиданиям. Это означает, что решение проблемы политической стабильности не может быть основано исключительно на политической институционализации. Данное утверждение может быть косвенно подтверждено тем, что политические системы некоторых государств, имея формальное сходство, в действительности функционируют по-разному. Следует отметить, что эмпирически установленное несоответствие, когда изоморфные (т. е. структурно подобные) системы функционируют по-разному, имело далеко идущие теоретические последствия в виде возникновения и утверждения теории политической культуры, в которой содержались попытки это несоответствие объяснить. Сходные в структурном плане различные политические системы могут различаться функционально. Так, например, и Великобритания, и Китай обладают одинаковыми типами политических институтов, однако эти институты организованы и функционируют по-разному¹³⁸. Таким образом, сугубо институциональное сравнение британской и китайской политики, не учитывающее функциональные аспекты, оказывается бесполезным для понимания различий в политической жизни этих стран¹³⁹.

Данные положения приводят нас к выводу – трансплантация конструкции политической системы, устойчивой в течение длительного времени и стабильно функционирующей в одном обществе, не обязательно даст аналогичный результат в другом. При таком эксперименте институты либо будут функционировать иначе, имея формальную идентичность, либо и вовсе

79. ¹³⁸Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. С.

¹³⁹ Там же, с. 81.

окажутся нежизнеспособными. Следует отметить, что подобного рода политические «эксперименты» неоднократно осуществлялись во второй половине XX столетия. Они были вызваны к жизни распадом колониальной системы в послевоенный период, а также распадом постсоветского пространства в конце XX века. В обоих случаях на политической карте мира появилось много новых независимых государств, которые встали перед необходимостью формировать новые политические институты и создавать собственные политические системы. Как правило, в качестве образца брались политические институты развитых стран с уже сложившимися политическими системами. Однако такой опыт заимствования чужих политических институтов зачастую приводил к непредусмотренным последствиям: институт президентства приводил к становлению единоличной власти главы государства, нередко сопровождавшейся юридически оформленной или фактической ее несменяемостью (Таджикистан, Туркмения). Институт парламентаризма способствовал хаотизации общественной и политической жизни, правительственной чехарде и усилению анархических настроений в обществе (Армения, Грузия, Молдова).

Рассмотренные теоретические модели политической системы могут создать впечатление, что политическая стабильность достижима (а вернее сказать – к ней будут стремиться) лишь в странах с демократическими режимами, особенно явно эта идея проводится в зарубежных исследованиях. Однако практика политического строительства, особенно в молодых развивающихся странах, показывает – демократические принципы, привнесённые извне в неадаптированное общество, могут оказать негативное воздействие и привести к росту протестной активности. Если базовая структура общества построена не на демократических принципах, а на авторитарных, что характерно для многих стран незападной модели развития, то состояние стабильности может поддерживаться и без демократических преобразований, в то время как демократический транзит может, напротив, эту стабильность подорвать. Примеров такой «демократизации» в современном мире много —

это «демократизация» Афганистана (2001), Ирака (2003), ряда стран Северной Африки и Ближнего Востока (с 2011 года).

Как нам кажется, здесь методологически важным является высказанное А.И. Соловьевым положение о том, что «со структурной точки зрения стабильность предполагает сочетание тех параметров организации власти, которые выражают соответствие между стилем правления (задаваемым предпочтениями правящих кругов) и реальными настроениями и ценностными побуждениями общественности, что в конечном счете и предполагает ту или иную степень интеграции власти и общества»¹⁴⁰.

Во всех перечисленных выше случаях мы видим, что это соответствие оказалось нарушенным, в результате произошло рассогласование традиционных политических ориентаций, преобладающих в обществе, с попытками формирования новой модели политического устройства.

Это означает, что политическая стабильность является свойством не только демократических режимов, но и недемократических.

В демократических режимах основная роль в обеспечении политической стабильности отводится гражданскому обществу. Через гражданский контроль повышается эффективность системы политического управления. При этом подразумевается, что в гражданском контроле помимо общества заинтересована и власть, которая предоставляет и охраняет механизмы гражданского контроля. Демократические режимы, как правило, требуют широкого политического участия граждан, их интереса к политической информации, а также доминирующего типа активистской политической культуры.

Недемократические режимы исключительно разнообразны и варьируются от некоторого подобия демократизма до крайней степени авторитаризма. Их сходство состоит в монополии на власть одной политической силы и

¹⁴⁰ Соловьев А. И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск №1. 23 сентября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL.: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1._sentjabr_2003_g./solovjev.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

преобладании этатизма, выражающегося в усилении государственного контроля над всеми сферами общественной жизни. Даже формирование институтов гражданского общества (точнее, квазиинститутов) здесь происходит по инициативе и под контролем государства. В недемократических режимах, власть, как правило, внедряет в общественное сознание определённые ценностные установки и вынуждает большинство членов общества их признавать. Необходимым условием политической стабильности является и приверженность самой власти этим ценностным установкам. При наличии консенсуса по поводу ценностей и целей общественного развития как внутри общества, так и в самой элите, последняя способна мобилизовать общество для достижения поставленных целей.

Таким образом, сохраняется легитимность власти и при этом не разрушается целостность социума. Общества, формировавшиеся и развивавшиеся недемократическим путём, имеют свои ценности и нормы, согласование с которыми в политической деятельности способствует политической стабильности.

Британский исследователь Л. Грин еще в конце прошлого столетия отмечал, что политическая стабильность есть проявление легитимности власти¹⁴¹. По нашему мнению, такая точка зрения если и не отражает всей полноты политической стабильности, то, во всяком случае, вполне справедлива, поскольку в любом случае, легитимная власть обеспечивает стабильность значительно выше, чем нелегитимная.

Кроме того, политическая стабильность, как и легитимность, обеспечивается не только ценностным консенсусом, но и обусловлена способностью правящей элиты создавать условия, необходимые для социально-экономического, политического и духовного развития общества. Поэтому власть, стремящаяся к самовоспроизводству, должна обеспечивать рядовым

¹⁴¹ Green L. Support for the System // British Journal of Political Science. 1985. Vol. 15. P. 12-22.

гражданам возможность широко пользоваться благами, которые может предоставить современное общество.

Здесь возникает существенное различие между стабильностью при демократических и недемократических режимах, поскольку именно первые способны в долгосрочной перспективе обеспечивать позитивные для общества реформы и преобразования экономического и культурного характера, а также системы государственного управления в виде законности, правопорядка и безопасности. Следует добавить, что эти позитивные преобразования должны иметь контролируемый характер, в противном случае, как справедливо замечает А.И. Соловьев, «изменения в политическом пространстве либо ведет к нестабильности, либо означает саму нестабильность»¹⁴².

Таким образом, политическая стабильность не отрицает, но, напротив, предполагает, общественные трансформации при сохранении качественных параметров конкретной политической системы. В силу динамического характера общественно-политических отношений отсутствие изменений означало бы конец эволюции социальной и политической жизни данного общества.

Если на основе всех предшествующих рассуждений попытаться сформулировать предельно обобщенное определение политической стабильности, то в авторской интерпретации оно могло бы выглядеть следующим образом: политическая стабильность — это такое состояние общества и его политической системы, которое обеспечивает их воспроизводство и контролируемое развитие в условиях внутренних и внешних дезорганизующих воздействий.

Это определение позволяет рассматривать достижение политической стабильности как комплексную проблему, решение которой следует искать на

¹⁴²Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск №1. 23 сентября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL.: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1._sentjabr_2003_g./solovjev.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

путях снижения социально-политической напряженности в обществе и достижения на основе компромисса интересов разных политически значимых социальных групп, их согласия по выбору направления дальнейшего развития (экономического, политического и т.д). Указанное определение индифферентно по отношению к типу политического режима, снимая тем самым убежденность в том, что стабильность достигается лишь в демократических системах. Кроме того, в нем подтверждается динамический характер как самой политической системы, так и взаимодействия между властью и обществом.

2.2. Технологии обеспечения политической стабильности общества

Многочисленные вызовы начала XXI века — внешнеполитические, внутриполитические, финансово-экономические кризисы, социальные конфликты и прочие факторы, оказывающие негативное влияние на политическую стабильность — заставляют всерьёз задуматься о том, какие необходимо задействовать ресурсы и механизмы, включая властно-силовые, для обеспечения социально-политической стабильности, безопасности, порядка, не нарушая при этом права граждан и сохраняя легитимность существующего политического порядка. Политические структуры, призванные отвечать за решение этих задач, должны быть способными максимально эффективно функционировать для адекватного и своевременного ответа на возникающие вызовы, при этом их формирование, функционирование и полномочия должны быть настолько открыты для общества, чтобы не вызывать сомнений в необходимости и эффективности данных структур.

Выше уже говорилось о том, что задача установления и поддержания политической стабильности в обществе возложена, в первую очередь, на государственные структуры.

Установление и поддержание политической стабильности в обществе, по большей части, отводится государству хотя бы потому, что именно ему делегированы полномочия, которые заключаются в принятии решений и

монопольным праве на легитимное принуждение. Тем не менее, источником этих решений являются общественные требования, которые выражаются через те или иные формы политического участия граждан, например, через политические партии, их программы, решения и действия, через общественные структуры, наконец, через сетевые формы взаимодействия. Политическая стабильность предполагает достижение определенного баланса общественных интересов. Баланс этот носит подвижный, динамический характер, поскольку полностью снять противоречия и разрешить конфликты между различными группами вряд ли когда-нибудь удастся, именно поэтому периодическое склонение «чаши весов» в ту или иную сторону — нормальное явление и укладывается в представление о стабильности как о динамической характеристике политического процесса. Вопрос лишь в том, до какой степени это склонение «чаши весов» не превышает критического порога, за которым возникают социальные и политические конфликты, подрывающие стабильность общества.

Эта проблема всегда стояла в центре внимания конфликтологов, которые пытались найти способы прогнозирования социальных конфликтов, их предупреждения, разрешения (в случае, если конфликт предупредить не удалось) и минимизации негативных последствий уже случившегося конфликта. По мнению автора, именно конфликтологический подход к проблеме обеспечения политической стабильности может дать необходимый инструментарий для ее решения.

Подбор такого инструментария во многом зависит от интерпретаций самого понятия «конфликт», во множестве встречающихся в современной конфликтологической литературе. Их многообразие подтолкнуло авторитетного исследователя проблем психологии конфликта Н.В. Гришину к выводу о том, что ни одно из предлагаемых в литературе определений не может быть принято в качестве универсального либо в силу ограниченности охватываемых им явлений лишь частью конфликтной феноменологии, либо из-

за многозначности используемых формулировок¹⁴³. Поэтому, не углубляясь в дискуссию по поводу формулировок, отметим, что нам близко определение, данное проф. А.Б. Зверинцевым, который предлагает в рамках уже сложившейся со времен Г. Зиммеля и Р. Парка конфликтологической традиции рассматривать конфликт как «вид социального взаимодействия, характеризующийся противоборством сторон, преследующих несовместимые интересы»¹⁴⁴.

Именно такой подход стал базовым для многих определений конфликта в политической сфере, где указывается на несовместимость политических целей и интересов конфликтующих сторон как на основную причину конфликта.

Придерживаясь данного подхода, хотелось бы внести в него некоторое уточнение, ибо, на наш взгляд, оно играет важную роль при выборе стратегии обеспечения политической стабильности. Это уточнение состоит в том, что зачастую несовместимость целей и интересов конфликтующих сторон имеет мнимый (субъективный) характер. Если бы цели и интересы сторон конфликта всегда были бы действительно (объективно) несовместимыми, то единственно правильной стратегией поведения в конфликте была бы борьба до победного конца. То есть, конфликт всегда превращался бы в «игру с нулевой суммой». Однако теория и практика конфликта показывают, что сторонам нередко удается договариваться и, либо предотвращать конфликты, либо выходить из них с большей или меньшей степенью потерь и издержек, находя, таким образом, пусть к компромиссу или согласию. Таким образом, зачастую сторонам только кажется, что их цели и интересы несовместимы, в действительности многие конфликтные ситуации обладают высоким «интегративным потенциалом»¹⁴⁵, объединяющим и примиряющим интересы сторон. Осознание сторонами конфликта самой возможности нахождения

¹⁴³Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2000. 454 с.; С.15.

¹⁴⁴Конфликтология: учебно-методический комплекс / под ред. А.С. Тургаева. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. 224 с.; С.30.

¹⁴⁵Рубин Дж., Пруйт Д., Ким Хе Сунг. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 344 с.; С.265.

интегративного решения может привести к тому, что их поведенческая стратегия в конфликте будет нацелена не на усиление конфронтации, а на ее снижение и на поиск компромисса, договоренности и консенсуса. Усиливается возможность выбора такой стратегии и поиска интегративного решения тогда, когда притязания сторон чрезвычайно высоки, а силы и ресурсы приблизительно равны. В этих условиях резко возрастают риски для каждой из сторон в случае эскалации конфликта. Цена конфликта может оказаться значительно выше цены выхода из конфликта, поэтому лучше не рисковать и искать пути к примирению. В контексте проблемы обеспечения политической стабильности такая конфликтная стратегия представляется наиболее рациональной.

Политический конфликт можно рассматривать как разновидность социального конфликта, в котором субъекты, представляющие конфликтующие стороны, борются за власть и распределение ценностей. Очевидно, что стремление к снижению напряженности подобного конфликта (на конфликтологическом языке — к деэскалации) способствует как институциональной стабильности, так и стабильности общественной. Однако было бы упрощением рассматривать конфликт и стабильность в социальной (политической) сфере как явления, находящиеся в обратной зависимости — чем больше одного, тем меньше другого. Неоднозначная зависимость между социальным порядком и конфликтом была отмечена еще классиками социологии и конфликтологии (Л. Козер, Р. Дарендорф и др.). Поэтому, на наш взгляд вполне правомерны вопросы: имеет ли конфликт столь однозначное негативное влияние на политическую стабильность? Возможно ли управление конфликтом в целях повышения стабильности, и каковы шаги в управлении, не позволяющие конфликту выйти за критические пределы, за которыми последуют неконтролируемые последствия?

В попытке ответить на эти вопросы отметим, что политические конфликты многочисленны и разнообразны, причём зачастую формальный повод не является истинной причиной конфликта. Неоднородность общества и

многообразие интересов различных социальных групп, которые зачастую противоречат друг другу, создают питательную среду для конфликтов, полностью устранить которую невозможно, поэтому вопрос сводится к тому, насколько своевременно последует реакция на источник конфликта, и насколько эффективной будет нейтрализация последствий. Балансируя между интересами конфликтующих сторон, государство может время от времени поддерживать одну из сторон, не переходя при этом критического порога, когда активная поддержка одной из сторон конфликта лишь усилит негативную реакцию другой (или «других» — в случае, если конфликт носит многосторонний характер), углубляя раскол и провоцируя дальнейшую конфронтацию. Таким образом, поиск баланса сил и методов разрешения противоречий важен как для сохранения самой политической системы, так и для политической стабильности общества в целом.

Когда речь идет о политических конфликтах, то государство как политический институт может быть стороной конфликта в случае, если оно стоит на защите интересов привилегированной социальной группы, как это часто бывает в поляризованных обществах с авторитарными режимами (деспотии, военные диктатуры).

Государство может находиться «над схваткой» — и тогда в поисках методов урегулирования конфликтов и снижения их интенсивности, государственные структуры, как правило, принимая решения, стремятся учитывать интересы всех конфликтующих сторон. Происходит это в случае, если «государство в широком смысле» представляет собой единое сообщество (*commonwealth*, — по Д. Локку), частями которого являются различные группы, и которое заботится об их интересах. Так, государство, являющееся в равной степени «домом» для всех проживающих в нём индивидов и групп, способствует осознанию любой стороной конфликта того, что другая сторона тоже является частью этого же сообщества. Без влияния государства самим группам трудно осознать свою сопричастность другим группам. Согласно *теории социальной идентичности*, постулирующей идентичность как

противопоставление другим (иным), группы более подвержены конфликтам, чем индивиды, и настроены на соперничество в силу убежденности, что своя группа всегда лучше, чем чужая¹⁴⁶. Поляризация, восприятие по принципу «свой-чужой», приводит к тому, что одна из сторон может видеть единственным способом разрешения противоречия полное подавление другой стороны. И напротив, осознание принадлежности к более широкому сообществу в значительной степени снижает внутреннюю конфликтность и умеряет тактику, применяемую при разногласиях с другими членами этого же сообщества¹⁴⁷.

По этой причине в перечне способов достижения и поддержания стабильности на первом месте выступает тактика государства по предотвращению конфликтов или снижению их потенциальной интенсивности путем взаимоинтеграции различных групп, усиления их взаимосвязи и взаимодействия. Усиление взаимосвязи порождает расширение взаимозависимости и способствует стратегии уступок, препятствуя одновременно жесткой тактике противостояния. Социальные психологи утверждают, что само наличие различных групп способствует развитию негативных установок по отношению друг к другу¹⁴⁸, поэтому в больших сообществах, каковым является государство (в широком смысле), возможность столкновения между ними выше, а степень взаимосвязи ниже. Отсюда следует, что политическое руководство государства должно выработать механизмы борьбы с внутренней поляризацией.

Одним из таких механизмов является *лояльность к более широкому сообществу*. Это отнюдь не означает, что некоторое большинство определяет и ограничивает права меньшинств по собственному усмотрению. Большинство представляет собой некоторую доминанту, основу сообщества, интеграция в которое лежит через приобщение к его (большинства) нормам, порядкам и

¹⁴⁶ Turner J.C. The experimental social psychology of intergroup behaviour / In J.C. Turner and I. Gies. Intergroup Behaviour. Oxford, UK: Basil Blackwell, 1981.p. 66-101.

¹⁴⁷ Coleman J.S. Community conflict. N.Y.: The Free Press. 1957. 32 p.

¹⁴⁸ Tajfel H. Experiments in intergroup discrimination // Scientific American. 1970. № 23, p. 96-102.

обычаям. Ощущение чувства принадлежности к большинству налаживает эмоциональные, социальные и другие типы связей между отдельными группами. Фактически речь идет о механизме социализации, целью которой становится социальная интеграция на основе сложившихся ценностей и норм поведения. Ниже будет затронут вопрос о социализации *политической* как о механизме достижения стабильности политической.

Второй способ поддержания стабильности состоит в использовании уникальных возможностей и ресурсов, которыми располагает государство. Безусловно, избежать конфликтов полностью невозможно, более того, во многих ситуациях конфликт способствует разрешению объективных противоречий, однако для управления конфликтами государство, как основной регулятор общественных отношений, нуждается в создании и укреплении центральной власти. Сильная центральная власть способна поддерживать порядок законными методами, которые не исключают применения силы в случаях, когда иными методами снизить эскалацию не удаётся. Тем не менее, основная задача состоит в установлении положительных отношений между центральной властью и каждой из существующих групп.

Выделяют и третий способ поддержания стабильности и борьбы с поляризацией — он заключается в насаждении антагонизма по отношению к внешнему врагу¹⁴⁹. Формирование образа внешнего врага позволяет консолидировать общество. Этот способ, однако, носит временный характер, так как не устраняет источник конфликта.

Названные способы поддержания стабильности не приводят к полному искоренению социальных конфликтов. В противовес негативному пониманию конфликта, мы рассматриваем конфликты как неотъемлемые компоненты социальной и политической жизни, являющиеся источниками инноваций, перемен, не позволяющих системе (социальной, политической) стагнировать. Проще говоря, у конфликта есть и положительные свойства, одно из которых

¹⁴⁹Рубин Дж., Пруйт Д., Ким Хе Сунг. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. С.221.

заключается в ускорении динамики развития. На данный момент, «теория конфликта», как исследовательская парадигма, полагает конфликт источником общественного развития.

Основоположники современной теории конфликта Г. Зиммель и Л. Козер диалектически подходили к оценке роли конфликта в обществе. Они утверждали, что конфликт нельзя рассматривать как исключительно деструктивный феномен: не конфликт, а жесткость системы угрожает ее стабильности и может привести к её полному разрушению¹⁵⁰. Напротив, конфликт выполняет и конструктивные для общества функции. Согласно взглядам Зиммеля и Козера, конфликт способствует интеграции общества по целому ряду причин.

Во-первых, конфликт формирует и усиливает чувство групповой идентичности. Свою принадлежность к группе (национальной, этнической, и т.д.) люди лучше всего осознают в состоянии межгруппового конфликта. Так, например, во время войны люди значительно более четко осознают и определяют свою национальную принадлежность, нежели в мирное время. Возрастает чувство национальной гордости и роль национальных символов.

Во-вторых, конфликт усиливает групповую сплоченность и укрепляет внутригрупповые связи, которые выстраиваются в иерархическом порядке, создающем централизованную внутригрупповую структуру. Чем сильнее оказывается внешнее воздействие на группу, тем более сплоченной и централизованной она становится. В ходе международных конфликтов, как правило, возрастает роль государственных структур, а население испытывает большую потребность в силе, способной организовать и направить общество во имя общественных интересов. Поэтому в политической теории стала общепризнанной закономерность, согласно которой в стране, попадающей в крайне тяжелые внешние условия (например, войны) неизбежно происходит

¹⁵⁰Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.; Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908. 578 p.; Coser L. Functions of Social Conflict. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1956. 188 p.

авторитаризация режима и сворачивание демократических процедур согласования различных интересов.

В-третьих, очевидно, что наличие конфликтующих сторон ведет к необходимости поиска союзников. Каждая из конфликтующих групп, не будучи в состоянии самостоятельно разрешить конфликт в свою пользу, пытается заручиться поддержкой других групп. Тем самым противоборствующие стороны расширяют свои связи и влияние, создавая социальные организации более высокого уровня интеграции. Можно допустить, что некоторые группы могут быть заинтересованы в существовании врага.

Отношения между отдельными людьми, группами людей – большими или малыми – всегда включают и гармонию, и конфликт. Абсолютно гармоничных сообществ не существует, даже если представить их существование, то следует допустить, что они не способны к развитию. Более того, по мнению Зиммеля, не следует рассматривать силы, которые находят своё выражение в конфликте, как негативные (деструктивные), а те, что ведут к консенсусу – позитивные (конструктивные).

Развивая зиммелевский подход к оценке роли конфликта в общественной жизни, Роберт Парк соотносит конфликт с конкуренцией. Только там, где есть конфликт, «поведение осознанно и самосознательно; только в этом случае есть условия для рационального поведения»¹⁵¹. Конкуренция, по мнению Парка, является основным механизмом развития и получает своё выражение в виде конфликта. Для обозначения процесса приспособления сторон к новой ситуации, вызванной конфликтом, Парк использует заимствованный из биологии термин аккомодация (от лат. *accomodatio* – приспособление, приноровление). Общественная организация, возникающая в постконфликтной ситуации, является аккомодацией различий, достигаемой путём конфликтов¹⁵². В аккомодации конфликт в явном виде исчезает, но остается в потенциальном.

¹⁵¹ Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология. Антология: В 2-х ч., М., 2002. Ч.1. С. 390-400; с. 405.

¹⁵² Там же. С. 408.

Если приспособление не сработало, возникает новый виток конфликта, который вновь ведет к аккомодации, и так до достижения политического и общественного порядка. Таким образом, общественная жизнь представляется как циклическая смена состояний — конфликтного и бесконфликтного, организации и дезорганизации, стабильности и нестабильности.

Опираясь на исследования Л. Козера¹⁵³, мы вправе рассматривать конфликт как инструмент формирования стабильности. Он способствует установлению и сохранению границ (психологических, социальных, политических, административных и прочих), формированию национальной идентичности, защите от чрезмерного внешнего воздействия. Именно реальный конфликт, в ходе которого были выявлены силы и возможности сторон, может стать фактором сдерживания — в этом случае проявляется так называемый «зиммелевский парадокс»: «Наиболее эффективная предпосылка предотвращения конфликта — точное знание сравнительной силы обеих сторон — зачастую достижима только в ходе реального конфликта»¹⁵⁴.

Концепции Зиммеля, Парка, Козера позволяют говорить о конфликте, как о естественном процессе, более того, рассматривать его как необходимое и незаменимое условие достижения и поддержания общественной и политической стабильности. В этой роли конфликт выступает до того момента, пока сохраняется возможность предотвращения принципиального раскола политической системы. Эта возможность зависит от ее гибкости. Однако, проявление гибкости политической системы в том и состоит, что она допускает прямое выражение противоречивых требований, и тем самым элиминирует источник недовольства. Плюрализм конфликтных ситуаций, свойственный стабильной политической системе, способствует устранению причины внутреннего разобщения и восстановлению политического единства. Наоборот,

¹⁵³Козер Л. Функции социального конфликта/ пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.

¹⁵⁴Там же. С.162.

чем более жесткой является архитектура политической системы, тем меньше у её институтов реальных средств, позволяющих регулировать конфликты.

Политическая система, способная в условиях нарастающего конфликта, проявить гибкость, и путем трансформации своих структур, рекомбинации властных позиций и модификации властных отношений, приспособиться к меняющимся условиям, сохраняет стабильность и избегает внутренней неустойчивости. Напротив, система, неспособная к трансформации и самоорганизации, лишь аккумулирует напряженности, приводящие к ее разрушению. В любом случае, политический конфликт является не только следствием возникших противоречий, но и одним из способов ускорения динамики процесса их разрешения.

Каковы конкретные механизмы снижения уровня напряженности в обществе, предотвращающие эскалацию политических конфликтов и обеспечивающие политическую стабильность?

Поскольку под стабильностью, как об этом было сказано в предыдущей главе, мы понимаем, прежде всего, способность политической системы реализовать свои функции, то и механизмы обеспечения политической стабильности должны быть связаны с реализацией тех функций, от которых зависит существование и воспроизводство самой политической системы. Определить эти механизмы, на наш взгляд, поможет функционалистская модель политической системы Г. Алмонда, в которой представлен исчерпывающий перечень соответствующих функций. Среди рассмотренных Г. Алмондом функций политической системы наиболее важными в контексте определения условий и параметров стабильности являются «системные функции», которые определяют весь политический процесс и делают его возможным. Напомним, именно от них, по мысли американского ученого, зависит — сохранится политическая система, или же она изменится, а то, как будут реализованы данные функции, определит в дальнейшем отношения как внутри самой политической системы, так и с внешней средой.

Первая из названных — функция «политической социализации». Алмонд отмечает, что он и коллеги понятие социализации используют «для обозначения путей формирования политических ценностей и передачи политической культуры от одного поколения к другому»¹⁵⁵. В политической социализации «задействованы семья, школа, средства массовой информации, церковь и все многообразие политических структур, которые вырабатывают, закрепляют и трансформируют политически значимые установки в обществе»¹⁵⁶. Безусловно, некоторые из таких установок со временем эволюционируют, но другие остаются неизменной частью как индивида, так и общества. На наш взгляд, в выработке, закреплении и трансформации политически значимых установок в обществе заключается вся суть политической социализации, как и ее значение для обеспечения стабильности, устойчивости и воспроизводства политической системы. Посредством этой функции политическая система «привязывает» к себе индивида, формирует его в духе лояльности и, тем самым, обеспечивает свое воспроизводство и свою легитимность.

Очевидно, что в любом обществе существуют многочисленные агенты политической социализации — проводники политических норм и ценностей, которые и образуют механизм осуществления соответствующей функции. Одним из таких агентов является государство, которое транслируя установки и ценности обществу, стремится сформировать *человека государства*, приобщенного к нормам и ценностям, обуславливающим политическую жизнь данного общества. Безусловно, полной мировоззренческой унификации достичь невозможно (и не нужно), и разные люди, в зависимости от своей групповой (классовой, этнической и др.) принадлежности, а также личного опыта, могут быть носителями противоположных и даже взаимоисключающих взглядов. Установки граждан, их взгляды на политический строй или

¹⁵⁵Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. С. 105.

¹⁵⁶Там же, с. 83.

отношение к отдельным персонажам могут существенно различаться, особенно это свойственно состязательным, многопартийным системам. В такой ситуации механизм политической социализации может оказать разобщающее воздействие на людей. Тем не менее, выступая в роли агента политической социализации, властные структуры стремятся как можно больше адаптировать человека к существующей политической системе. Формируя у человека чувство причастности к существующему государству, его истории, используя общенациональные символы и призывы, государство стремится выработать у человека чувство патриотизма и национальной гордости, применительно не только к истории, но и к данному моменту. Таким образом, даже выступая антагонистом по отношению к отдельным политическим организациям, персонажам и решениям, человек, как правило, не является противником существования государства как такового, не стремится подорвать его политическую архитектуру. Такой механизм поддерживает политическую стабильность даже в случае конфликтной политической культуры.

Очевидно, что в реализации функции политической социализации происходят «сбои» и появляются люди, не разделяющие ценности политической системы — оппозиционеры, несогласные (диссиденты в советском обществе). Причина этого кроется во множественности институтов социализации, а также связей и отношений, в которые вовлечен социализированный индивид. И не все они преследуют единую цель. «Сбои» механизма политической социализации становятся причинами политических конфликтов ценностно-нормативного, идеологического характера. Но чем активнее политическая система и, в первую очередь, государство, осуществляют данную функцию, тем ниже будет острота идеологических противоречий и больше оснований считать, что поддержка со стороны большинства населения будет достигнута, а стабильность обеспечена.

Функция «политического рекрутирования» также имеет самое прямое отношение к обеспечению политической стабильности. Эта функция, согласно Г. Алмонду «подразумевает отбор людей для политической деятельности и

государственных постов»¹⁵⁷. От того, как осуществляется этот отбор, и каков его селекторат, также зависит — сохранится политическая система или же она изменится. Проблема политического рекрутирования давно уже поднималась в политической науке и социологии. В социологии эта проблема частично поднималась в теории социальной мобильности (П.А. Сорокин), где одним из институтов вертикальной мобильности в обществе рассматривались политические организации. В политической науке большой вклад в исследование вопросов политического рекрутирования внесли теоретики-элитисты — в первую очередь Г. Моска и В. Парето.

Согласно элитистской школе, само по себе появление элит в обществе является естественным процессом, поскольку индивиды в различной степени обладают управленческими способностями. Немногочисленные люди, обладающие особыми качествами и способностями к управлению, в силу высокой организованности (в отличие от неорганизованного большинства), формируют политический класс и занимают господствующее положение в обществе. Это значит, что элиты существуют в любом обществе и при любом политическом строе, однако принципиальным остается вопрос о способе их воспроизводства.

Г. Моска и В. Парето претендовали на первенство в разработке вопросов циркуляции элиты, хотя в истории политической мысли именно за Парето закрепилась слава первооткрывателя закона «циркуляции элит». Между элитой и массой, в процессе взаимодействия, происходит непрерывная рекомбинация, в ходе которой старые элиты опускаются по «социальной лестнице» вниз, в то время как новые, более адаптированные к постоянно происходящим внешним и внутренним изменениям, поднимаются вверх. Основными качествами, позволяющими продвигаться вверх, являются ум, талант, образование, трудоспособность, наличие управленческих навыков и т.д. Тем не менее, в реальной ситуации, процесс «циркуляции» искусственно тормозится элитами,

¹⁵⁷Там же.

не желающими опускаться вниз. Это приводит к накоплению деградирующих элементов в высшей страте, и накоплению элементов, обладающих необходимыми качествами, в нижней страте. Согласно элитистскому подходу, циркуляция элит носит необратимый характер: так или иначе, но смена всё равно произойдет, вопрос лишь в том, каким образом она будет происходить — путем относительно спокойного перехода или революционной трансформации, которой сопутствует всплеск социального недовольства и дестабилизация¹⁵⁸.

Выводы итальянских ученых состояли в том, что открытость правящей элиты и постоянная циркуляция — то есть ее пополнение представителями различных слоев общества — обеспечивают политическую стабильность и предотвращают разрушительные революционные потрясения. Напротив, закрытость элиты, отсутствие социальных «лифтов», наличие неоправданных барьеров на пути возможных кандидатов в правящую элиту — рано или поздно (но в любом случае — неизбежно) приводят к революционным переворотам и быстрой и кардинальной замене старой и вырождающейся элиты на новую. Обычно такая замена приводит к тяжелым последствиям для общества в виде длительного периода политической и социальной нестабильности, резкого падения уровня жизни подавляющей части населения, в самых крайних случаях — в виде гражданской войны и возможного распада государства.

Однако практика показывает, что элиты, даже сформировавшиеся в процессе плавной циркуляции, как правило, быстро отделяются от своего социального слоя, теряют с ним связь и начинают образовывать новую элитарную группу, формирующую правящий класс. На этот процесс обращал внимание Р. Михельс, сформулировавший знаменитый «железный закон олигархии»¹⁵⁹. Впоследствии целый ряд крупных теоретиков (Р. Миллс, Р.-Ж.

¹⁵⁸Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: изд. дом ГУ ВШЭ, 1997. Т. 2. 511 с.; С. 59-67.

¹⁵⁹Михельс Р. Необходимость организации. Глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» (1911) // Диалог. 1990. №3. С. 54-60; Михельс Р. Принципиальное в проблеме демократии // Социологический журнал. 1994. №3. С. 89-93.

Шварценберг) отмечали, что политические элиты, поднявшиеся над своим социальным окружением, не отражают и вряд ли когда-либо отражали интересы представляемых ими граждан¹⁶⁰. Данное положение свойственно как развитым демократиям, таким как США, Великобритания и Франция, так и коммунистическим странам, хотя это и противоречит их идеологии¹⁶¹.

Политическое рекрутирование предполагает представительство интересов различных социальных групп, но одновременно и высокой политической компетентности должностных лиц. По этой причине, чиновники и лидеры не могут быть простыми представителями той или иной группы, отражая её базовые характеристики, они также должны обладать требуемыми для выполнения своих задач знаниями и навыками, то есть быть лучшими представителями из всех возможных, которым люди добровольно готовы делегировать особые полномочия. Однако, получение соответствующего образования, знаний и навыков, и само появление лучших представителей способствует появлению элитарных групп, стремящихся к отрыву от общества, самоизоляции, что лишь подтверждает необходимость дальнейшего рекрутирования.

Что касается конкретных механизмов, обеспечивающих рекрутирование политических элит, то среди них наиболее распространенными являются выборы и назначения. Помимо самих процедур выборов или назначений, а также необходимых требований к кандидатам (возраст, гражданство) критически важным для поддержания порядка и политической стабильности является то, насколько легитимен тот или иной кандидат, сторонником какого политического курса он является, и какова его собственная позиция. Важным свойством демократии является то, что процедура смены политических фигур, или даже политических курсов, как правило, не позволяет возможному конфликту, связанному с ней, выйти за пределы допустимого. Кандидат,

¹⁶⁰Миллс Р. Властвующая элита / пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1959. 543 с.; Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. / пер. с фр. М.: Российская академия управления, 1992. 180 с.

¹⁶¹Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. С. 228-229.

победивший в ходе открытого демократического процесса, то есть заручившийся поддержкой большинства (абсолютного или относительного) избирателей, автоматически обретает легитимность в глазах даже тех, кто был его противником. Такой механизм свойственен развитым демократиям. Однако процесс рекрутирования, поддерживающий политическую стабильность в одном обществе, может привести к росту напряженности в другом. Авторитарные системы менее склонны к мягкому переходу власти, и даже в случае формального наличия демократических институтов, реальные механизмы передачи власти происходят не путем народного волеизъявления. Выборные механизмы, если они существуют, отличаются непрозрачностью процедур. Рекрутирование здесь происходит «сверху», через механизмы назначения или кооптации. На ответственные и публичные должности, как правило, назначаются лица, обладающие доверием высшего государственного руководства и не имеющие народного «антирейтинга». Механизм сменяемости высших политических должностей менее очевиден, однако сосредоточение власти в руках отдельных лиц или институтов сопряжено с рисками в случае её утраты. Для поддержания политической стабильности в таких режимах политические лидеры должны постоянно заботиться о народной поддержке и признании, обеспечивая легитимность своего существования и поддержания системы. В случае утраты легитимности, власть, как правило, поддерживается силовыми методами. Нередко кризисы легитимности приводят к внутриэлитным или военным переворотам. По этой причине, рекрутирование является необходимым процессом как в демократических, так и в недемократических режимах, отличие может заключаться лишь в механизмах, динамике и последствиях – конфликтных или бесконфликтных.

Это означает, что процесс рекрутирования в разных странах зависит от типа политической системы, партийной системы, исторически сформировавшихся установок и ориентиров граждан, лежащих в области политической культуры.

Вероятнее всего, идеального способа рекрутирования, дающего ответа на вопрос, кто и как будет занимать ключевые политические посты, в равной степени подходящего любой системе, не существует, тем не менее, важность этой функции, как механизма поддержания политической стабильности, очевидна.

Третья системная функция — «политическая коммуникация», согласно Алмонду, «означает движение информации в обществе и внутри различных структур, образующих политическую систему»¹⁶². Стабильность и устойчивость политической системы зависит от политической коммуникации в той же степени, как и от политической социализации и рекрутирования.

Однако далеко не всегда коммуникация рассматривалась как обмен информацией, то есть как двусторонний процесс. Концептуальный подход к коммуникации как к однонаправленному процессу был справедлив практически на протяжении всей мировой истории¹⁶³. Даже в сравнительно недавнее время авторитетный специалист в области человеческого общения М.С. Каган утверждал, что «коммуникация есть информационная связь субъекта с тем или иным объектом — человеком, животным, машиной»¹⁶⁴. С его точки зрения, коммуникация представляет собой субъект-объектное отношение, где субъект передает некую информацию (идеи, приказы, распоряжения и пр.), которую получатель (объект) должен лишь принять, понять и соответствующим образом поступить. Объекту в этой системе отношений отводится пассивная роль получателя информации. Таким образом, согласно М.С. Кагану, коммуникация представляет собой однонаправленный информационный процесс¹⁶⁵.

Политическая коммуникация также долгое время рассматривалась как субъект-объектная связь, причем субъектом политической коммуникации выступала политическая система, а точнее — государство, в то время как

¹⁶²Там же.

¹⁶³Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: дис. ... д-ра полит.наук: 23.00.02. М., 2015. С. 57.

¹⁶⁴Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 280 с.; С.145.

¹⁶⁵Там же. С. 146.

объектом информационного воздействия выступало общество. При этом, как отмечал У. Липпман в своей знаменитой работе «Общественное мнение» (1922), политическое управление основывалось на коммуникационных процессах, формирующих через передачу информации не столько реальную картину мира, сколько «псевдореальность, заменяющую реальность объективную»¹⁶⁶. Г. Лассуэлл, объектом исследований которого стали пропагандистские усилия с помощью средств массовой информации в годы Первой мировой войны, также полагал политическую коммуникацию как односторонний целеориентированный процесс воздействия на общественное сознание в формате пропаганды¹⁶⁷.

Однако, по мере развития средств распространения информации и изменения роли информации в общественной жизни, существенно усложняется подход к пониманию и содержанию роли политической коммуникации. Немаловажную роль в новом понимании сыграл кибернетический подход Н. Винера, способствующий выявлению общих закономерностей коммуникационных процессов в системах самого разного типа. Так, система средств массовой информации, как утверждает Винер, способна оказывать влияние на поведение огромной аудитории и отдельного человека, побуждая их отдавать на выборах свои голоса «за определенного кандидата — любого кандидата — или принять участие в политической охоте за ведьмами»¹⁶⁸. Эффективность влияния в процессе коммуникации выявляется путем обратной связи, подчеркивающей двусторонний характер коммуникационного процесса.

Со временем, стало преобладать представление о политической коммуникации как о процессе обмена информацией. Так, например, Р.Ж. Шварценберг определяет политическую коммуникацию как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной

¹⁶⁶Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 169 с.

¹⁶⁷Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. L. Bryson. N.Y.: Harper and Brothers, 1948. P. 37-51.

¹⁶⁸Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 1948-1961. М.: Наука, 1983. 344 с.; С.242.

части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой. Идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях»¹⁶⁹.

Устойчивая коммуникация внутри политической системы — между отдельными ее институтами, а также между системой и ее средой, т. е. обществом — создает предпосылки неконфликтного взаимодействия всех сторон политического процесса: власти получают от общества информацию, необходимую для принятия решений, общество получает от власти информацию, разъясняющую необходимость принятия тех или иных решений. Разрыв коммуникации, отсутствие диалога порождает подозрительность и недоверие в отношениях власти и общества, а процесс принятия решений лишает необходимой для этого информационной базы.

В 60-х гг. XX века американский политолог К. Дойч в работе «Нервы управления. Модели политической коммуникации и контроля» (1963)¹⁷⁰ предложил теоретическую модель политической системы, основу которой, по аналогии с кибернетическими устройствами, составляли коммуникативные связи внутри системы и между системой и средой. Он исходил из представлений о политической системе, как о механизме и процессе управления и координации усилий по достижению поставленных целей. Таким образом, регулирование общественных отношений по существу представляло собой следствие регулирования со стороны государства информационных потоков и коммуникативного обмена внутри политической системы и вне её. Эффективность функционирования политической системы Дойч усматривал в пропускной способности каналов (количества информации в единицу времени) и четкости работы коммуникационных связей, основными параметрами которых являются быстрота, точность и объем передаваемой информации. Модель политической системы Дойча также подчеркивает важность обратной

¹⁶⁹Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. / пер. с фр. М.: Российская академия управления, 1992. Ч.1. С. 174.

¹⁷⁰ Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y.: TheFreePress, 1963. 316 p.

связи, которая, по сути, отвечает за реакцию системы на изменения и её упреждающую способность, то есть возможность видеть дальнейшую перспективу, исходя из предыдущих и актуальных состояний. Дойч полагал, что эти параметры дают четкие, эмпирически измеряемые критерии сравнения функционирования политических систем — без предвзятости и оценочных суждений: если информация циркулирует нормально, не фильтруется и не искажается — система стабильна и жизнеспособна; если же на пути информации существует множество искажающих и фильтрующих ее барьеров — система теряет свою устойчивость и рано или поздно подвергнется неизбежным изменениям.

Модель Дойча раскрывает информационно-коммуникационную сущность связей и отношений присутствующих в политической системе, и описывает политические процессы как процессы циркуляции информации. Данная модель раскрывает механизмы контроля и регулирования со стороны государства через информационные потоки и переработку «первичного сырья» общественного мнения, выраженного в виде случайных, хаотичных потоков информации, в «готовые продукты» официальной, упорядоченной информации, предоставляемой в виде политических решений.

Политическая коммуникация является, по сути, технологией (механизмом) поддержания политической стабильности, ибо именно она определяет дальнейшее состояние политической системы.

Подводя итог анализу «системных функций», можно сказать, что именно эти функции, через соответствующие механизмы и технологии, способствуют снижению числа и остроты политических конфликтов, повышению политической стабильности общества и стабильности политической системы, в частности.

Так, функция политической социализации — через механизм политического просвещения и воспитания с участием многочисленных агентов политической социализации, таких как государство, политические партии и движения, политические лидеры, группы интересов, СМИ, система образования

и пр., обеспечивает формирование лояльности граждан и легитимность существующего политического режима.

Политическое рекрутирование реализуется через сложную систему выборов и назначений, включающих избирательные технологии, технологии отбора кандидатов на политические и государственные посты. Политическое рекрутирование обеспечивает действие социальных лифтов, ту или иную степень открытости элиты и тем самым создает необходимые стимулы профессионального и карьерного роста для представителей молодого поколения. Возникает механизм, сочетающий естественное стремление к новаторству, свойственное новым поколениям, приходящим в политику, с преемственностью власти, предохраняющей общество и государство от ненужных потрясений.

Политическая коммуникация обеспечивает «диалог» участников политического процесса, позволяя решать проблемы и противоречия, возникающие между ними, на путях переговоров, а не конфронтации. Помимо всего прочего, именно благодаря политической коммуникации власти получают всю необходимую информацию для принятия политических решений. Наличие информации не гарантирует правильности решений, но создает для этого необходимые предпосылки. В противном случае решения будут приниматься «вслепую», а их правильность будет носить исключительно случайный характер. Технологический аспект политической коммуникации составляют независимые (от власти) СМИ, в том числе и так называемые «новые» медиа, пресс-службы государственных и политических органов, PR-агентства, дискуссионные интернет-площадки и пр., благодаря которым политические проблемы переносятся в пространство информационного взаимодействия.

Хотя указанные системные функции справедливы для любой политической системы, очевидно, что в разных системах они будут работать по-разному. Политическая стабильность сводится не только к фактическому осуществлению данных функций, но и к тому, как именно они реализованы.

Таким образом, политическая стабильность может быть описана в «компаративных категориях»¹⁷¹, предполагающих сравнение конкретных систем или режимов, в которых она осуществляется. Так, например, демократические системы видят основным механизмом передачи власти – выборы, а недемократические – наследование (правопреемственность в том или ином виде), в демократических системах не существует искусственных препятствий для распространения информации, в то время как в недемократических информированность граждан, как правило, ниже. Причина подобных различий в реализации системных функций, и, как следствие, в достижении и поддержании политической стабильности, лежит в ее социокультурной детерминации, о чем говорилось выше. Институциональная схожесть с одной стороны, и различия в функционировании схожих структур — с другой, указывает на роль социокультурных факторов обеспечения политической стабильности.

Социокультурная определенность (принадлежность) политических акторов и общественности проецируется на структуру организации власти, в которой выражено соответствие между политическим режимом и реальными настроениями, установками и ценностями общества, что в итоге способствует интеграции власти и общества, общественной мобилизации и активности. Иными словами, если политическая культура (культура общества в целом) соответствует сложившемуся типу политического режима — система будет стабильна, если такого соответствия не наблюдается, то естественным следствием этого станет хаос и нестабильность. Таким образом, данное соответствие, безусловно, заложено в поддержание стабильности, даже когда установки на те или иные политические решения, на первый взгляд, не поддаются рациональному толкованию, но объясняются с позиции господствующей политической культуры.

¹⁷¹Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис, 1998. № 1. С.156.

Компаративный подход позволяет дифференцировать общества по уровню их политической стабильности. Очевидно, что абсолютно стабильных, так же как и абсолютно нестабильных обществ не существует — это своего рода «идеальные типы»: реальные общества представляют собой ту или иную степень отклонения от этих «идеалов». Поэтому мы вправе говорить лишь об относительной — большей или меньшей — политической стабильности реальных обществ. А эту относительную стабильность мы можем дифференцировать в зависимости от наличия и работоспособности механизмов выполнения названных функций.

Если политическая система располагает механизмами, позволяющими эффективно выполнять все три функции — политической социализации, политического рекрутирования и политической коммуникации — то мы вправе считать такую систему стабильной. Если же наблюдается частичное выполнение этих функций или же выполнение только некоторых из перечисленных, то такие системы можно считать условно стабильными или нестабильными.

Так, на наш взгляд, к двум последним типам систем могут быть отнесены те, которые в классификации С. Хантингтона получили название «расколотых» и «разорванных». «Расколотыми» американский ученый называет страны, «в которых проживают значительные группы людей из разных цивилизаций»¹⁷². В качестве примеров американский ученый называет Судан с мусульманским севером и христианским югом, Филиппины, Нигерию и Кению с христианско-мусульманским населением и др. Сегодня ярким примером расколотой страны стала Украина, где восток и запад разделяют языковые и религиозные вопросы, а также геополитические ориентации. Нам представляется, что раскол внутри страны может объясняться не только объективными причинами культурно-цивилизационного характера, но и субъективным фактором, а именно недостаточным вниманием общества и власти к осуществлению функции

¹⁷²Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: изд-во «АСТ», 2003. 603 с.; С. 186.

политической социализации и социализации вообще. Создание эффективного механизма политической социализации могло бы стать сильным сдерживающим фактором, снимающим остроту «раскола» и стабилизирующим общество.

«Разорванная» страна, по классификации американского ученого, «имеет у себя одну господствующую культуру, которая соотносит ее с одной цивилизацией, но ее лидеры стремятся к другой цивилизации»¹⁷³. Как правило, речь идет о стремлении влиться в ряды западной цивилизации. Цивилизационная разновекторность, свойственная «разорванным» странам — признак отрыва элиты от основной массы населения. Такой отрыв свидетельствует о сбоях в работе, либо полном отсутствии механизма политического рекрутирования и политической коммуникации. В качестве примера С. Хантингтон приводит Мексику, Турцию и Россию. Отнесение России к «разорванным» странам — вопрос дискуссионный, не дающий никаких оснований для столь однозначного толкования. Дискуссия о цивилизационной принадлежности сопровождал всю русскую историю, а в XIX веке получил свое выражение в полемике западников и славянофилов. Действительно, со времен Петра Великого западный вектор был доминирующим во внешней политике российского правящего класса, но шел ли он в противоречии в цивилизационными основами русского общества? В.О. Ключевский писал о России как о стране-посреднице между двумя мирами: «Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии...»¹⁷⁴. В этих словах содержится попытка примирить два противостоящих друг другу идейных лагеря, которые по-прежнему пытаются дать однозначную оценку российской культурно-цивилизационной принадлежности.

Что касается стабильных государств, то их рейтинги ежегодно составляет американская неправительственная организация Фонд Мира (The Fund for

¹⁷³Там же. С. 209.

¹⁷⁴Ключевский В.О. Курс русской истории / Сочинения. В 9 т. Т.1. М.: Мысль, 1987. С.65

Peace). Критерии оценки стабильности/нестабильности обществ, используемые этой организацией, основаны на системе оценки их конфликтности. Факторы потенциальной конфликтности лишь частично совпадают с теми критериями, которые используются в настоящей работе — степень авторитета элит, уровень экономического развития, социальная защита, политические и гражданские права и др. Тем не менее, большинство из них предполагают наличие таких механизмов стабилизации как политическая социализация, политическое рекрутирование, политическая коммуникация. В соответствии с рейтингом, наиболее стабильными в современном мире являются (назовем первую десятку в порядке убывания за 2019 год): Финляндия, Норвегия, Швейцария, Дания, Австралия, Исландия, Канада, Новая Зеландия, Швеция, Люксембург¹⁷⁵. Нетрудно заметить, что все названные страны отличает неизменность политического строя, высокий уровень социальной защиты, высокий уровень доходов на душу населения (особенно в Люксембурге), для многих характерна отлаженная работа социальных лифтов, основанная на бесплатном или доступном образовании (Дания, Исландия, Швеция, Финляндия). Что касается России, то она находится в середине рейтинга, занимая 106-е место. Мы далеки от мысли полностью доверять подобным рейтингам и некритически относиться к методологии их составления. В то же время понятно, что в нашей стране существуют нерешенные проблемы, связанные с обеспечением и поддержанием политической стабильности, некоторым из которых будет посвящена заключительная глава.

Завершая анализ механизмов обеспечения политической стабильности, следует отметить, что мы главное внимание сосредоточили на собственно политических механизмах, основанных на функциях политической системы и «настроенных» на снижение уровня конфликтности общества. В политической науке, со времен опубликования работы С. Липсета «Политический человек.

¹⁷⁵The Fund for Peace [Электронный ресурс]. URL.: <https://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2019/04/9511904-fragilestatesindex.pdf> (дата обращения 12.10.2020)

Социальные основы политики» (1960), утвердился подход, связывающий политическую стабильность с экономическим развитием. Однако, приведенный выше рейтинг стабильных стран показывает, что в нем отнюдь не экономические гиганты, вносящие заметный вклад в мировой ВВП, а если сравнить его с рейтингом стран с наибольшим уровнем доходов на душу населения¹⁷⁶, то увидим, что эти рейтинги не совпадают – есть страны, где доходы населения выше, а уровень стабильности ниже – Бахрейн, Бруней, Катар, ОАЭ и др. Проблема, по всей видимости, состоит не столько в экономической мощи и не в усредненных показателях доходов, а в том, как доходы распределяются – чем больше разрыв, тем выше уровень конфликтности и нестабильности: более «бедные» страны могут демонстрировать более высокий уровень стабильности в случае, если существующее расслоение не воспринимается населением как несправедливое. Опосредованность связи политической стабильности с уровнем экономического развития дала нам основание сосредоточиться преимущественно на политических факторах ее осуществления.

Подводя итоги исследованию, проведенному во второй главе, следует сделать некоторые выводы.

Во-первых, большими эвристическими возможностями в решении задач определения параметров и стратегии достижения политической стабильности обладает конфликтологический подход.

Проблема социальных и политических конфликтов, подрывающих стабильность общества, всегда стояла в центре внимания политологов и конфликтологов, которые пытались найти способы прогнозирования конфликтов, их предупреждения, разрешения и минимизации негативных последствий уже случившегося конфликта. По мнению автора, именно конфликтологический подход к проблеме обеспечения политической стабильности может дать необходимый инструментарий для ее решения.

¹⁷⁶ Всемирный банк: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL.: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 15.08.2020).

Социальный конфликт — нормальное и естественное состояние общества, вместе с тем, стремление к снижению напряженности подобного конфликта (деэскалации) способствует как институциональной стабильности, так и стабильности общественной.

Во-вторых, в возникшем конфликте несовместимость целей и интересов сторон зачастую носит мнимый характер: сторонам только кажется, что их цели и интересы несовместимы, в действительности многие конфликтные ситуации обладают высоким «интегративным потенциалом», позволяющим объединить и примирить интересы сторон. Осознание сторонами конфликта самой возможности нахождения интегративного решения может привести к изменению их поведенческой стратегии в конфликте: она будет нацелена не на усиление конфронтации, а на ее снижение и на поиск компромисса, договоренности и консенсуса. В контексте проблемы обеспечения политической стабильности такая конфликтная стратегия представляется наиболее рациональной.

В-третьих, механизмы снижения уровня конфликтности и обеспечения политической стабильности должны быть связаны с реализацией тех функций политической системы, от которых зависит ее существование и воспроизводство. В качестве таких функций выступают политическая социализация, политическое рекрутирование и политическая коммуникация. Используя механизмы политической социализации политическая система «привязывает» к себе индивида, формирует его в духе лояльности и, тем самым, обеспечивает свое воспроизводство и свою легитимность. Посредством политического рекрутирования обеспечивается открытость элиты, представительство во власти интересов различных социальных групп, высокая политическая компетентность должностных лиц — неперенные атрибуты стабильной политической системы. Наконец, политическая коммуникация внутри политической системы (между отдельными ее институтами), а также между системой и ее средой, т. е. обществом — создает предпосылки неконфликтного взаимодействия всех сторон политического процесса: власти

получают от общества информацию, необходимую для принятия решений, общество получает от власти информацию, разъясняющую необходимость принятия тех или иных решений.

Глава 3. Роль и значение информационной безопасности российского общества в обеспечении политической стабильности в Российской Федерации

3.1 Модель угроз политической стабильности российского общества

В предыдущей главе мы связывали обеспечение политической стабильности со снижением уровня напряженности в обществе и предотвращением политических конфликтов. А в случае возникновения таких конфликтов — с предотвращением их последующей эскалации. Ключевую роль в решении этой задачи, на наш взгляд, должна обеспечить способность политической системы выполнять так называемые «системные функции», выделяемые в функционалистской модели политической системы Г. Алмонда и обеспечивающие существование и воспроизводство самой этой политической системы. Совокупность этих функций можно считать основой для формирования теоретической модели политической стабильности, с помощью которой возникает возможность оценить реальное состояние общества с точки зрения его стабильности/нестабильности.

Это означает, что модель *угроз* политической стабильности общества может быть представлена как своего рода «амальгама», зеркальное отражение модели его политической стабильности. Очевидно, что модель стабильности, как и модель угроз, не могут быть жестко связаны только с перечисленными функциями: на политическую стабильность/нестабильность оказывают влияние и неполитические факторы: экономические, культурные, информационные и иные.

Попытаемся выстроить модель угроз политической стабильности российского общества с учетом этих факторов.

Говоря об основных угрозах политической стабильности российского общества, мы можем условно разделить их на внутренние и внешние. Внутренние проблематизируют формирование политической модели, отвечающей общественным потребностям и указывающей на вектор

дальнейшего развития российского общества, основанный на его реальных интересах и требованиях. Внешние угрозы носят комплексный характер, включая в себя проблемы военного, экономического и информационного характера.

Разделение угроз на внешние и внутренние имеет длительную историю. Примечательно, что в советское время безопасность было принято связывать с защитой государства преимущественно от внешних угроз, а в принятом в 1992 году законе «О безопасности» в перечне угроз на первом месте упоминались уже угрозы внутренние. Такая перемена объяснялась соображениями идеологического характера, поскольку бывшие внешние враги воспринимались идеологами молодой российской демократии уже как друзья, а опасность для нее представляли сторонники реставрации советского строя. Но было и более рациональное объяснение, апеллирующее к диалектической максиме, согласно которой именно внутренние противоречия и их разрешение, в первую очередь, являются источником развития любого явления. Поэтому, описывая модель угроз политической стабильности российского общества, мы начнем с угроз внутренних.

Рассматривая обеспечение политической стабильности как одну из приоритетных задач внутренней политики, можно утверждать, что за прошедшие без малого три десятилетия в России произошли существенные изменения, очевидно повлиявшие на политическую стабильность внутри страны.

Так, по данным Росстата, такие социально-экономические показатели, как рост заработных плат, реально располагаемые денежные доходы населения, продолжительность жизни, размер пенсий и др. на временном отрезке, составляющем последние 20 лет, существенно выросли¹⁷⁷. Положительная динамика в социальной и экономической сфере подмечена и в западных

¹⁷⁷Российская Федерация в цифрах. 2019: Краткий стат. сб. М.: Респ. информ. изд. центр, 1993-2019. 549 с.

источниках, в частности, в данных Всемирного банка¹⁷⁸. Экономические показатели прямо или косвенно повлияли на решение таких задач как увеличение ожидаемой продолжительности жизни, улучшение качества жизни, защищенность прав граждан, уровень безработицы, уровень инфляции, безопасность границ и т.д., которые указаны основополагающими в доктрине национальной безопасности Российской Федерации.

Начало XXI столетия отмечено и существенными, по сравнению с 90-ми годами XX века, сдвигами в политической сфере общественной жизни. Нынешняя политическая ситуация в стране характеризуется отсутствием, во всяком случае, на первый взгляд, острых внутренних конфликтов, способных изменить сложившийся политический режим. Основные политические силы институционализировались в системе политических партий, стабилизирующих политическую систему. Радикальные оппозиционные силы вытеснены на периферию политической жизни страны, а агрессивные формы политического участия граждан довольно редки — в отличие от Франции, отметившей в ноябре 2019 г. первую годовщину акции протеста «желтых жилетов»¹⁷⁹, приостановленные из-за коронавируса и начавшиеся снова после снятия карантинных ограничений. Несмотря на зафиксированный рост протестной активности последнего времени, отмеченный в материалах мониторинговых исследований Центра Сулакшина¹⁸⁰, отношение россиян к высшему политическому руководству демонстрирует относительное постоянство, согласно данным ВЦИОМ¹⁸¹. Таким образом, в обществе на данный момент, отсутствует видимая причина для возбуждения радикальных экстремистских

¹⁷⁸Russian Federation from The World Bank: Data [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/country/russianfederation?locale=ru> (дата обращения 30.03.2020).

¹⁷⁹Годовщину акций «желтых жилетов» отметили новыми столкновениями [Электронный ресурс] // BBCNews: Русская служба. URL.:<https://www.bbc.com/russian/news-50447298> (дата обращения: 04.02.2020); Протестное движение «желтых жилетов» во Франции [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL.: <https://ria.ru/20191117/1560974030.html> (дата обращения: 04.02.2020).

¹⁸⁰Рост протестной активности в России. Результаты всероссийского мониторинга 2017—2018 гг. // Центр Сулакшина [Электронный ресурс]. URL.:<http://rusrand.ru/analytics/rost-protestnoy-aktivnosti-v-rossii-rezultaty-vserossiyskogo-monitoringa-20172018-gg>(дата обращения: 04.02.2020).

¹⁸¹Доверие политикам [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: Официальный сайт. URL.:<https://wciom.ru/index.php?id=170>(дата обращения: 04.02.2020).

настроений, насильственного свержения действующей власти со всеми вытекающими последствиями.

И все же, по нашему мнению, нынешняя Россия все ещё находится в состоянии политического транзита, что подтверждается принятыми в 2020 г. поправками к Конституции РФ. Сформированные политические институты и процедуры (возьмем, к примеру, разделение властей) едва ли отражают реальное распределение ролей на политической сцене, а предназначение тех или иных политических лиц или структур не всегда понятно простому человеку. Отсутствие понимания «институционального дизайна» российского государства приводит к дезориентации и абсентеизму. Формально присутствующие механизмы общественного контроля, выраженные законодательно¹⁸², в действительности не повышают участие граждан в политической жизни и не способствуют открытости политики. Скорее наоборот, традиционный этатизм, преобладающий в сфере политического контроля и управления, способствует становлению вертикальной системы, при которой социальные преобразования происходят сверху, а инициатором реформ и изменений является само государство. Возникает очевидное противоречие между демократическими институтами, заимствованными из западных моделей политических систем, и реальными властными механизмами, исторические корни которых обнаруживаются в авторитарных традициях русской государственности. Более того, сами представления о западной политической системе с её демократическими институтами и процедурами, либо смутны, либо существенно искажены в сознании граждан. Такие противоречия ведут к нарушению взаимосвязи между реальными потребностями населения и целями и задачами, которые ставит государство. Сочетание авторитарного типа управления и демократических институтов чревато тем, что суть политической стабильности может сводиться к усилиям

¹⁸²Об основах общественного контроля в Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос.Думой 21 июля 2014 г.: по состоянию на 27 декабря 2018 г.]. [Электронный ресурс] Режим доступа:URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения 15.10.2020)

политических элит сохранить любой ценой сложившуюся политическую картину и своё положение, а участие граждан ограничится только лишь электоральными циклами. Гражданские же инициативы и методы воздействия на власть, за неприятием существующих процедур и за неимением иных, как правило, носят конфликтный характер, что существенно осложняет диалог между властью и оппозицией.

На реальное распределение политических ролей в российском обществе оказывает влияние феномен политического лидерства. Институциональная неразвитость порождает персонификацию политики — личности доверяют больше, чем институтам. Действительно, политические фигуры, обладающие авторитетом у населения, имеют влияние значительно большее, чем их формальное положение в политической структуре. Таким образом, консолидация политических элит вокруг национального лидера, имеющего авторитет у населения, становится основой политической стабильности российского общества. Возникает вопрос — насколько устойчива эта основа?

В соответствии с канонами западных политологических школ, а также согласно приведенным ранее моделям политических систем, персонифицированный вариант политической стабильности менее надежен, чем институциональный — отсутствие разветвленной системы политических институтов, обладающих определенной автономностью, и персонификация власти снижают мобильность политической системы, её способность к адаптации и, как следствие, возможность оперативного реагирования на поступающие вызовы.

Существует и противоположная точка зрения, утверждающая необходимость и большую функциональность сильного политического лидерства. В частности, А.В. Фирсов утверждает, что при таком лидерстве «процесс выработки и принятия политических решений не требует долгих согласований с множеством оппонентов или оппозицией»¹⁸³. В этом причина

¹⁸³Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02. М., 2017. С.68.

высокой устойчивости авторитарных систем перед «цветными революциями» и другими формами протестной активности.

Действительно, исторический опыт подтверждает, что в ситуациях, когда общество попадает в тяжелые, экстремальные условия своего существования (война, кризисы, стихийные бедствия и пр.), происходит естественная авторитаризация режима. Однако, по нашему мнению, высказанная выше позиция неоднозначна по ряду причин.

Во-первых, гражданская политическая активность в большинстве случаев является реакцией на действия авторитарных властей. Что касается силовых методов подавления протестной активности, то, как говорилось в предыдущей главе, необходимость применения силовых методов свидетельствует о нарушении функционирования политической системы, а стало быть, о снижении политической стабильности общества. «Стабильность», поддерживаемая исключительно силовыми методами говорит о полном разрыве обратных связей между властными элитами и обществом.

Во-вторых, одно лицо или ограниченный круг лиц не могут принимать решения по *всем* возникающим угрозам и вызовам в *реальном времени* и, как следствие, для оперативного реагирования требуется разветвленная структура специализированных институтов, обладающих определенными полномочиями и степенью автономизации.

Таким образом, у персоналистского подхода есть пределы возможностей, а сам такой подход не может компенсировать политическую стабильность институционального характера, качественные изменения в организации и функционировании политической системы. На это обращал внимание и Президент РФ В.В. Путин, выступая в Государственной Думе при обсуждении поправок к Конституции РФ 10 марта 2020 г. Он отмечал, что в будущем высшая власть в России не будет «так персонифицирована, не будет связана с каким-то одним человеком конкретным. Но вся наша предыдущая история складывалась именно таким образом, и, конечно, мы не можем этого не

учитывать»¹⁸⁴. Возникает, однако, вопрос о том, как долго придется учитывать это наследие «предыдущей истории», и какова роль общества в изменении этой исторической традиции?

Сложившийся порядок, где легитимность власти обеспечивается не системой институтов государственного управления, а потребностью населения в сильном политическом лидере, отождествляемом с самим государством, очевидно, имеет свои предпосылки и кроется в социокультурных факторах российской истории. Проблема, однако, заключается не столько в самой модели стабильности, основанной на имидже «сильного» лидера, ибо легитимность и авторитет высшего политического руководства, безусловно, важны, сколько в том, что эта модель стабильности не требует каких-либо политических преобразований, а стало быть, не способствует «естественному» политическому развитию и эволюции. Политической элите или отдельным политическим лидерам, при данной модели, в сущности, нет необходимости самостоятельно запускать механизмы сменяемости и преобразований, а отсутствие институциональных механизмов такой сменяемости способствует тому, что политическая элита, укрепив свои властные позиции, едва ли откажется от власти самостоятельно. Таким образом, функция политической системы, предполагающая реализацию общественных требований, вырождается в механизмы удержания власти как можно дольше, в то время как отпадает надобность в эффективном развитии ради общественных интересов. Данная ситуация ведет не к стабильности, а стагнации политической системы.

Установившееся противоречие между реальной политической практикой и формально присутствующими структурами, справедливо названное «авторитарной системой под вывеской демократии»¹⁸⁵ приводит к рассогласованности между общественными требованиями и ожиданиями, с одной стороны, и функционированием политической системы, с другой. Такое

¹⁸⁴Пленарное заседание Государственной Думы. 10 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62964> (дата обращения 13.10.2020)

¹⁸⁵Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02. М., 2017. С.40.

несоответствие формы и содержания является прямой угрозой политической стабильности, поскольку скрывает реальные политические механизмы, а формально присутствующие механизмы участия граждан в политических решениях не приводят к результату. Сформировавшийся в России политический порядок в значительно большей степени ориентирован на политическое представительство элитарных кругов, реализующих свои частные потребности через политику, нежели на представительство интересов граждан в политических кругах.

Поэтому и укрепление политической стабильности в современной России предстает в виде укрепления властных позиций правящей элиты, несменяемости власти и отсутствии позитивных политических преобразований. Существующие партии, формально выражающие интересы различных гражданских групп и, в зависимости от идеологической направленности, определяющие цели государственной политики, в действительности представляют интересы государственной бюрократии. Если общество не располагает эффективными механизмами контроля бюрократии, последняя начинает развиваться по своей собственной логике, используя властные механизмы не для расширения взаимосвязи «государство-общество», а для своего воспроизводства и самосохранения. Такая модель стабильности не способствует интеграции общества, а лишь увеличивает сформировавшийся социальный разрыв. Кроме того, искаженная система представительства общественных интересов в политическом пространстве исключает формирование в обществе политических альтернатив, способных конкурировать. Сформировавшаяся стабильность, основанная на единой политической элите, неизменной и несменяемой, носит мнимый характер и противоречит целям развития и демократизации. Р.-Ж. Шварценберг писал в «Политической социологии», что демократия и разделение властей — не более чем иллюзия, если они не опираются на плюрализм элит. Демократические принципы должны быть внедрены в соответствующую социальную реальность, которая служит им основой. И наоборот, невозможно достичь эффективного

разделения властей в государстве, если общество «управляется одним компактным и плотно спаянным руководящим классом»¹⁸⁶.

В данном типе стабильности, основанном на монополии спаянной, внутренне интегрированной элиты, трудно увидеть институциональные или неинституциональные способы самообновления политической системы и её переориентации на национальные нужды. Стихийно вспыхивающая массовая активность не только жестко подавляется, но и, в сущности, указывает на низкий уровень самоорганизации гражданского общества, а активность политических маргиналов едва ли способна оказать существенное влияние на властную организацию. Таким образом, сложившаяся модель политической стабильности может опираться исключительно на социокультурную особенность российского общества и его исторически сложившееся свойство персонификации власти, где любая политическая фигура воспринимается как личность, а не как функция. Однако, без социальных преобразований и механизмов реального представительства общественных интересов в политических программах, такая стабильность носит лишь временный характер.

На наш взгляд, концентрация власти в одних руках может быть полезна и способствует быстрому реагированию в чрезвычайных и форс-мажорных обстоятельствах; политическая же стабильность, как процесс, рассчитанный на перспективу, требует расширения взаимодействия элитарных и неэлитарных слоев и их интеграции.

Таким образом, минимальное участие граждан в политике государства является одной из существенных потенциальных угроз политической стабильности, а отсутствие информационной поддержки и политического просвещения населения, ведущее к отрыву реальной политической практики от законодательно закрепленных процедур, усиливает складывающуюся тенденцию.

¹⁸⁶Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. Ч. II. М.: Российская академия управления, 1992. С. 136.

По мнению автора, подобный характер политической организации России связан с тем, что Россия все ещё находится на этапе политической трансформации. На это указывает установление демократических институтов политической системы, с одной стороны, и формирование при этом модели авторитарного политического режима – с другой, а политическая система не обеспечивает полноценной коммуникации «власть – общество».

Сказанное выше дает нам основание сделать вывод о недостаточности проявления двух системных функций, обеспечивающих стабильность и воспроизводство политической системы — политического рекрутирования и политической коммуникации. Недостаточность проявления политического рекрутирования приводит к концентрации и монополизации власти, а также к возникновению искусственных барьеров на пути оппозиции к власти («муниципальный фильтр»). Учитывая слабость и разобщенность оппозиционных политических сил, эти барьеры представляются избыточными. Неустойчивость политической коммуникации приводит к нарушению взаимосвязи между реальными потребностями населения и целями и задачами, которые ставит государство — в результате правящая элита и большая часть общества ведут своего рода «параллельное сосуществование».

Третья системная функция — политическая социализация — на первый взгляд, реализуется значительно лучше, чем предыдущие две. В руках государства находится мощный пропагандистский аппарат в виде федеральных и региональных СМИ, настроенный на формирование политической лояльности к существующей политической системе и лицам, ее представляющим. Однако и здесь есть серьезные проблемы, создающие потенциальную угрозу политической стабильности.

Во-первых, государство недостаточно использует в своей коммуникации с обществом современные медийные инструменты социализации — основные интернет-площадки активно контролируются силами, не отличающимися лояльностью к политической системе и политическому руководству. Нельзя сказать, что эта проблема не осознается властью и представителями

государственных СМИ, но ее решение требует значительно большей активности.

Во-вторых, отказавшись от идеологии «коммунизма», десятилетиями являвшейся идейным фундаментом общественно-политической жизни, Россия не смогла за прошедшее время сформулировать и сформировать новых базовых принципов, определяющих как характер нынешнего этапа, так и перспективные цели развития. Иными словами, для современной России остается открытым вопрос, какой тип политической организации она представляет, и в каком направлении развивается. Проблема общественного идеала имеет глубокие традиции в русской религиозной и социальной философии. Сформулировать «русскую идею» пытались мыслители рубежа XIX-XX веков и более позднего времени (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др.). Поиски «русской идеи» были продолжены и в 90-е гг. XX столетия. Согласно высказыванию президента России В.В. Путина, сделанному еще в 2016 году, у России «нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»¹⁸⁷, при этом он подчеркнул, что идея патриотизма не связана с какой-либо идеологией или партией. Действительно, многопартийная система, периодические выборы на альтернативной основе, открытая экономика и прочие атрибуты демократического политического режима предполагают отсутствие официальной догмы, ограничивающей набор политических альтернатив и решений. С другой стороны, как уже было сказано, реальные механизмы функционирования власти сильно отличаются от своей внешней, институциональной формы, а стабилизация осуществляется за счет поддержания авторитета отдельных политических персон у населения и склонной к авторитаризму модели функционирования и воспроизводства власти. Такая модель, как правило, предполагает наличие официальной политической идеологии, выражающей национальную идею и дух (нации).

¹⁸⁷Путин назвал патриотизм национальной идеей [Электронный ресурс] // Российская газета. 03.02.2016.URL.:<https://rg.ru/2016/02/03/vladimir-putin-nazval-patriotizm-nacionalnoj-ideej.html> (дата обращения: 14.08.2019).

Отсутствие таковой для сложившегося в России политического режима указывает на то, что современная Россия, на данный момент, не может осуществить синтез традиционно принятых в обществе механизмов государственного устройства и современных представлений о правовом, демократическом государстве с развитыми гражданскими институтами и механизмами общественного контроля. Кроме того, в современных российских условиях отсутствие официальной идеологии может иметь еще один эффект, указывающий не столько на демократизацию, сколько на потенциальную и реальную вседозволенность, поскольку не привязывает те или иные реформы к конкретной идеологической концепции, внутри которой невозможно объяснить людям суть принимаемых решений.

Таким образом, указанные выше противоречия номинальных и реальных механизмов властного функционирования, а также следствия, вытекающие из этих противоречий, обозначают внутренние угрозы политической стабильности в России. Сама политическая стабильность российского общества, на сегодняшний момент основана, по мнению автора, в первую очередь на чувстве доверия граждан к руководству страны, и будет поддерживаться до тех пор, пока это чувство будет сохраняться.

Помимо внутренних проблем потенциальным источником угроз для Российской Федерации являются внешние воздействия других государств. Такие воздействия, по нашему мнению, носят естественный характер: любая страна, в процессе взаимодействия с другими государствами, так или иначе будет вынуждена испытывать их позитивное или негативное влияние, открытым остается только вопрос последствий. Современная Россия является одним из ключевых игроков на международной арене и обладает влиянием в решении международных вопросов. Будучи правопреемницей Советского Союза, Россия обладает рядом привилегий: она постоянный член Совета безопасности ООН с правом вето, Россия единственная ядерная держава на постсоветском пространстве.

Укрепление положения России в мире влияет и на внешнюю политику государства. Россия заняла активную позицию в разрешении кризиса на южном Кавказе в 2008 году, способствовала сохранению законной власти в Сирии в ходе начавшейся «арабской весны», принимает активное участие в борьбе с международным терроризмом. Кроме того, Россия способствует урегулированию внутреннего конфликта на Украине (наряду с Францией и Германией) в рамках Нормандского формата, а также приняла активное участие в «иранской сделке». Россия налаживает международные связи в таких соглашениях как ШОС, БРИКС. По данным авторитетного информационно-аналитического портала Business Insider, составившего рейтинг из 25 сильнейших армий мира, Россия восстановила свой военный потенциал и располагает второй (после США) по своей мощи и вооружениям армией мира¹⁸⁸. При составлении рейтинга учитывалось число военнослужащих, численность и разнообразие вооружений, а также размеры военного бюджета.

Вовлеченность России в урегулирование международных конфликтов существенно осложнило ее отношения с рядом западных держав во главе с США. Причина тому очевидна: международная политика США строится на праве сильного, отношение же к России выражается, как отношение к державе, проигравшей в «холодной войне» и не имеющей право на своё мнение и независимую политику. Естественно, это противоречит национальным интересам России.

Подобное отношение к России, как к геополитическому конкуренту (но не к прямому врагу, ибо в определённых исторических ситуациях Россия и США выступали союзниками) возникло не только по причине конкретных событий, произошедших уже в XXI веке. У него длительная предыстория, получившая свое отражение еще в XIX веке в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869). Враждебное отношение западного мира к России

¹⁸⁸These are the 25 most powerful militaries in the world in 2018[Электронный ресурс] // BusinessInsider.22.11.2018.URL: <https://www.businessinsider.com/most-powerful-militaries-in-the-world-ranked-2018-11#1-united-states-25> (дата обращения: 1.05.2019).

показал в своем творчестве А.А. Зиновьев, утверждавший, что Запад боролся с царизмом, самодержавием и коммунизмом, «но объект уничтожения всегда был один – русский народ»¹⁸⁹. Данное высказывание, по нашему мнению, удачно отражает именно цивилизационное противостояние России и Запада, а не ситуативное столкновение интересов. Так, в начале XX века, произошедшая в России Февральская революция, положившая конец царизму, была встречена на западе с энтузиазмом, поскольку и Соединённые Штаты и Великобритания видели за ней неизбежный распад Российской империи. В середине XX века, в знаменитой Фултонской речи Уинстон Черчилль заявил о «братской ассоциации англоговорящих народов», имея в виду отношения США и Великобритании. При этом Черчилль указал на противостоящие такому союзу тирании, где «власть государства осуществляется без ограничения диктаторами»¹⁹⁰. Одним из таких государств, по Черчиллю, является коммунистическая Россия.

Критические заявления западных политиков в адрес России лишь частично связаны с тем, какой именно политический режим сформирован в самой России. Именно исторически сложившееся противостояние западного, в первую очередь англо-саксонского, мира и России является ключевым фактором западной внешней политики, направленной на ее дестабилизацию.

Одним из способов давления на Россию является продолжающееся расширение НАТО на Восток. Только в нынешнем столетии, начиная с 2004 г., в состав НАТО вошли 11 стран. Последнее расширение НАТО произошло 27 марта 2020 г., когда в состав альянса была включена Республика Северная Македония. Увеличилось число проводимых крупномасштабных военных учений НАТО вблизи российских границ, при этом поводами подобных мероприятий, как правило, объявляются именно действия России. Другим негативным проявлением отношения к России со стороны западных стран

¹⁸⁹Зиновьев А.А. Планируемая история: Запад. Посткоммунистическая Россия. Гибель русского коммунизма. М.: изд-во «АСТ», 2009. 544 с.; С.111.

¹⁹⁰Фултонская речь Черчилля. Текст. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php> (дата обращения: 20.01.2019).

является установление недружественных режимов в ходе цветных революций в странах бывшего СССР, расположенных рядом или имеющих границу с Россией. Примерами служат Грузия и Украина, где при пособничестве Запада к власти пришли политические силы, выражающие радикальные антироссийские настроения. При этом западное сообщество обвиняет Россию и её политическое руководство во всех случаях обострения отношений с соседними странами. Существенно сократились дипломатические представительства России в странах Запада, многие дипломаты были высланы, а против ряда политических фигур России введены санкции и запрет на въезд. Наконец, Россия была исключена из G8, а сам формат участия был сокращён до G7. Запад, таким образом, стремится к политической изоляции России. Однако, по нашему мнению, такая политика лишь указывает на отсутствие у Запада осмысленной стратегии и четкого понимания своего отношения к России, ибо настаивая на необходимости разрешения кризиса в отношениях, с одной стороны, и сужая при этом каналы взаимосвязи, с другой, Запад скорее заводит ситуацию в тупик, нежели способствует ее разрешению.

Можно с уверенностью сказать, что современная Россия выработала по отношению к этим многочисленным акциям «иммунитет». Учения армий НАТО у границ РФ носят, по большей части, демонстративный характер и не представляют прямой военной угрозы. При этом Россия быстро восстанавливает свой военный потенциал, имеет ядерный паритет, располагает уникальными видами вооружения и ведет перспективные разработки. Переформатирование G8 в G7 также не выглядят серьёзной угрозой. Как справедливо отмечал пресс-секретарь президента России В.В. Путина Д. Песков, в современной непростой и быстро меняющейся политической и экономической обстановке разрешение глобальных вопросов в формате «Большой семерки» просто невозможно, поэтому возрастает «актуальность таких форматов, как «Большая двадцатка», где Россия принимает активное

участие».¹⁹¹ Предпринимаемые Западом шаги, по нашему мнению, направлены скорее на поддержание общего антироссийского информационного фона, нежели выступают угрозой развязывания прямого военно-политического конфликта.

Сегодня основными направлениями конфронтационной политики Запада в отношении России, являются экономика и информационная сфера.

Внешние угрозы экономического характера связаны со степенью зависимости национальной экономики от мировой экономики. Чем выше такая зависимость, тем больше вероятность негативного влияния мировой экономической конъюнктуры на внутренний рынок и на развитие национальной экономики (сказанное не означает пропаганды экономической автаркии, губительные последствия которой превышают возможные опасности участия в мировом разделении труда). Это влияние может проявляться в разных формах, для России наиболее чувствительными из них являются: колебание мировых цен на энергоносители и промышленные товары (из-за сохраняющейся по-прежнему деформированности структуры российской экономики в направлении ее топливно-сырьевой составляющей), колебания курсов валют, чрезмерная импортная зависимость (особенно в сфере технологий и телекоммуникаций).

Названные факторы составляют внешний «естественный фон» развития российской экономики. К нему добавляется целый ряд целенаправленных внешних экономических воздействий негативного характера. Так, с 2014 г. западные страны (и примкнувшие к ним Япония, Грузия и Украина) поэтапно вводят экономические санкции против российских компаний. Тем не менее, российская экономика смогла адаптироваться к условиям санкций, а в области сельского хозяйства — воспользоваться ими в целях развития собственного

¹⁹¹Песков: актуальность G8 для РФ снижается в новой политической и экономической обстановке [Электронный ресурс]. URL.: <https://tass.ru/politika/5260439>(дата обращения. - 10.04.2020); В Кремле заявили об отсутствии цели вернуться к формату G8 [Электронный ресурс] // Известия. 22.08.2019. URL.: [https://iz.ru/913029/2019-08-22/v-kremle-zaiavili-ob-otsutstvii-tceli-vernutsia-k-formatu-g8](https://iz.ru/913029/2019-08-22/v-kremle-zaiavili-ob-otsutstvii-tseli-vernutsia-k-formatu-g8) (дата обращения. - 10.04.2020).

производства и вытеснения зарубежных производителей с внутреннего рынка. Следует отметить, что ограничение взаимодействия российских и иностранных компаний носит обоюдный характер и вредит не только российской экономике, но и экономике тех стран, которые эти санкции вводили, а также глобальной экономике и финансовой стабильности в целом.

Дополнительную остроту экономическим угрозам в минувшем и нынешнем году добавили угрозы природно-биологического характера, а именно пандемия коронавируса COVID-19. Экономические последствия угрозы труднопредсказуемы — достаточно отметить, что в течение всего 2020-го года Минэкономразвития неоднократно менял сценарные прогнозы социально-экономического развития РФ на период 2020-2022 гг.

Необходимость корректировок прогнозных данных объясняется целым рядом обстоятельств экономического и неэкономического характера, возникших в начале весны текущего года: выходом России из нефтяной сделки ОПЕК+ и падением цен на нефть, случившемся в начале марта 2020 г., сокращением нефтедобычи; резким сокращением экономической активности как в стране, так и во всем мире, одним из проявлений которого стали объявленные в конце марта 2020 г. «каникулы»; сменой интеграционных трендов в мировой экономике и других сферах общественной жизни на изоляционистские из-за пандемии коронавируса; падением мобильности населения.

Учитывая эти обстоятельства, целый ряд финансовых и аналитических структур (Всемирный банк, агентство Fitch, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования — ЦМАКП, консалтинговая компания McKinsey&Company) выпустили свои прогнозы относительно развития российской экономики: разброс оценок оказался весьма высоким — от снижения ВВП на 1,0% (Всемирный банк) до падения на 3,8% (McKinsey&Company) — но все они указывают на неизбежность спада по

итогах 2020-го года. Реальное снижение составило 3,1%, согласно данным Росстата¹⁹².

Такого рода прогнозы необходимы для своевременной выработки адекватных мер, позволяющих минимизировать экономические, социальные и политические издержки разразившегося кризиса. Ухудшение экономической ситуации может привести к нарушению социальной и политической стабильности. Симптоматичным стало заявление, сделанное Секретарем Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушевым на совещании по актуальным вопросам национальной безопасности в регионах Уральского федерального округа, проведенном в режиме видеоконференции 10 апреля 2020 года. Он заявил, что на Россию в настоящее время оказывается сильнейшее и информационное и идеологическое давление, направленное на раскол российского общества по национальному, культурному и религиозному признакам. Информационное давление оказывается в первую очередь на молодежь, которая наиболее уязвима в силу своих мировоззренческих и психологических особенностей. Секретарь Совбеза добавил, что «предпосылки недовольства» формируются такими факторами как «материальное расслоение, коррупция, несправедливость, снижение уровня жизни», а также безработица и пр.¹⁹³

В этом заявлении четко обозначена связь между ростом социально-экономических проблем российского общества и возможным ростом

¹⁹²Всемирный банк ожидает снижения ВВП России на 1% в 2020 [Электронный ресурс] // REGNUM. URL.: <https://regnum.ru/news/economy/2911016.html> (дата обращения 20.04.2020); Fitch изменило на «негативный» прогноз рейтингов 15 российских банков [Электронный ресурс] // Интерфакс: экономика. 08.04.2020. URL.: <https://www.interfax.ru/business/703070> (дата обращения: 20.04.2020); Спрогнозированы сроки восстановления экономики России [Электронный ресурс] // РОСБАЛТ-бизнес. 10.04.2020. URL.: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/04/10/1837550.html> (дата обращения: 21.04.2020); Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL.: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/113015> (дата обращения: 21.04.2020).

¹⁹³Секретарь Совета Безопасности России Николай Патрушев в режиме видеоконференции провел совещание по актуальным вопросам национальной безопасности в регионах Уральского федерального округа. 10 апреля 2020 г. [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации: официальный сайт. URL.: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2769/> (дата обращения: 26.04.2020); Патрушев заявил о попытках расколоть российское общество [Электронный ресурс] // MKRU. 10.04.2020. URL.: https://www.mk.ru/social/2020/04/10/patrushev-zayavil-o-popytkakh-raskolot-rossiyskoe-obshchestvo.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 26.04.2020).

общественного недовольства, которое может поставить под угрозу политическую стабильность. Здесь также отмечается и внешнее информационное давление как еще один дестабилизирующий фактор.

Острота проблемы информационного давления в современном мире объясняется его непрерывностью, неизбежностью, а также регулярным обновлением его способов и механизмов. Его невозможно избежать, так как полностью отказаться от информационного обмена с окружающим миром не только невозможно, но и контрпродуктивно.

Информационные угрозы для современной России, выступающие в роли факторов дестабилизации направлены на усиление внутренних проблем и противоречий. Иными словами, обеспечение политической стабильности является внутренней задачей, выполнение которой нейтрализует и внешние угрозы.

Первой и очевидной угрозой информационного характера является технологическая зависимость России. Сама по себе технологическая зависимость лишь отчасти является результатом целенаправленных враждебных действий геополитических противников России, скорее она выступает следствием недостатков экономической и научно-технической политики, проводимой советским, а затем и российским руководством. И хотя на эту проблему уже не раз обращали внимание, она по-прежнему не утратила свою актуальность, поскольку большая часть электронных информационных технологий, используемых в России — импортного производства.

Поскольку информационно-коммуникационное пространство не имеет ни фиксированной территории, ни суверенного существования, то возникает прямая угроза со стороны технологически развитых государств в виде контроля над коммуникационными каналами, что, в конечном счете, обеспечивает контроль над функционированием самого общества и системой его политического управления. В результате, мы вновь вынуждены констатировать проблему информационного неравенства государств как политическую проблему, игнорирование которой несёт прямую угрозу политической

стабильности и суверенитету государства вообще. Сложность данной проблемы заключается не только в рисках, связанных с неизбежным погружением России в глобальное информационное пространство, но и с пагубными последствиями чрезмерной изоляции, ибо отказ от информационного взаимодействия с окружающим миром станет барьером на пути общественного развития.

Исходя из анализа российской политической практики, можно утверждать, что интернет-технологии, какое-то время недооцененные в России, начинают осваиваться участниками политического процесса и играть двоякую роль – становиться базой информационно-коммуникационного взаимодействия власти и общества, а также выступать информационным инструментом в политической борьбе.

Вторая угроза информационного характера вытекает из способа использования информационно-коммуникативных технологий. У этой угрозы есть и внешнее и внутреннее происхождение.

Когда речь идет о ее внешнем происхождении, имеются в виду многочисленные примеры информационных войн, направленных на дискредитацию российского государства и общества, как в глазах мировой общественности, так и в российском общественном мнении.

Кроме того, в информационном противостоянии возникает опасность, имеющая социальные последствия. Г.А. Иннис, чьи работы оказали большое влияние на М. Маклюэна и других коммуникативистов, подчеркивал, что любой тип коммуникации неизбежно сопровождается соответствующими социально-политическими эффектами¹⁹⁴. На один из таких эффектов указал М. Кастельс, стоявший у истоков концепции «сетевого общества» и обративший внимание на формирование нового типа социально-коммуникативных отношений. «Сеть» как новый тип отношений становится социально-политическим ресурсом формирующейся сегодня глобальной социальной структуры, внутри которой именно глобальные сетевые структуры играют

¹⁹⁴Innis H.A. *Empire and Communications*. Oxford: Clarendon Press, 1950. 219 p.; Innis H. *The Bias of Communication*. Toronto: Toronto University Press, 2008. 304 p.

определяющую роль в жизни человека¹⁹⁵. Эти структуры вступают в противоречие с Вестфальской системой, разрушая государственные границы и ослабляя государственный контроль над информационным пространством. Государство, стремясь восстановить свою роль в информационном поле, вынуждено усиливать контроль над информационными потоками, что является важным условием сохранения политической идентичности и обеспечения политической стабильности.

Внутренние угрозы, в отличие от внешних, далеко не всегда становятся результатом целенаправленных действий. Часто они становятся побочным эффектом внедрения информационных технологий в практику государственных и политических структур. Так, с одной стороны, внедрение электронных технологий повышает эффективность процессов производства и управления. Активное использование электронных технологий в управленческих процессах способствует ускорению становления электронной демократии, о чем в нашей стране говорят на протяжении, по меньшей мере, двух десятилетий, способствует информационной открытости и равноправию в процессах взаимодействия российского общества и политического класса¹⁹⁶. Повышение информационной открытости, безусловно, увеличивает уровень доверия граждан к власти и укрепляет политическую стабильность общества.

С другой стороны, информационно-коммуникативные технологии могут быть инструментами контроля государства над гражданами, и такой характер взаимодействия государства и общества не сможет гарантировать быстрый переход к демократии в авторитарной системе¹⁹⁷.

Тем не менее, вопрос способа и формы организации коммуникации, осуществляемой в рамках конкретной социально-политической системы, тесно связан с проблемой политического управления. Так или иначе, процесс

¹⁹⁵Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.494-505.

¹⁹⁶Быков И.А. «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. 2005. № 3. С.69-79.

¹⁹⁷Там же.

развития информационно-коммуникационных технологий будет сопровождать процесс политического управления.

Следует также отметить способность информационно-коммуникационных технологий влиять на человеческое восприятие окружающего мира, в том числе и мира политического¹⁹⁸.

Очевидно, что объём информации, которую способен обработать человек, ограничен. В современных условиях, для которых свойственна конкуренция в информационном пространстве, важнейшим инструментом влияния является не только количество и содержание информации, но и канал связи, способ коммуникации, его доступность и активность использования. Таким образом, любой субъект коммуникации, в том числе и политической, будет успешен в зависимости от имеющегося в его распоряжении формата трансляции этой информации.

С учетом того, что все большую долю информационного обмена сегодня захватывают не традиционные средства массовой информации, а интернет-пространство, его значимость как политического ресурса резко возрастает. Особенно как ресурса, используемого во взаимодействии с молодежной средой. Согласно данным ВЦИОМ, чуть более половины россиян обращается к интернет-источникам, при этом, данная цифра устойчива (54% в 2017 году, 58 в 2014 году). Среди молодежи порядка 70–74 % лиц от 18 до 34 лет являются потребителями интернет-медиа, при этом, основной вклад в высокий процент интернет-пользователей вносят люди, проживающие в Москве и Санкт-Петербурге¹⁹⁹. Достоверными источниками информации новостные сайты и ленты в интернете в 2015 году считали 43% россиян и лишь 20% выразили им своё полное доверие, 62% россиян основным источником информации называли телевидение²⁰⁰.

¹⁹⁸Heyer P. Communications and History: Theories of Media, Knowledge, and Civilization. N.Y.:Greenwood Press, 1988. 214p.;Р. 52.

¹⁹⁹Эпоха цифровых медиа: бумага против экрана [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: аналитический обзор. 10.01.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116624> (дата обращения: 20.03.2020).

²⁰⁰СМИ в России: потребление и доверие [Электронный ресурс]// ВЦИОМ: аналитический обзор. 07.05.2015. URL.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=29> (дата обращения: 20.03.2020)

Налицо очевидное разделение людей, как по возрастной группе, так и по месту проживания. Не удивительно, что жители крупных городов, технологически и экономически более развитых, глубже интегрированы в сетевое взаимодействие, в то время как жители менее развитых регионов предпочитают традиционные СМИ. При этом, очевидным фактом является и то, что политическая активность жителей крупных городов значительно выше, чем жителей провинций. Именно крупные города являются площадками для различных политических акций и протестов. Можно утверждать, что городское население, выбравшее в качестве основного средства информационного взаимодействия интернет-ресурсы с обилием их особенностей и многосторонних точек зрения, оказывает существенное влияние на политические процессы.

Отсюда следует, что политическая стабильность в обществе во многом зависит от того, в чьих руках находится контроль над этими ресурсами и как эти ресурсы используются. Сегодня решение задачи обеспечения политической стабильности общества невозможно без обеспечения его информационной безопасности как важнейшей составляющей национальной безопасности. Сложность такой задачи заключается в поиске баланса между неизбежным погружением России в глобальное информационно-коммуникационное пространство, влияющее на отечественную систему политического управления, и формированием суверенной системы информационного обеспечения, защищенной от технологически более развитых держав.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что модель угроз политической стабильности российского общества, теоретические контуры которой были намечены в данном параграфе, включает в себя в качестве основных компонентов внутренние и внешние угрозы политического, экономического и информационного характера. В общем контексте настоящей

работы главное внимание будет сосредоточено на угрозах информационных и способах противодействия и нейтрализации этих угроз.

3.2 Способы и средства обеспечения политической стабильности российского общества через обеспечение его информационной безопасности

Одной из важнейших составляющих модели угроз политической стабильности российского общества, о которой шла речь в предыдущем параграфе, являются угрозы информационные. Наличие информационных угроз внутреннего и внешнего происхождения ставят перед обществом и государством актуальную задачу создания и использования соответствующих способов и средств нейтрализации этих угроз и обеспечения политической стабильности.

Современная политическая практика демонстрирует высокую активность субъектов глобальной политики, связанную с попытками доминирования в информационном пространстве и монополизации информационно-коммуникационной инфраструктуры на глобальном уровне. Отсюда следует, что активное участие государства в формировании и развитии национального информационного пространства, формировании информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также использовании имеющихся в его распоряжении информационных ресурсов для проведения информационной политики являются одними из ключевых условий поддержания политической стабильности.

На решение этой задачи направлена государственная информационная политика, представляющая комплекс мер информационного сопровождения внутренней и внешней политики государства.

Важнейшим направлением государственной информационной политики является политика информационной безопасности государства, также имеющая свою внешнюю и внутреннюю составляющую. Внешняя – предполагает защиту

от информационного влияния на общественное сознание населения извне, а также защиту национальной информационной инфраструктуры. Внутренняя – направлена на информационную поддержку существующего политического режима, обеспечение поддержки деятельности государства со стороны общества и на достижение общественного консенсуса по поводу целей и базовых ценностей общества и государства.

Возникает вопрос о том, каким образом такой консенсус достижим? Можно предположить, что существуют два способа его достижения – либо на пути диалога между властью и обществом по поводу ценностных оснований общественной жизни, либо с помощью односторонних пропагандистских усилий государства с использованием возможностей СМИ²⁰¹. Первый отстаивал Ю. Хабермас в «теории коммуникативного действия», подчеркивая, что только диалог обеспечивает «достижение взаимопонимания и согласия»²⁰². Второй предполагает, что общественный консенсус и социальная стабильность обеспечиваются целенаправленным формированием общественного единомыслия.

У обоих вариантов есть свои особенности политического и экономического свойства. Политические выражаются в наличии или отсутствии административного вмешательства в деятельность масс-медиа, государственных гарантий свободы слова и мнений, цензурирования информационных материалов. Экономические состоят в форме собственности на СМИ — частной, государственной или общественной (когда их деятельностью руководят общественные советы, а финансирование осуществляется за счет абонентской платы)²⁰³. Когда говорят о независимых СМИ, следует понимать эту независимость как отсутствие зависимости от государственных средств и, как следствие, от административного и

²⁰¹ См.: Павлов В.А. Государственная информационная политика как условие обеспечения политической стабильности общества // Вестник Поволжского института управления. 2019. Том 19. №3. С. 108.

²⁰² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие /пер. с нем. - М.: Наука, 2000. 377 с; С.12.

²⁰³ Розанова Ю.М. Телевидение как субъект государственной информационной публичной политики (К истории вопроса) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №10. С. 63-74.

идеологического диктата государства. Но такая независимость не отменяет зависимости от позиции негосударственного собственника СМИ.

Сказанное имеет непосредственное отношение к вопросам регулирования деятельности СМИ, которое может осуществляться в виде нескольких концептуальных моделей взаимоотношений СМИ и государства. Поиск оптимальной модели – актуальная задача, стоящая перед нашей страной.

В последнее десятилетие XX века на месте вертикальной административно-командной модели советского типа в России стала складываться рыночная модель взаимоотношений СМИ и государства. Она была основана на частной собственности и либеральных принципах «полноты информации», «свободы комментария и представления различных точек зрения», «полного отказа от редакционного «единого мнения»», «независимости не только от власти, но и от оппозиции»²⁰⁴. Результатом формирования новой модели, по признанию И.И. Засурского, стала «какофония радикальных точек зрения»²⁰⁵, с одной стороны, в значительной степени содействующая усилению роли российских СМИ как института формирования публичной политики, а с другой – радикализирующая общественные настроения.

В условиях неразвитости политических институтов и неустойчивости политической системы СМИ становятся полноправными участниками политического процесса: крупнейшие медиа-холдинги и информационные агентства, контролируемые частным капиталом («Логоваз», «Медиа-Мост», «Национальная служба новостей», «РБК» и др.), фактически стали играть роль политических партий, определяя конфигурацию политической системы и разыгрывая информационный политический спектакль. Сложилась своего рода «медиаполитическая система»²⁰⁶, прикрывающая, как «ширма», интересы своих

²⁰⁴Засурский И.И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М.: Изд-во МГУ, 2001. С.38.

²⁰⁵Там же. С.41-42.

²⁰⁶Засурский И.И. Медиаполитическая система: Средства массовой информации России / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2011. 114 с.

владельцев – крупных банков и корпораций, таких как «Альфа-групп», «Лукойл», «Менатеп», «ОНЭКСИМ банк» и др.

Пропагандистскую силу СМИ продемонстрировала президентская избирательная кампания 1996 г. – выяснилось, что за полгода можно непопулярного политика сделать популярным. Результаты кампании заставили власти задуматься о том, можно ли такой эффективный инструмент влияния оставлять в частных руках. В результате, в начале 2000-х годов в России происходит смена модели регулирования деятельности СМИ. Государство начинает восстанавливать контроль над крупнейшими общенациональными СМИ, как это случилось с телеканалами НТВ и ОРТ.

В настоящее время утвердилась смешанная — государственно-частная — модель управления СМИ с доминирующим положением государства. Значительная доля печатных и электронных СМИ контролируется частным капиталом, но они специализируются на развлекательной или деловой тематике. В то же время основные информационные ресурсы, специализирующиеся на социально-политической тематике, как правило, контролируются государством²⁰⁷.

Сложившаяся модель показывает, что в России отсутствует баланс интересов государства, общества и частного капитала в информационной сфере. Причина, на наш взгляд, кроется, во-первых, в неразвитости структур гражданского общества, ограничивающих государственное влияние в информационной сфере; во-вторых, властные структуры в политике обеспечения стабильности сделали выбор в пользу идеологического и административного контроля над СМИ.

Это означает, что на пути достижения общественного консенсуса и политической стабильности власть отдает предпочтение односторонней коммуникации и наращиванию пропагандистских усилий с использованием

²⁰⁷ См.: Павлов В.А. СМИ как институт публичной политики институт публичной политики и их влияние на политическую стабильность // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО-2019): Труды XVI Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 24 — 25 января 2019 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2019. С. 230.

медийных средств, нежели диалогу с обществом. Сложившаяся модель управления деятельностью СМИ это подтверждает.

По нашему мнению, для обеспечения и поддержания социальной и политической стабильности больше подходит такая модель управления СМИ, которая основана на балансе интересов всех субъектов информационного процесса – государства, общественных организаций, бизнеса и самих масс-медиа. Различные источники финансирования, открытость, развитая система правового регулирования деятельности, во-первых, позволили бы избежать экономический и политический диктат над СМИ, во-вторых, обеспечили бы их ответственность перед обществом и соблюдение принципов социальной справедливости и свободы слова. Модель управления СМИ, основанная на таком балансе интересов, может стать эффективным инструментом достижения социальной и политической стабильности. Вынесение общественных проблем на площадку диалога власти и общества способно предотвращать острые формы социальных и политических конфликтов.

Сказанное выше касается не только так называемых «традиционных» СМИ — прессы, радио и телевидения. Сегодня угрозы и риски политической стабильности России исходят из информационного пространства, тесно сопряженного с использованием сети Интернет.

Интернет-коммуникации являются неизменной составляющей современной политической жизни и имеют огромный потенциал в плане формирования моделей массового поведения, массового сознания и мировоззрения. Модели политического поведения и участия людей напрямую связаны с их источниками информации, каналами и способами коммуникации: именно интернет сегодня является одним из основных проводников политической социализации граждан. Посредством интернет-трансляции определяется форма, в которой информация поступает конечному потребителю. В качестве инструментов глобального контента выступают социальные и медиа-ресурсы, такие как поисковый сервис Google, социальная сеть Facebook и микроблог Twitter, медиаресурс с элементами социальной сети Instagram,

онлайн-энциклопедия – Wikipedia, крупнейший в мире видеохостинг YouTube и т.д. Примечательно, что все они являются американскими по своему происхождению и находятся вне российской юрисдикции²⁰⁸. Рост популярности данных ресурсов существенно меняет уклад жизни, привычки, стереотипы людей. Сложившаяся ситуация искусственно вынуждает приобщаться к медиа-культуре все новых и новых людей, подобно веяниям моды и нежеланию «отставать от жизни». Опасность же представляет тот факт, что существенное влияние на сознание людей оказывают размещенные вне России интернет-ресурсы. Даже популярный «отечественный» поисковик Яндекс принадлежит компании Yandex N.V. (Нидерланды), обладающей 100% уставного капитала ООО «Яндекс», а "Вконтакте" давно уже переехала с российского домена V Kontakte.ru на международный домен Vk.com²⁰⁹. Иностранные компании инвестируют средства в российские медиа-ресурсы: так, например, американская компания Hearst Corporation является одним из собственников российской компании Hearst Shkulev Media, которой принадлежат крупнейшие информационные порталы в различных городах России — Екатеринбурге, Тюмени, Новосибирске, Красноярске, Омске, Нижнем Новгороде, Перми и в других городах, крупные сайты, новостные ленты и т.д.²¹⁰.

Использование интернета в качестве политического инструмента широко применялось и применяется Западом не только в крупных международных мессенджерах или социальных сетях, но и используется в российском национальном сегменте интернета. В своё время массовые акции протеста, проходившие в России, получили информационную поддержку в Facebook, Livejournal, VKontakte, Twitter, на YouTube, онлайн-площадке телеканала «Дождь», блог-площадке «Эхо Москвы» и др.²¹¹ Прогосударственные

²⁰⁸Рунет и выборы [Электронный ресурс] // Интерфакс. 25.09.2012. URL.: <http://www.interfax.ru/russia/267340> (дата обращения 10.09.2020).

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰Hearst Shkulev Group [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.hearst-shkulev-media.ru/> (дата обращения 01.04.2020).

²¹¹Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: дис. ... докт. полит.наук: 23.00.02. Москва 2015. С. 285.

информационные ресурсы оказались не готовы полноценно с ними конкурировать. Поскольку сегодня поле информационного противостояния быстро перемещается в интернет-пространство, у государства возникает актуальная задача его быстрого освоения с целью повышения способности защиты своих национальных интересов в информационной сфере.

Очевидно, высокий пропагандистский потенциал интернет-ресурсов, находящихся в руках прямых геополитических конкурентов будет оказывать влияние на политическое сознание и поведение граждан внутри России, особенно в современных условиях, где интернет-ресурсы активно применяются в предвыборных, агитационных кампаниях.

В одном из своих выступлений Эрик Шмидт, исполнительный директор Google, заявил о том, насколько глубоко корпорация интегрировалась в частную жизнь людей и контролирует их. Как сказал сам Шмидт: «Мы знаем, где вы находитесь и где вы были. Мы можем узнать в общих чертах, о чём вы думаете... Мы знаем всё, что вы делаете, и правительство может за вами наблюдать... Вы никогда не бываете одни...»²¹².

Использование интернета в качестве механизма шпионажа и отслеживания индивидуальных или групповых информационных потребностей людей позволяет на основе накопленных данных предоставлять заранее подготовленный контент, тем самым определять границы информационного поля для граждан, внутри которого и будет формироваться их мировосприятие. Глобальный характер таких ресурсов как Google, YouTube и др. говорит о том, что одним из сценариев развития интернета является приватизация глобального коммуникационного пространства узкой группой людей, в дальнейшем формирующей глобальную элиту эпохи информационного общества — информационную элиту или нетократию²¹³, — контролирующую сетевое

²¹²Watson P.J., Jones A. Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution [Электронный ресурс] // Infowars.com. 13.05.2013. URL.: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution/> (дата обращения: 01.04.2020).

²¹³Бард А., Зодерквист Я. NetoKratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / пер. со шведского яз. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.

пространство, через которое будет формироваться глобальный мировой порядок.

В связи с данными перспективами очевидными механизмами информационной безопасности государства является формирование материально-технической базы, необходимой для защиты национальных сегментов интернет-пространства и формирования собственной информационно-коммуникационной инфраструктуры. Более того, наиболее важным аспектом информационной безопасности государства является грамотная информационная политика, отображающая неискаженную политическую реальность, способствующая сохранности модели национального сознания, обеспечивающего суверенитет и политическую стабильность общества.

Сложившаяся ситуация указывает на то, что в ближайшем будущем весьма вероятно активное развитие национальных сегментов интернет-пространства, защищаемых каждым государством, заботящемся о собственной информационной безопасности. Стремление национальных государств к контролю над интернетом обернется его превращением в совокупность локальных национальных онлайн-пространств, обмен информацией между которыми, и внутри которых будет контролироваться государством. Такой подход существенно снизит влияние глобальных информационных игроков на национальные фрагментированные единицы.

Социальные сети, блогосфера, крупные информационные ресурсы в сети интернет или видео-каналы являются проводниками протестного влияния и пропагандистской направленности. Поэтому российские власти существенно модернизировали законодательство в интернет-пространстве, и в лице Роскомнадзора осуществляют мониторинг и блокировку интернет-ресурсов, прямо или косвенно призывающих к незаконной деятельности, в первую очередь, экстремистского толка.

Сегодня на глобальном уровне разворачивается противостояние двух тенденций в развитии интернета — его национализации и

интернационализации. Так, например, в руководстве России все больше утверждается подход к пониманию глобального интернет-пространства как совокупности национальных сегментов интернета, что неизбежно предполагает существование государственного контроля над этими сегментами. При этом Россия выступает в качестве инициатора создания норм и процедур поведения в сфере обеспечения информационной безопасности на международном уровне. В то же время США, напротив, заявляют о необходимости свободного доступа к интернет-пространству во всём мире. Попытки создания национальных сегментов сети они расценивают как нарушение свободы слова и демократии. Однако за словами о защите демократии нередко кроются попытки информационного вмешательства во внутренние дела других стран. На фоне возросшей напряженности в отношениях США и России всерьез рассматривается возможность использования интернета с целью экономического и политического давления на Россию. Примерами такого давления могут быть как кибератаки на финансовую систему, об угрозе которых ФСБ сообщало еще в 2016 году²¹⁴, так и отключение различных сервисов, включающие финансовые услуги и банковские приложения, электронные сервисы государственных услуг, электронный документооборот. Неоднократно в отечественных и зарубежных СМИ возникала информация о возможном отключении России от системы SWIFT и от глобальной инфраструктуры всемирной сети. Данные действия, по оценке Л. Левина, возглавляющего комитет по информационной политике Государственной Думы РФ, приведут к экономическим потерям до 20 млрд. рублей в сутки²¹⁵. Министерство обороны Российской Федерации также считает, что интернет-пространство является потенциальным театром военных действий, потому ещё

²¹⁴ФСБ узнала о готовящихся кибератаках на финансовую систему России [Электронный ресурс] // Интерфакс. 02.12.2016. URL.: <https://www.interfax.ru/russia/539567> (дата обращения 01.04.2020); ФСБ узнала о подготовке кибератак на финансовую систему России [Электронный ресурс] // РИА Новости. 02.12.2016. URL.: <https://ria.ru/20161202/1482688773.html>. (дата обращения 04.04.2020).

²¹⁵ В Госдуме оценили потери российской экономики в случае отсутствия интернета [Электронный ресурс] // ТАСС.RU. 11.04.2019. URL.: <https://tass.ru/ekonomika/6321977> (дата обращения 09.04.2020).

в 2011 году военное ведомство разработало стратегию действий вооруженных сил РФ в информационном пространстве²¹⁶.

Обозначившиеся различия в подходах к интернету сказались на практике обеспечения информационной безопасности российского государства. На протяжении последних лет всё чаще стала обсуждаться необходимость централизованного управления отечественным сегментом интернета с целью достижения информационного суверенитета. В результате 01.05.2019 г. был подписан, а с 01.11.2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 01.05.2019 N90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²¹⁷.

Принятый закон является ключевым нормативным актом, определяющим стратегию развития национального сегмента интернет-пространства и наделяющим государство, в лице Роскомнадзора, полномочиями по регулированию циркулирующей в сети информации. Политическая значимость данного акта заключается в формировании модели государственного централизованного контроля за наиболее значимым на сегодняшний день информационным ресурсом – интернетом.

Реализуя данный закон, Россия обеспечивает контроль над информацией, проходящей через точки обмена с зарубежными корневыми серверами интернета, и одновременно формирует независимую инфраструктуру, обеспечивающую бесперебойное функционирование сети внутри страны. Таким образом, в России формируется национальный сегмент интернета, функционирующий независимо от зарубежных сетей и регулирующийся

²¹⁶Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных сил РФ в информационном пространстве [Электронный ресурс]. URL.: <http://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074@cmsArticle> (дата обращения 09.04.2020).

²¹⁷О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [федер. закон: принят Гос.Думой 16 апреля 2019 г.: по состоянию на 20 января 2020 г.]. [Электронный ресурс]. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения 09.04.2020).

российским законодательством. Проводимая политика отнюдь не проявление злонамеренности власти, как об этом говорят критики, поскольку она осуществляется в русле уже обозначившейся мировой тенденции к локализации и фрагментации интернет-пространства.

В качестве обеспечивающей меры, предотвращающей акты откровенных информационных вбросов и пропаганды внутри национального интернет-сегмента, был разработан и принят пакет законов о так называемых «фейковых новостях», направленный на то, чтобы очистить интернет-пространство от недостоверной информации, а также применить наказание за оскорбления в неприличной форме общества, органов государственной власти, официальных государственных символов Российской Федерации и пр.

Авторы пакета законов в пояснительной записке к проекту (№606593-7 от 12.12.2018) 31-ФЗ (депутат ГД Д.Ф.Вяткин и члены СФ А.А.Клишас и Л.Н.Бокова) отмечают, что «распространение недостоверной информации, распространяемых под видом достоверных сообщений, может иметь широкий спектр последствий, связанный с... манипулированием общественным мнением... привести к массовым беспорядкам, создать угрозу государственной, общественной или экологической безопасности»²¹⁸. Поэтому, настоящий законопроект направлен на совершенствование механизмов обеспечения информационной безопасности и на защиту законных прав личности и общества в информационной сфере.

Одним из важных шагов на пути к блокировке сайтов, распространяющих вредоносную информацию, был запрет «анонимайзеров», то есть программ, таких как Тог или VPN, позволяющих получать доступ к сайтам, заблокированным на территории России. Несмотря на ряд негативных высказываний относительно реализации этой инициативы экспертов и даже протестных акций связанных с ней, председатель комитета Госдумы по

²¹⁸Система обеспечения законодательной деятельности / О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. URL.:<https://sozd.duma.gov.ru/bill/606593-7>(дата обращения 02.04.2020).

информационной политике, Л. Левин отмечал, что она находится в русле развития отечественного законодательства – «создания в интернете правового пространства»²¹⁹.

Утверждения о том, что регулирование информационного пространства, формируемого через интернет, имеет целью оградить российское общество от информации извне, на наш взгляд, существенно упрощают ситуацию. Представляется, что политические цели законодательных инициатив по регулированию интернета состоят в том, чтобы наладить на базе интернет-коммуникации новые формы информационного обмена между государством и гражданским обществом.

Насколько конструктивны или деструктивны будут эти формы — покажет практика. Сегодня сетевые сообщества являются своего рода «клубами по интересам», внутри которых широко обсуждаются политические и социальные проблемы, происходит агрегация политических интересов пользователей, выражается общественное мнение по тем вопросам, касающимся политики. Очевидно, что государственный контроль за данным сегментом должен обеспечивать «очищение» интернет-пространства от элементов, выражающих не общественные интересы, а откровенные антигосударственные позиции. С другой стороны, внедрение мониторинга и общественной экспертизы государственной деятельности через интернет-ресурсы, хотя не является в полной мере сетевой демократией, но указывает на «осовременивание» механизмов информационного взаимодействия, способствуя процессам интеграции государства и общества, что, в конечном счёте, и обеспечивает политическую стабильность общества.

Основная трудность на пути достижения политической стабильности через развитие сетевого взаимодействия, на данный момент, заключается в том, что основная часть современного интернет-контента и блогосферы является

²¹⁹В Госдуму внесли законопроект о запрете анонимайзеров [Электронный ресурс] // РБК: технологии и медиа. 08.06.2017. URL.:https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/06/2017/593933e69a7947e7bd831e05 (дата обращения 02.04.2020).

оппозиционной по отношению к политическому руководству страны. Причем, по мнению автора, не просто люди, имеющие оппозиционные взгляды используют интернет для распространения своих позиций, а именно специфика транслируемого в интернете контента формирует у людей, не имеющих устоявшихся политических взглядов и предпочтений, оппозиционные, а порой и экстремистские взгляды.

Уровень общественной значимости того или иного политика или события определяется с точки зрения наличия одобрительных или, напротив, критических высказываний со стороны наиболее популярных субъектов интернет-пространства. Значимым для большинства пользователей является не содержательный аспект действия, а исключительно его оценка, данная кем-то из сетевых лидеров мнений. Причем, зачастую этими лидерами являются не эксперты и представители интеллектуальной среды, а просто наиболее популярные, часто посещаемые и комментируемые блогеры. Проще говоря, в интернет-пространстве популярные персонажи имеют гораздо более высокий авторитет и доверие среди сетевых пользователей, чем реальные политические деятели, не имеющие в нем в достаточной степени представительства. Интернет, тем самым, становится инструментом легитимизации или напротив, делигитимизации процессов и функций, происходящих в реальном политическом пространстве. В последнем случае он выступает в качестве коллективного организатора оппозиции и механизма формирования протестных настроений и соответствующих им моделей поведения.

Существующий разрыв между реальными вещами и персонажами и их информационной имитацией предъявляет новые требования к решению задачи по обеспечению поддержки деятельности государства и отдельных представителей власти. Успешное осуществление политического управления в современных медийных условиях становится критически зависимым от широкого инфо-коммуникационного сопровождения политической деятельности. При этом, инструменты контроля информационного пространства, такие как переход на рунет, являются лишь дополнением к

способности государства вести информационную политику. Важная мотивировка действий власти в сформировавшихся условиях выражается в утверждении о том, что «конкуренция мнений, порождает у власти потребность в непрерывной информационной самопрезентации, при которой об управлении узнают не на основе достигнутого результата, а через его представление СМИ... Ставкой в битве за внимание аудитории является легитимность власти. Выиграть эту битву монополией на информацию сегодня не представляется возможным, несмотря на стремление власти взять под свой контроль максимально возможное количество игроков информационного пространства»²²⁰. Это означает, что и для власти, и для оппозиции, наиболее рациональной моделью поведения могла бы быть конкуренция через открытый диалог, а не через стремление победить оппонента путем выдавливания его из информационного пространства.

Как уже говорилось выше, информационная безопасность не является синонимом понятия информационной изоляции, в связи с чем информационная политика государства не может опираться исключительно на ограничительные меры в отношении сторонней и «нежелательной» информации. Формирование независимости отечественного информационного пространства через создание суверенного Рунета существенно снижает риски политической дестабилизации России извне, но надо помнить, что информационная независимость не тождественна информационной автаркии. Тотальная блокировка информационного пространства нежелательна, поскольку ограничение в таком важном ресурсе, как информация, не только противоречит свободному общественному развитию, но является технически трудновыполнимой и чрезвычайно затратной задачей.

Именно поэтому острую дискуссию вызвали разработка и принятие законов о так называемом «суверенном Рунете» в Российской Федерации. Так, по некоторым данным правительственных экспертов, расходы на реализацию

²²⁰ Чайковский Д.В. Проблема управления в контексте общества информации и коммуникации // Известия Томского политехнического ун-та, 2010. № 6. С.102.

этой программы могут превысить десятки, или даже сотни миллиардов рублей, кроме того, сомнения вызывает сама целесообразность проекта, а также непосредственно техническая сторона его реализации²²¹. Негативную оценку законам дала счётная палата РФ²²². Также с критикой выступили представители сотовых операторов, заявив, что реализация закона приведет к «деградации услуг связи по всей стране»²²³. Кроме того, попытка полного изолирования интернет-пространства также вступает в противоречие с основополагающими принципами правового государства, которым является Россия. Снижение или запрет доступа к информационным базам, находящимся вне российского сегмента интернет-пространства можно рассматривать как нарушение информационных интересов личности.

Практики ограничения доступа к информации уже применяются на государственном уровне: так, например, в Китае реализован проект «Золотой щит» - система интернет-фильтрации, блокирующая доступ к запрещенным китайским руководством ресурсам из внешнего интернета. Смысл интернет-цензуры заключается не в пресечении пропаганды, а в том, чтобы она не переросла во что-то большее. Если принимать во внимание эту точку зрения, то разного рода восстания, политическая дестабилизация или антиправительственная пропаганда в Китае заранее исключаются²²⁴. В Иране на государственном уровне осуществляется блокировка иностранных информационных ресурсов, а иранская интернет-полиция осуществляет постоянный контроль деятельности популярных сетей²²⁵. Во время январских

²²¹ Эксперты при правительстве оценили затраты на суверенный Рунет [Электронный ресурс] // РБК-финансы, 25.12.2018. URL.: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c21e8b79a7947153583d6bf> (дата обращения 20.04.2020).

²²² Счетная палата не поддержала законопроект об устойчивом Рунете [Электронный ресурс] // Интерфакс, 07.02.2019. URL.: <https://www.interfax.ru/russia/649645> (дата обращения 20.04.2020).

²²³ Закон о «суверенном Рунете» грозит уничтожение интернету вещей [Электронный ресурс] // Сnews, 21.03. URL.: https://www.cnews.ru/news/top/2019-03-21_zakon_o_suverennom_runete_grozit_unichtozheniem (дата обращения 20.04.2020).

²²⁴ Цензура в Китае: Золотой щит или «Великий китайский файрвол» [Электронный ресурс] // Enter China. URL.: <https://enterchina.ru/blog/cenzura-v-kitae-zolotoy-schit-ili-velikiy-kitayskiy-fayrvol/> (дата обращения 21.03.2020).

²²⁵ В Иране создано специальное киберподразделение [Электронный ресурс] // Security Lab. URL.: <http://www.securitylab.ru/news/405099.php> (дата обращения 21.03.2020).

событий 2011 г. в Египте осуществлялась блокировка доступа к интернет-ресурсам в национальном сегменте онлайн-пространства, с тем, чтобы лишить оппозицию возможности использовать сетевые площадки для организации коллективных действий. Согласно исследованиям известной американской неправительственной организации Freedom House, на 2019 год Россия имеет статус «несвободного» государства по уровню свободы, как в интернете, так и в медийном пространстве в целом²²⁶. Этот статус Россия «получила» у американской организации за законы, усиливающие государственный контроль над интернетом. Все страны (а таковых большинство среди исследованных), которые, так или иначе, пытаются регулировать информационную деятельность в сети, получают в рейтинге Freedom House статус «несвободных» или «частично свободных». Примечательно, что сами США, хотя всё ещё являются «свободной» страной по уровню свободы в интернете, уже несколько лет опускаются в этом рейтинге²²⁷. Таким образом, ограничения со стороны государства на доступ к информации стали рутинной практикой.

Такие ограничения могут быть оправданы в условиях жесткого информационного противостояния с другими странами, наличия реальных информационных угроз, а также высокого уровня общественного доверия к государственным институтам. При отсутствии этих условий всякие попытки ограничений будут восприниматься обществом как посягательство на его информационную свободу. Позиция инициаторов ограничительных мер состоит в том, что рост присутствия государства и государственного регулирования в интернет-пространстве является прежде всего реакцией на растущие угрозы политической дестабилизации и рост кибер-преступности. В сложившейся ситуации государства берут под свой контроль интернет, чтобы

²²⁶Media Freedom: A Downward Spiral [Электронный ресурс] // FreedomHouse.URL.:<https://freedomhouse.org/report/freedom-and-media/2019/media-freedom-downward-spiral> ; <https://roskomsvoboda.org/51680/> (дата обращения 21.03.2020).

²²⁷Там же.

обеспечить безопасность информационных ресурсов и сохранить политическую стабильность.

В то же время стратегическая ставка на осуществление цензуры в интернете не оправдана ни технически, ни материально, и, что более важно, не разрешает полностью задач информационной безопасности. По нашему мнению, задачей государственных структур должно быть не столько жесткое ограничение подозрительной информации и деятельности по её распространению, сколько способность реализовать стратегические задачи информационной безопасности в условиях открытого информационного пространства. В экспертном заключении президентского совета по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ), посвящённому принятию Государственной Думой законов о «фейковых новостях», отмечается, что российское гражданское общество демонстрирует достаточно высокий уровень информационной компетентности, поэтому «принятие управленческих решений без должного общественного обсуждения лишь повысит социальную нестабильность в обществе»²²⁸. Заключение содержит критические отзывы относительно законопроектов и подчёркивает, что оптимальным способом противодействия распространению недостоверной информации («фейковых новостей») по общественно значимым темам является «оперативное предоставление обществу официальными органами власти максимально полной информации, а также наличие независимых экспертных мнений»²²⁹.

В этом Заключении содержится важное положение о том, что роль государства отнюдь не ограничительная, но напротив, она состоит в предоставлении полной, достоверной информации гражданскому обществу, адекватно раскрывающей суть тех или иных событий, а также обеспечивающей свободный обмен мнениями в информационном пространстве. Это означает,

²²⁸СПЧ просит Совет Федерации отклонить законопроекты о наказаниях за фейковые новости и неуважение к власти [Электронный ресурс]. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5324/> (дата обращения 1.05.2020).

²²⁹Там же.

что между государством и гражданским обществом в информационном пространстве должна существовать субъект-субъектная связь.

Такое положение не противоречит точке зрения российского учёного М.М. Кучерявого, который, говоря об информационном суверенитете, понимает под ним «верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики»²³⁰. Естественно, что в сфере внешних отношений государство должно выступать как «единое лицо» (Т. Гоббс), ответственное за обеспечение безопасности. В то же время, в сфере внутренних отношений, по нашему мнению, именно государственно-негосударственное партнёрство в информационной сфере обеспечивает безопасность и стабильность. Активность государства, как основного проводника национально-патриотических идей и ценностей в информационном пространстве, с одной стороны, и присутствие негосударственных (частных, гражданских) структур, с их креативностью, оперативностью, разнообразием подходов и точек зрения, с другой, формируют баланс между демократическими ценностями современного общества и сохранением национально-культурной идентичности.

Так или иначе, но путь к достижению политической стабильности лежит через диалог власти и общества, а не через сокращение информационного пространства путем цензурирования и блокировки ресурсов.

Национальное информационное пространство формирует определенную информационную среду, внутри которой происходит формирование личности, через которую ведется трансляция ценностей и идеалов и их внедрение в общественное сознание. Информационная безопасность предполагает, прежде всего, наличие суверенного информационного пространства, которое способствует воспроизводству *«культурной матрицы»*, лежащей в основе национального самосознания. Очевидно, что политическая стабильность достигается в том обществе, которое, несмотря на разнообразие политических

²³⁰Кучерявый, М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015а. № 2 (74). С. 14.

взглядов, сохраняет свою национальную идентичность. Ориентир на приоритет национальных интересов, лежащий в основе гражданской и политической позиции человека, является иммунитетом человека и общества от попытки навязать выбор в пользу антигосударственной деятельности. При грамотной информационной политике государства присутствие в информационном поле иностранных информационных ресурсов не несет опасности для сознания людей и политической стабильности общества, поскольку не затрагивает базовых политических установок. Информационная безопасность вовсе не требует тотального контроля над информацией и жесткого цензурирования, поскольку предполагает возможность человека самостоятельно осуществлять «фильтрацию» поступающей информации, и способность дать ей объективную оценку.

Следует, однако, иметь в виду, что способность давать самостоятельную и объективную оценку предлагаемой информации не возникает сама по себе — она является результатом формирования, воспитания и образования человека в определенной социокультурной среде, которая сформирует в нем критическое восприятие любой поступающей информации. Именно поэтому основой информационного иммунитета является возрождение в стране гуманитарного (духовного, нравственного) и, в конечном счёте, патриотического начала, что является фактором национальной безопасности любого государства. Очевидно, что без развернутой государственной информационной кампании, обеспечивающей интеграцию общества, объединения народов России, формирования чувства причастности и патриотического отношения к своей стране реализовать задачу обеспечения безопасности не представляется возможным. Внятная государственная информационная политика, отражающая национальные интересы, а не «дрейфующая» в зависимости от продиктованного глобальной медиареальностью направления, предполагает формирование мировоззренческих основ общества на базе национальной культуры, традиций и общей ценностной основы.

Сегодня эта задача становится более чем актуальной в связи с разразившейся эпидемией коронавируса COVID-19. Ранее мы отмечали экономические последствия эпидемии. Но она имеет и свои социогуманитарные последствия. Политика самоизоляции, проводимая в нашей стране, как и в других, может повлечь за собой серьезные социальные изменения. В частности, мы наблюдаем сегментацию информационного и общественного поля, чреватую формированием в каждом из сегментов особой системы ценностей. Конвергенция ценностей затруднена, поэтому возрастает риск увеличения числа конфликтов, в которые люди могут втягиваться и вовлекаться ситуационно, часто под воздействием сиюминутного настроения. Что сегодня и наблюдается в информационном пространстве, которое постоянно сотрясают скандалы и выяснение отношения между публичными персонажами: политиками, спортсменами, деятелями шоу-бизнеса, журналистами, блогерами, комментаторами, экспертами и т. д. В эти конфликты вовлекается людей намного больше, чем самих фигурантов скандалов.

Имеет ли практический смысл эскалация информационных склок и расширение сферы конфликтов с привлечением на свою сторону максимального числа сочувствующих? Вероятно, да. Особенно для тех, кто готовится извлечь для себя максимум политических, информационных и иных дивидендов. Нужно ли самим людям добровольно вовлекаться в этот бесконечный поток словесного хамства, безыдейности, лукавства и фальши?

Период самоизоляции, даже если он не затянется надолго, дает пищу для размышлений психологов, социологов, философов, поскольку порождает новое качество социальных отношений. На них скажется привычка во всех смыслах соблюдать «социальную дистанцию». В период карантинных мероприятий и самоизоляции многие пытаются искать форматы преодоления своего одиночества. Это социальные сети, это YouTube с видеоколлажами его обитателей — то, на что в обстановке обычной жизни у большинства нет времени. А когда оно появилось, то стало шансом для политиков на

наращивание аудитории. Парадокс ситуации в том, что информационные и политические битвы ведут люди, заряженные и мотивированные, но использующие людей случайных. Проблема состоит не только в тематике, но и в характере обсуждения, уровне исходной и конечной ожесточенности и поляризации. К сожалению, заметен дефицит политической грамотности населения, которого десятилетия кормили пропагандой, оберегая от сознательного и осознанного выбора. Это приводит к упрощению политического дискурса до примитивного выбора между «своим» и «чужим». «Свои» и «чужие» слишком быстро меняются местами в истории нашей страны, что мы ранее подчеркивали, и что только доказывает конъюнктурный характер исходного деления. Настоящий прогресс общества невозможен без людей, оснащённых всем набором инструментов для информированного и ответственного выбора между добром и злом ради блага страны. Задача ответственной информационной политики – просвещение людей, рассказ о неоднозначности последствий тех или иных решений, об относительной ценности «подавляющего большинства» сторонников.

Современное государство тем и отличается от государства традиционного, что в нём подчёркнуто заботятся о политических и иных правах тех, чье мнение не всегда совпадает с официальной линией, ибо предсказуемость и защищенность жизни вытекает из конституционных и правовых гарантий не только большинству, но и меньшинствам. В обществах, где такие права отсутствуют, власть удерживают до последнего, а уровень доверия ничтожен: в обещания и гарантии никто не верит. Такие общества несут в себе заряд политической нестабильности.

Таким образом, обеспечение политической стабильности общества в качестве цели предполагает проведение политики, оставляющей за человеком возможность свободного самоопределения в информационном пространстве также, как и свободного политического выбора, не противоречащего национальным интересам страны. Именно так можно усиливать положительное влияние преобразований через их информационное сопровождение, а также

нивелировать действие агрессивных информационных атак, направленных на дестабилизацию общества. Напротив, информационная политика, построенная по принципу ограничения информации, сокращения числа информационных каналов и снижения их пропускной способности, напротив, приводит к тому, что любой информационный взброс способствует росту антигосударственных настроений, в то время как официальная информационная линия снижает свою стабилизационную функцию.

Значительную роль в реализации такой политики может сыграть гуманитарная наука. Представляется, однако, что отсутствие четко выраженного гуманитарного фокуса на проблему информационной безопасности приводит к тому, что реализация политики информационной безопасности и в целом государственного управления происходит в отрыве от отечественной гуманитарной науки. В результате огромный потенциал гуманитарной науки в стране оказывается маловостребован. Складывается ситуация, когда наука управления и управленческая практика ведут параллельное сосуществование, лишь изредка пересекаясь друг с другом. Стратегический подход к вопросам государственного управления, информационной безопасности и политической стабильности предполагает долгосрочную перспективу с опорой на научные знания. Опора на научные достижения в решении государственных задач является важнейшим принципом государственной деятельности. В какой-то мере здесь могут служить примером США, в которых представители научного сообщества занимали крупнейшие государственные посты — президента (В. Вильсон), советников президентов США по национальной безопасности (Г.Моргентау, Г.Киссинджер, З.Бжезинский, К.Райс). Очевидно, что общественно значимые политические решения должны быть согласованы с рекомендациями научного сообщества. Данная практика очевидно должна присутствовать и в России, причем присутствовать не только в таких важных областях, как военная или экономическая безопасность, но и безопасность информационная.

Подводя итоги исследованию, проведенному в третьей главе, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, основные угрозы политической стабильности российского общества имеют внутреннее и внешнее происхождение. В обоих случаях они носят комплексный характер, включая в себя проблемы экономического, политического (военно-политического) и информационного характера. Внутренние угрозы связаны с разрывом между номинальным и реальным механизмами политического управления и необходимостью выстраивания политической модели, преодолевающей этот разрыв и указывающей на вектор дальнейшего развития российского общества, основанный на реальных интересах и требованиях российского общества.

Установившееся противоречие между реальной политической практикой и формально присутствующими структурами приводит к рассогласованности между общественными требованиями и ожиданиями, с одной стороны, и функционированием политической системы, с другой. Такое несоответствие формы и содержания является прямой угрозой политической стабильности, поскольку скрывает реальные механизмы функционирования политической системы.

Во-вторых, указанное выше противоречие властного функционирования, а также вытекающие из него следствия, обозначают внутренние угрозы политической стабильности в России. Сама политическая стабильность российского общества, опирается исключительно на социокультурную особенность российского общества и его исторически сложившееся свойство персонификации власти, где любая политическая фигура воспринимается как «символ веры», а не как функция. Однако, в современном мире без социальных преобразований и механизмов реального представительства общественных интересов в политических программах и современной политической практике, такая стабильность вряд ли может рассчитывать на длительную перспективу.

В-третьих, внешние угрозы, ввиду отсутствия угрозы прямого военного вмешательства, главным образом сводятся к воздействиям экономического и

информационного характера. Информационные угрозы для современной России, выступающие в роли факторов дестабилизации, направлены на усиление внутренних проблем и противоречий. Первой и очевидной угрозой является информационно-технологическая зависимость России. Вторая состоит в способе использования информационно-коммуникативных технологий. Эта угроза имеет не только внешнее, но и внутреннее происхождение.

Когда речь идет о внешнем происхождении этой угрозы, имеются в виду, во-первых, включенность России в глобальное информационное пространство, контролируемое внешними силами; во-вторых, многочисленные примеры информационных войн, ведущихся с помощью современных информационных средств и направленных на дискредитацию российского государства и общества как в глазах мировой общественности, так и в российском общественном мнении.

Внутренние угрозы, в отличие от внешних, далеко не всегда становятся результатом целенаправленных действий. Часто они становятся побочным продуктом внедрения информационных технологий в практику государственных и политических структур. Так, с одной стороны, внедрение электронных технологий повышает эффективность процессов производства и управления. С другой стороны, информационно-коммуникативные технологии могут также являться инструментами контроля государства над гражданами.

В-четвертых, политическая стабильность в обществе во многом обусловлена тем, в чьих руках находится контроль над информационными ресурсами и как эти ресурсы используются. Сегодня решение задачи обеспечения политической стабильности общества не может быть осуществлено без формирования суверенной информационной системы, защищенной от технологически более развитых держав.

В-пятых, основным средством достижения политической стабильности российского общества через обеспечение его информационной безопасности выступает государственная информационная политика, включающая комплекс мер, направленных на информационную поддержку деятельности государства и

решение внутри- и внешнеполитических задач. Но главной ее задачей, по нашему мнению, является обеспечение общественной поддержки деятельности государства как во внутренней, так и во внешней политике.

В-шестых, ключевым направлением государственной информационной политики является политика информационной безопасности государства, также имеющая свою внешнюю и внутреннюю составляющую. Внешняя предполагает защиту от внешнего информационно-коммуникационного воздействия, объектом которого становится политическое сознание населения государства, а также его информационная инфраструктура. Внутренняя направлена на обеспечение устойчивости существующей политической системы и сложившегося политического режима, а также на достижение общественного консенсуса по поводу целей и базовых ценностей общества и государства.

В-седьмых, обеспечение политической стабильности общества в качестве цели предполагает проведение информационной политики, оставляющей за человеком возможность свободного выбора и самоопределения в информационном пространстве также, как и свободного политического выбора, не противоречащего национальным интересам страны. Напротив, информационная политика, построенная по принципу ограничения информации, также как и ограничения ее доступности, приводит к тому, что любой информационный «вброс» способствует росту антигосударственных настроений, в то время как официальная информационная линия снижает свою стабилизационную функцию.

Заключение

Завершая работу, хочется отметить, что в информационном обществе, где основополагающей ценностью признается интеллектуальный капитал, информация становится важнейшим ресурсом жизнедеятельности, оказывающим определяющее влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и на политическую. Безусловно, в международном сообществе, как и внутри отдельных стран, ведётся борьба, порой ожесточенная, за этот ресурс, за право на обладание им и на его использование. Сложившаяся ситуация существенно влияет на подходы к обеспечению суверенитета, безопасности, национальных интересов. Обеспечение информационной безопасности становится не просто актуальной проблемой, но выходит на первый план в перечне других аспектов национальной безопасности.

В настоящей работе была предпринята попытка установить зависимость между обеспечением информационной безопасности, с одной стороны, и достижением политической стабильности — с другой. Для решения этой задачи было необходимо выработать понимание сущности информационной безопасности и определить условия, в том числе и информационные, при которых может быть достигнута политическая стабильность общества.

Проведенное исследование привело автора к следующим результатам.

Во-первых, многочисленные подходы к определению информационной безопасности не столько проясняют, сколько, порой, препятствуют ясности в понимании ее сущности. Позиция автора состоит не в противопоставлении одних подходов другим, а в учете при анализе информационной безопасности в соответствии с принципом дополнительности всех подходов к ее определению.

Исходя из сказанного, мы можем определить информационную безопасность как способность системы любого типа (социальной, технической и др.) сохранять свою качественную определенность, целостность и устойчивость в условиях деструктивного воздействия любых факторов

информационного характера.

Данная формулировка подчеркивает понимание информационной безопасности не только как устойчивого состояния, но и как неотъемлемой части непрерывного процесса информационного обмена социальной системы с окружающей ее средой. Учитывая контекст и цели настоящего исследования, автор основной акцент сделал на последнем утверждении.

Во-вторых, анализ подходов к определению информационной безопасности в отечественной и зарубежной литературе показывает, что отечественные специалисты дают более широкую и всестороннюю трактовку данного понятия. Англоязычная литература апеллирует преимущественно к технико-технологической стороне информационной безопасности. Отечественные исследователи рассматривают информационную безопасность и с точки зрения технико-технологической (защита информации, а также информационной инфраструктуры), и с точки зрения социокультурной (защита мировоззренческих основ общества, его культуры, обычаев и традиций).

В-третьих, мы имеем все основания говорить о том, что в вопросах обеспечения информационной безопасности ее субъекты и объекты совпадают, поскольку все в равной степени заинтересованы в защите своей информации и защите от чужой деструктивной информации. Вместе с тем, в ряду многочисленных субъектов информационной безопасности особое место занимает государство в силу того, что именно оно располагает исключительными возможностями и ресурсами, особенно нормативно-правовыми и технологическими, для эффективного решения задач в информационной сфере.

В-четвертых, отталкиваясь от предыдущих выводов, можно классифицировать угрозы и, как следствие, основные направления и формы деятельности государства по обеспечению информационной безопасности. Мы полагаем, что к таковым можно отнести: во-первых, нормативно-правовое направление деятельности; во-вторых — технологическое; наконец, в-третьих — социокультурное.

В-пятых, предельно обобщенное определение политической стабильности в авторской интерпретации выглядит следующим образом: политическая стабильность — это такое состояние общества и его политической системы, которое обеспечивает их воспроизводство и контролируемое развитие в условиях внутренних и внешних дезорганизующих воздействий.

Это определение позволяет рассматривать достижение политической стабильности как комплексную проблему, решение которой следует искать на путях снижения социально-политической напряженности в обществе и достижения на основе компромисса интересов разных политически значимых социальных групп, их согласия по выбору направления дальнейшего развития (экономического, политического и пр.). Указанное определение индифферентно по отношению к типу политического режима, снимая тем самым убежденность в том, что стабильность достигается лишь в демократических системах. Кроме того, в определении подчеркивается динамический характер как самой политической системы, так и взаимодействия между властью и обществом. Политическая стабильность не отрицает, но, напротив, предполагает общественные трансформации при сохранении качественных параметров конкретной политической системы. В силу динамического характера общественно-политических взаимодействий, очевидно, что достичь абсолютной стабильности невозможно, ибо это означало бы конец динамики, эволюции социальной и политической жизни данного общества.

В-шестых, на основе исследования способов достижения и поддержания феномена политической стабильности можно заключить, что большими эвристическими возможностями в решении задач определения параметров и стратегии достижения политической стабильности обладает конфликтологический подход.

Проблема социальных и политических конфликтов, подрывающих стабильность общества, всегда стояла в центре внимания конфликтологов, которые пытались найти способы прогнозирования социальных конфликтов, их предупреждения, разрешения и минимизации негативных последствий уже

случившегося конфликта. По мнению автора, именно конфликтологический подход к проблеме обеспечения политической стабильности может дать необходимый инструментарий для ее решения.

В-седьмых, механизмы снижения уровня конфликтности и обеспечения политической стабильности связаны с реализацией тех функций политической системы, от которых зависит ее существование и воспроизводство. В качестве таких функций выступают политическая социализация, политическое рекрутирование и политическая коммуникация. Используя механизмы политической социализации политическая система «привязывает» к себе индивида, формирует его в духе лояльности и, тем самым, обеспечивает свое воспроизводство и свою легитимность. Посредством политического рекрутирования обеспечивается открытость элиты, представительство во власти интересов различных социальных групп, высокая политическая компетентность должностных лиц — неперенные атрибуты стабильной политической системы. Наконец, политическая коммуникация внутри политической системы (между отдельными ее институтами), а также между системой и ее средой, т. е. обществом — создает предпосылки неконфликтного взаимодействия всех сторон политического процесса: власти получают от общества информацию, необходимую для принятия решений, общество получает от власти информацию, разъясняющую необходимость принятия тех или иных решений.

В-восьмых, основные угрозы политической стабильности российского общества имеют внутреннее и внешнее происхождение. При этом, обеспечение политической стабильности является внутренней задачей, выполнение которой нейтрализует и внешние угрозы. Внутренние угрозы обусловлены разрывом между реальной политической практикой и формально присутствующими структурами, которая приводит к рассогласованности между общественными требованиями и ожиданиями, с одной стороны, и функционированием политической системы, с другой. Преодоление разрыва связано с необходимостью выстраивания политической модели, отвечающей реальным

механизмам политического управления, и указывающей на вектор дальнейшего развития российского общества, основанный на реальных интересах и требованиях российского общества.

В-девятых, внешние угрозы, ввиду отсутствия угрозы прямого военного конфликта, главным образом сводятся к воздействиям экономического и информационного характера. Информационные угрозы для современной России, выступающие в роли факторов дестабилизации, направлены на усиление внутренних проблем и противоречий. Первой и очевидной угрозой информационного характера является технологическая зависимость России.

Вторая угроза информационного характера состоит в способе использования информационно-коммуникативных технологий. Эта угроза имеет как внешнее, так и внутреннее происхождение.

Когда речь идет о внешнем происхождении этой угрозы, имеются в виду многочисленные примеры информационных войн, ведущихся с помощью современных информационных средств и направленных на дискредитацию российского государства и общества, как в глазах мировой общественности, так и в российском общественном мнении.

Внутренние угрозы, в отличие от внешних, далеко не всегда становятся результатом целенаправленных действий. Часто они становятся побочным продуктом внедрения информационных технологий в практику государственных и политических структур. Так, с одной стороны, внедрение электронных технологий повышает эффективность процессов производства и управления. С другой стороны, информационно-коммуникативные технологии могут также являться инструментами контроля государства над гражданами.

В-десятых, политическая стабильность в обществе во многом обусловлена тем, в чьих руках находится контроль над информационными ресурсами и как эти ресурсы используются. Сегодня решение задачи обеспечения политической стабильности общества не может быть осуществлено без обеспечения его информационной безопасности как важнейшей составляющей национальной безопасности. Сложность такой

задачи заключается в поиске баланса между неизбежным погружением России в глобальное информационно-коммуникационное пространство, влияющее на отечественную систему политического управления, и формированием суверенной системы информационного взаимодействия, защищенной от технологически более развитых держав.

В-одиннадцатых, ключевым направлением государственной информационной политики является политика информационной безопасности государства, также имеющая свою внешнюю и внутреннюю составляющую. Внешняя предполагает защиту от деструктивного внешнего воздействия, целью которого становится сознание населения государства, а также его информационная инфраструктура. Внутренняя направлена на обеспечение устойчивости существующей политической системы и сложившегося политического режима, а также на достижение общественного консенсуса по поводу целей и базовых ценностей общества и государства.

Наконец, обеспечение политической стабильности общества в качестве цели предполагает проведение информационной политики, оставляющей за человеком возможность свободного выбора и самоопределения в информационном пространстве также, как и свободного политического выбора, не противоречащего национальным интересам страны. Напротив, информационная политика, построенная по принципу ограничения информации, также как и ограничения доступности информации, напротив, приводит к тому, что любой информационный «вброс» способствует росту антигосударственных настроений, в то время как официальная информационная линия снижает свою стабилизационную функцию.

Список литературы

Книги

1. Абросимов, Н.В. Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты: словарь терминов и определений: монография/ Н.В. Абросимов. - М.: Междунар. гуманитар. общ. фонд «Знание» им. академ. К.В. Фролова, 2015. – 936 с.
2. Алмонд, Г., Пауэлл, Дж., Стром, К., Далтон, Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж., Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон; сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. - М.: Аспект Пресс, 2002. - 537 с.
3. Астафьева, Л.Н. Глобальный мир и глобальные угрозы в контексте национального суверенитета/ Л.Н. Астафьева. – М.: Инфра-М, 2014. – 488 с.
4. Атаманов, Г.А. Агасофия информации: Природа информации. Информационная модель мира: монография / Г.А. Атаманов; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования "Волгогр. гос. ун-т". – Волгоград.: изд-во «ВолГУ», 2017. - 122 с.
5. Бард, А., Зодерквист, Я. NetoKratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист; пер. со шведского яз. - СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. - 252 с.
6. Баров, С.А. Политическая стабильность: методология сравнительных исследований, анализ региональных проблемных зон / С.А. Баров. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2012. – 227 с.
7. Бачило, И.Л. Информационное право: основы практической информатики / И.Л. Бачило. – М.: изд-во «Юринформцентр», 2001. – 352 с.
8. Богатуров, А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970-90-е гг. / А.Д. Богатуров. - М.: МОНФ: ИСК РАН, 1996. - 59 с.
9. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н.

Винер. - М.: Сов. радио, 1968. – 326 с.; М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.

10. Винер, Н. Я – математик / Н. Винер. - М.: Наука, 1967. – 354 с.

11. Владимирова, Т.В. Социальная природа информационной безопасности: монография / Т.В. Владимирова. – М.: АНО изд. дом «Научное обозрение», 2014. – 239 с.

12. Внешнеполитическая информация и современная дипломатия / Отв. ред. Ю.Б. Кашлев. - М.: Дипломатическая академия МИД России, 2001. – 233 с.

13. Возжеников, А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия / А.В. Возжеников. – М.: Модуль, 2000. – 234 с.

14. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Соч. в 2-х т. Т.2. –М.: Мысль,1991. – 731 с.

15. Граничев, В.М. Факторы обеспечения политической стабильности в российском обществе / В.М. Граничев. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 387 с.

16. Грачев, Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Г.В. Грачев. – М.: изд-во РАГС, 1998. – 125 с.

17. Гриняев, С.Н. Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны / С.Н. Гриняев. - М.: Харвест, 2004.–448с.

18. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И Даль. - М.: Русский язык, 1989. – 779 с.

19. Ефимов, Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России: научно-методическая разработка к курсу профессора А.А. Кокошина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова / Н.Н. Ефимов. - М.: Инфра-М, 2011. - 365 с.

20. Жуков, В.И., Краснов, Б.И. Общая и прикладная политология / В.И.

Жуков, Б.И. Краснов. – М.: МГСУ: Союз, 1997. – 992 с.

21. Засурский, И.И. Медиаполитическая система: Средства массовой информации России / И.И. Засурский; под ред. Я.Н. Засурского. - М.: Аспект Пресс, 2011. – 114 с.

22. Засурский, И.И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы / И. И. Засурский. - М.: изд-во МГУ, 2001. – 288 с.

23. Зиновьев, А.А. Идеология партии будущего / А.А. Зиновьев. - М.: изд-во «Алгоритм», 2003. – 240 с.

24. Зиновьев, А.А. Планируемая история: Запад. Посткоммунистическая Россия. Гибель русского коммунизма / А.А. Зиновьев. - М.: изд-во «АСТ», 2009. – 544 с.

25. Зубкова, А.И. Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования / А.И. Зубкова; под ред. В.Г. Иванова. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2012. – 237 с.

26. Иванов, В.Н. Политическая социология / В.Н. Иванов. - М.: Мысль, 2000. - 367 с.

27. Илюшенко, В. Н. Информационная безопасность общества: учеб. пособие для ВУЗов / В. Н. Илюшенко. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1998. – 425 с.

28. Информационная безопасность России / Ю.С. Уфимцев, А.Е. Ерофеев и др. – М.: изд-во «Экзамен», 2007. – 308 с.

29. Информационные вызовы национальной и международной безопасности / И.Ю. Алексеева и др.; под общ. ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. – М.: ПИР-Центр, 2001. – 328 с.

30. Каган, М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган. - М.: Политиздат, 1988. – 280 с.

31. Каган, М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа) / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
32. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / М. Кастельс; под редакцией В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. –505 с.
33. Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / Отв. ред. М.Б. Касенова; сост. О.В. Демидов и М.Б. Касенова. – М.: изд-во «Статут», 2013. – 464 с.
34. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В.В. Львова. - М.: изд-во «Ладомир», 1997. – 848 с.
35. Ключевский, В.О. Курс русской истории / Сочинения. В 9 т. Т.1. - М.: Мысль, 1987. – 430 с.
36. Ковалев, М.Д. Истоки и риски политической нестабильности в развивающихся странах / М.Д. Ковалёв. - М.: ИНИОН РАН, 2013. 472 с.
37. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер; пер. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. Книги, 2000. – 205 с.
38. Колесников, В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России / В.Н. Колесников. – СПб.: изд-во «Герда», 2010. – 176 с.
39. Коэн, Дж. Л., Арато, Э. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Л. Коэн, Э. Арато; пер. с англ. – М.: изд-во «Весь Мир», 2003. – 784 с.
40. Краснов, Б.И. Политическая стабилизация и политическая стабильность: методология исследования / Б.И. Краснов. - М.: ИНИОН РАН, 2013. - 488 с.
41. Критически важные объекты и кибертерроризм / [О. О. Андреев и др.; под ред. В. А. Васенина]. – М.: изд-во МЦНМО, 2008. – 398 с.
42. Лазарев, И.А. Информация и безопасность. Композиционная технология / И.А. Лазарев. – М.: изд-во МГЦНТИ, 2002, - 262 с.
43. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман; пер. с англ. Т.В.

Барчуновой. - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 169 с.

44. Лопатин, В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство / В.Н. Лопатин. – СПб.: Фонд Университет, 2000. – 424 с.

45. Лопатин, В.Н. Правовые основы информационной безопасности / В.Н. Лопатин. – М: изд-во МИФИ, 2000. – 356 с.

46. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография / А.В. Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.

47. Манойло, А.В., Петренко, А.И., Фролов, Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2012. – 543 с.

48. Миллс, Р. Властвующая элита / Р. Миллс; пер. с англ. Е.И. Розенталь. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. - 543 с.

49. Мирошников, Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. Взгляд / Б.Н. Мирошников. – М.: Инфорос, 2012. – 202 с.

50. Митин, В.М. Обеспечение информационной безопасности в условиях информационной войны / В.М. Митин. – М.: Инфра-М, 2016. – 334 с.

51. Моисеев, Н.Н. Алгоритмы развития / Н.Н. Моисеев. – М.: Наука, 1987. – 304 с.

52. Моисеев, Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.

53. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль; пер. с фр.; предисл. Б.В. Бирюкова. - М.: изд-во ЛКИ, 2008. – 416 с.

54. Морозов, А.В, Полякова, Т.А. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности: монография / А.В. Морозов, Т.А. Полякова. – М.: РПА Министерства юстиции России, 2013. – 273 с.

55. Новиков, В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. 2-е изд. / В.К. Новиков. – М.: Горячая линия – Телеком, 2014. – 262 с.
56. Общая теория национальной безопасности: Учебник / [Возжеников А.В. и др.]; под общ. ред. А.А. Прохожева. – 2-е изд., доп. – М.: изд-во РАГС, 2005. – 344 с.
57. Ожегов, С.И. Словарь русского языка /С.И. Ожегов. - М.: изд-во «Русский язык», 1990. – 917с.
58. Панарин, А.С. Испытание глобализмом/ А.С. Панарин. - М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 415 с.
59. Панарин, И.Н. Информационная война, PR и мировая политика/ И.Н. Панарин. – М.: Горячая линия–Телеком, 2006. – 351 с.
60. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето; пер. с ит. А.А. Зотова; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М.С. Ковалевой. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
61. Пивоваров, Ю.С. Полная гибель всерьез / Ю.С. Пивоваров. - М.: РОССПЭН, 2004. – 320 с.
62. Поздняков, Э.А. Философия политики / Э.А. Поздняков. - М.: изд-во «Весь Мир», 2014. – 544 с.
63. Полякова, Т.А. Информационная безопасность в условия построения в России информационного общества / Т.А. Полякова. – М.: РПА Министерства юстиции России, 2007. – 270 с.
64. Постникова, Л.С. Политическая стабильность как фактор развития политической системы / Л.С. Постникова. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – 675 с.
65. Расторгуев, С. П. Основы информационной безопасности : учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений / С. П. Расторгуев. – 2-е изд., стер. – М.: изд. центр «Академия», 2009. – 204 с.

66. Расторгуев, С.П. Философия информационной войны / С.П. Расторгуев. – М.: Московский психолого-социальный ин-т, 2003. – 495 с.
67. Расторгуев, С.П., Литвиненко М.В. Информационные операции в сети Интернет / С.П. Расторгуев, М.В. Литвиненко; под ред. А.Б. Михайловского. – М.: АНО ЦСОиП, 2014. – 128 с.
68. Романович, А.Л. Перспективы развития и обеспечение безопасности: философско-методологические проблемы / А.Л. Романович. - М.: изд-во МГУК, Изд. дом «Друг», 2002. – 256 с.
69. Российская Федерация в цифрах. 2019: Краткий стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России). — М.: Респ. информ. изд. центр, 1993-2019. - 549 с.
70. Рубин, Дж., Пруйт, Д., Ким ХеСунг. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение / Дж. Рубин, Д. Пруйт, Ким Хе Сунг. - СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 344 с.
71. Стрельцов, А.А. Государственная информационная политика: основы теории / А.А. Стрельцов; под общ. ред. В.А. Садовниченко, В.П. Шерстюка. – М.: изд-во МЦНМО, 2010. – 107 с.
72. Стрельцов, А.А. Обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы / А.А. Стрельцов; под ред. В. А. Садовниченко и В. П. Шерстюка – М.: изд-во МЦНМО, 2002. – 289 с.
73. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер; пер. с англ. В. В. Белокосков и др.; науч. ред., авт. предисл. П. С. Гуревич. – М.: изд-во «АСТ», 2003. – 669 с.
74. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. Л.М. Бурмистрова, К.Л. Татаринова. – М.: изд-во «АСТ», 2010. – 800 с.
75. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. - М.: изд-во «АСТ», 2010. – 588 с.
76. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю.

Хабермас; пер. с нем; под ред. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2000. – 377 с.

77. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон; пер. с англ. В.Р. Рокитянского. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

78. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Ю. Новикова. - М.: изд-во «АСТ», 2003. – 603 с.

79. Хейвуд, Э. Политическая стабильность и политическая устойчивость в демократических системах / Э. Хейвуд. - М.: ИНИОНРАН, 2012. – 502 с.

80. Шабров, О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития / О.Ф. Шабров. – М.: Интеллект, 1997. – 200 с.

81. Шварценберг, Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. Ч. 1. / Р.-Ж. Шварценберг; пер. с фр. - М.: Российская академия управления, 1992. – 180 с.

82. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике: сборник статей / К. Шеннон; пер. с англ.; с предисл. А. Н. Колмогорова; под ред. Р. Л. Добрушина и О. Б. Лупанова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 830 с.

83. Эшби, У.Р. Введение в кибернетику/ У.Р. Эшби; пер. с англ. Д.Г. Лахути; под ред. В.А. Успенского; с предисл. А.Н. Колмогорова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 432 с.

84. Adams, N., Heard, N., Rubin-Delanchy, P., Turcotte, M. Data Science For Cyber-security / N. Adams, N. Heard, P. Rubin-Delanchy, M.Turcotte. – Singapore: World Scientific Publishing, 2018. - 304 p.

85. Alsmadi, I. The NICE Cyber Security Framework: Cyber Security Intelligence and Analytics / I. Alsmadi. –N.Y.: Springer Publishing, 2019. - 354 p.

86. Andress, J. Foundations of Information Security: A Straightforward

Introduction / J. Andress. –San-Francisco: No Starch Press, 2019. – 380 p.

87. Benson, V., Mcalaney, J. Emerging Cyber Threats and Cognitive Vulnerabilities / V. Benson, J. Mcalaney. – N.Y.: Academic Press, 2019. – 252 p.

88. Brooks, C., Grow, C., Craig, P., Short, D. Cybersecurity Essentials / C. Brooks, C. Grow, P. Craig, D. Short. – N.Y.: John Wiley & Sons, 2018. - 784 p.

89. Bulut, A.T., Yildirim, T.M. Political Stability, Democracy and Agenda Dynamics in Turkey / A.T. Bulut, T.M. Yildirim. – London, Berlin: Springer Nature, 2019. – 198 p.

90. Camp, R. Mexico's Political Stability: The Next Five Years/ R.Camp. – London: Routledge, 2019. – 280 p.

91. Carey, M., Jin, J. Tribe of Hackers Security Leaders: Tribal Knowledge from the Best in Cybersecurity Leadership / M. Carey, J. Jin.–N.Y.: John Wiley & Sons, 2020. – 320 p.

92. Castells, M. Rupture: The Crisis of Liberal Democracy / M. Castells. – N.Y.: John Wiley & Sons, 2018. – 176 p.

93. Castillo, G. Obstacles to Peacebuilding / G. Castillo.–London: Routledge, 2017. - 200 p.

94. Coleman, J.S. Community conflict / J.S. Coleman. - N.Y.: The FreePress, 1957. –32 p.

95. Cornell, A., Møller, J., Skaaning, S.-E. Democratic Stability in an Age of Crisis / A. Cornell, J. Møller, S.-E. Skaaning. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 288 p.

96. Coser, L. Functions of Social Conflict / L. Coser.– Glencoe, Illinois: The FreePress, 1956. – 188 p.

97. Curtis, R., Campbell, D. Building A Global Information Assurance Program/R. Curtis, D. Campbell. –Boca Raton, Florida: CRC Press, 2017. – 424 p.
98. Deutsch, K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control / K. Deutsch. – N.Y.: The FreePress, 1963. - 316 p.
99. Dukhan, H. State and Tribes in Syria: Informal Alliances and Conflict Patterns / H.Dukhan. – London: Routledge, 218. – 182 p.
100. Easton, D. A Framework for Political Analysis. Chapter Seven / D. Easton. - Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1965. - 143 p.
101. Easton, D. Categories for the Systems Analysis of Politics. Varieties of Political Theory / D. Easton. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966. – 154 p.
102. Easton, D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science / D. Easton. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1953. – 320 p.
103. Gelinas, U. J., Dull, R. B. Accounting information systems (7th edition) / U.J. Gelinas, R.B. Dull. - Cincinnati, OH: South-Western College Pub., 2008. – 720 p.
104. Greenberg, A. Sandworm: A New Era of Cyberwar and the Hunt for the Kremlin's Most Dangerous Hackers / A. Greenberg. – N.Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2019. - 368 p.
105. Hammes, T. Deglobalization and International Security / T. Hammes. – N.Y.: Cambria Press, 2019. – 290 p.
106. Heyer, P. Communications and History: Theories of Media. Knowledge, and Civilization / P. Heyer. - N.Y.: Greenwood Press, 1988. – 214 p.
107. Innis, H.A. Empire and Communications / H.A. Innis. – Oxford: Clarendon Press, 1950. - 219 p.
108. Innis, H. The Bias of Communication / H.Innis. - Toronto: Toronto University Press, 2008. – 304 p.

109. Lebow, R.N. The Rise and Fall of Political Orders / R.N. Lebow. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 436 p.
110. Lippman, W. US Foreign Policy: Shield of the Republic / W. Lippman. – Boston: Little, Brown and Company, 1943. – 177 p.
111. Masuda, Y. The Information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. - Washington, DC: World Future Society, 1981. – 171 p.
112. Michels, R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie / R. Michels. - Leipzig: Verlag von Dr. Werner Klinkhardt, 1911.– 469 p.
113. National Institute of Standards and Technology [NIST]. Glossary of key information security terms (IR No. 7298). – Gaithersburg,MD: NIST Pub., 2018. – 222 p.
114. Simmel, G. Soziologie: Untersuchungenuber die Formen der Vergesellschaftung / G. Simmel. - Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1908. – 578 p.
115. Stalling, W. Effective Cybersecurity: A Guide to Using Best Practices and Standards / W.Stalling. –Boston: Addison-Wesley Professional, Pearson PLS, 2018. - 650 p.
116. Sutton, D. Cyber Security: A Practitioner's Guide / D. Sutton. – Swindon, England: BCS Learning & Development Limited, 2017. – 222 p.

Нормативные правовые акты

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации № 1895 09 сентября 2000 г., утратила силу 5 декабря 2016 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28769/
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Указ

Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 г.: по состоянию на 10 октября 2020 г.]. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10

3. О безопасности [закон Российской Федерации: принят 5 марта 1992 г., утратил силу 28 декабря 2010г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/

4. О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: [Указ Президента Российской Федерации №31 от 18 марта 2019 г.] [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. - Режим доступа: URL.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606593-7>

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: [федер. закон: принят Гос.Думой 16 апреля 2019 г.: по состоянию на 20 января 2020 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/

6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года: [Указ Президента Российской Федерации № 204 7 мая 2018 г.: по состоянию на 13 июля 2020 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335693/ea8c22ebf4b1712274773710a52af45899b9eacd/

7. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации № 683 31 дек. 2015 г.: по состоянию на 20 мая 2020 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: [http://www http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/)

8. Об информации, информатизации и защите информации: [федер. закон: принят Гос. Думой 20 февраля 1995 г.: утратил силу 27 июля 2006 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887

9. Об информации, информатизации и защите информации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 июля 2006 г.: по состоянию на 8 июня 2020 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798

10. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 21 июля 2014 г.: по состоянию на 21 фев. 2020 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/

11. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации № 646 05 мая 2016 г.: по состоянию на 20 мая 2020 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/

12. План перехода федеральных органов исполнительной власти и федеральных бюджетных учреждений на использование свободного программного обеспечения на 2011-2015 годы: [Распоряжение Правительства Российской Федерации 17 декабря 2010 г.] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. - Режим доступа: URL.: <http://minsvyaz.ru/common/upload/2299p.pdf>

13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации:[Указ Президента Российской Федерации №683 31 декабря 2015 г.: по состоянию на 20 апреля 2020 г.] [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

Диссертации

1. Вовенда, Ю.В. Особенности политики обеспечения информационной безопасности в исполнительных органах государственной власти (на примере Северо-Западного федерального округа): дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02 / Вовенда Юлия Владимировна. – СПб., 2019. – 362 с.
2. Володенков, С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Володенков Сергей Владимирович. – М., 2015. – 441 с.
3. Волочаева, О.Ф. Политические процессы в современном информационном обществе: новые акторы и векторы развития: дис. ... д-ра полит.наук: 23.00.02 / Волочаева Оксана Федоровна. – Пятигорск, 2015. – 300 с.
4. Данилов, М.В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Данилов Михаил Викторович. - Саратов, 2015. - 477 с.
5. Дин, И. Роль высших органов государственной власти в формировании политической стабильности в обществе: сравнительный анализ Китая и России: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.05 / Дин И. – СПб., 2016. - 219 с.
6. Ефремова, М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Ефремова Марина Александровна. – М., 2018. – 427 с.
7. Зиновьева, Е.С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: проблемы, субъекты, перспективы: дис. ... д-ра полит.наук: 23.00.04 / Зиновьева Елена Сергеевна. – М., 2017. – 332 с.
8. Фирсов, А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02 / Фирсов Александр Владимирович. - М., 2017. - 166 с.
9. Фомин, М.В. Социально-политическая стабильность России в условиях модернизационного проекта 2008-2011 гг.: проблема устойчиво-безопасного

развития: дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02 / Фомин Максим Витальевич. - М., 2014. – 185 с.

10. Ханнанова, Э.И. Влияние средств массовой информации на политическую стабильность в современной России: дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02 / Ханнанова Эльвина Илдаровна. – СПб., 2017. – 168 с.

11. Цуренков, Н.В. Политическая стабильность российского государства и ее влияние на пограничную безопасность: дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02 / Цуренков Николай Владимирович. – М., 2015. – 166 с.

12. Чеботарева, А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / Чеботарева Анна Александровна. – М., 2017. – 473 с.

Электронные ресурсы

1. Батурин, Ю.М. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации (рецензия на книгу) [Электронный ресурс] / Ю.М. Батурин // Россия в глобальной политике. – 2004. - № 1. – Режим доступа: URL: <https://globalaffairs.ru/articles/stanovlenie-politiki-bezopasnosti-formirovanie-politiki-naczionalnoj-bezopasnosti-rossii-v-kontekste-problem-globalizaczii/>.

2. Борис Джонсон: Путин использует ЧМ-2018, как Гитлер Олимпиаду [Электронный ресурс] // BBC: русская служба новостей. – 2018. – Режим доступа: URL: <https://www.bbc.com/russian/news-43492672>.

3. Блог А.Г. Атаманова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://gatamanov.blogspot.ru/2014/11/blog-post.html>.

4. Бурутин, А.Г. Войны будущего станут информационными. Новые вызовы и угрозы безопасности России [Электронный ресурс]/А.Г. Бурутин // Независимая газета. – 2008. — Режим доступа: URL: https://nvo.ng.ru/forces/2008-02-15/1_infowars.html.

5. В Госдуму внесли законопроект о запрете анонимайзеров [Электронный ресурс] // РБК. – 2017. — Режим доступа: URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/06/2017/593933e69a7947e7bd831e05
6. В Госдуме оценили потери российской экономики в случае отсутствия интернета [Электронный ресурс]// ТАСС. –2019. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/ekonomika/6321977>.
7. В Иране создано специальное киберподразделение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.securitylab.ru/news/405099.php>.
8. Вклад цифровизации в рост российской экономики[Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. – 2018.– Режим доступа: URL: <https://issek.hse.ru/news/221125086.html>.
9. В Кремле заявили об отсутствии цели вернуться к формату G8 [Электронный ресурс] // Известия. - 2019. - Режим доступа: URL: [https://iz.ru/913029/2019-08-22/v-kremle-zaiavili-ob-otsutstvii-tceli-vernutsia-k-formatu-g8](https://iz.ru/913029/2019-08-22/v-kremle-zaiavili-ob-otsutstvii-tseli-vernutsia-k-formatu-g8).
10. Всемирный банк ожидает снижения ВВП России на 1% в 2020 [Электронный ресурс] // REGNUM. - 2020. - Режим доступа: URL: <https://regnum.ru/news/economy/2911016.html>.
11. Годовщину акций «желтых жилетов» отметили новыми столкновениями [Электронный ресурс] // BBC News: Русская служба. – 2019. - Режим доступа: URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50447298>.
12. Гриняев, С.Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива / С.Н. Гриняев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/informacionnye-voiny/informacionnaya-voina-istoriya-den-segodnyashnii-i-perspektiva>
13. Доверие политикам [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: Официальный сайт. – 2019. – Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=170>.
14. Закон о «суверенном Рунете» грозит уничтожение интернету вещей

[Электронный ресурс] // Сnews. - 2019. – Режим доступа: URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-03-21_zakon_o_suverennom_runete_grozit_unichtozheniem.

15. Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>.

16. Концептуальные взгляда на деятельность Вооруженный сил РФ в информационном пространстве [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт.– 2011. - Режим доступа: URL: <https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074@cmsArticle>.

17. Минэкономразвития обновило макропрогноз на 2020-2022 годы [Электронный ресурс] // Интерфакс. - 2020. – Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/business/693617>.

18. Минэкономразвития решило отложить разработку макропрогноза [Электронный ресурс] // РБК. - 2020. – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2020/5e8f5dca9a79475039f595ac>.

19. МЭР к 9 апреля подготовит новый макропрогноз с учетом влияния коронавируса на экономику [Электронный ресурс] // РИА Новости-ПРАЙМ: Агентство экономической информации. – 2020. – Режим доступа: URL: <https://1prime.ru/News/20200302/831008077.html>.

20. Нарочницкая, Н.А. Россия в новых геополитических реальностях / Н.А. Нарочницкая // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://narotchnitskaya.com/interviews/rossiya-v-novyih-geopoliticheskikh-realnostyah.html>.

21. Нарочницкая, Н.А. Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции [Электронный ресурс]/Н.А. Нарочницкая // Сетевое издание Центра и аналитики исторической перспективы «Перспективы». – 2018. – Режим доступа: URL: <http://www.perspektivy.info/history/russkaja-revolucija-i-mir-v-khkh-stoletii-cher>

[ez_prizmu_russkogo_voprosa_na_parizhskoj_mirnoj_konferencii_2018-01-23.htm](http://www.izvestia.ru/news/news198732?print).

22. Ноговицын, А.А. Генштаб прогнозирует начало информационных войн через 2-3 года [Электронный ресурс] / А.А. Ноговицын // Известия. – 2012. – Режим доступа: URL: <http://www.izvestia.ru/news/news198732?print>.

23. Образование в цифрах: краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. - 2018. - Режим доступа: URL: <https://www.hse.ru/data/2018/06/29/1153062641/obr2018.pdf>

24. О защите информационной инфраструктуры государства и мерах по ее развитию Совет Безопасности РФ: расширенное заседание. 26.10.2016 [Электронный ресурс] // Совет безопасности РФ: официальный сайт. – 2016. – Режим доступа: URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2301/>.

25. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/>.

26. Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/>.

27. Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://president-sovet.ru/>.

28. Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.scrf.gov.ru/>.

29. Официальный сайт Государственной думы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://duma.gov.ru/>.

30. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://digital.gov.ru/ru/>.

31. Официальный сайт Белого дома США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.whitehouse.gov/>

32. Официальный сайт Министерства Обороны США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dod.defense.gov/>.
33. Официальный сайт портала FreedomHouse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://freedomhouse.org/>.
34. Панарин, И.Н. Механизм внешнеполитической пропаганды требует восстановления [Электронный ресурс] / И.Н. Панарин // - 2008. – Режим доступа: URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=607230&soch=1>.
35. Патрушев заявил о попытках расколоть российское общество [Электронный ресурс] // MKRU. - 2020. - Режим доступа: URL: https://www.mk.ru/social/2020/04/10/patrushev-zayavil-o-popytkakh-raskolot-rossiyskoe-obshchestvo.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews.
36. Песков: актуальность G8 для РФ снижается в новой политической и экономической обстановке [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2018. - Режим доступа: URL: <https://tass.ru/politika/5260439>.
37. Пленарное заседание Государственной Думы. 10 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62964>.
38. Протестное движение «желтых жилетов» во Франции [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2020. – Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20191117/1560974030.html>
39. Путин назвал патриотизм национальной идеей [Электронный ресурс]// Российская газета. – 2016. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2016/02/03/vladimir-putin-nazval-patriotizm-nacionalnoj-ideej.html>.
40. Рост протестной активности в России. Результаты всероссийского мониторинга 2017—2018 гг. [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина. – 2018. - Режим доступа: URL: <http://rusrand.ru/analytics/rost-protestnoy-aktivnosti->

v-rossii-rezultaty-vsrossiyskogo-monitoringa-20172018-gg .

41. Рунет и выборы [Электронный ресурс] // Интерфакс.– 2012. – Режим доступа: URL: <http://www.interfax.ru/russia/267340>.

42. Секретарь Совета Безопасности России Николай Патрушев в режиме видеоконференции провел совещание по актуальным вопросам национальной безопасности в регионах Уральского федерального округа. 10 апреля 2020 г. [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации: официальный сайт. – 2020. – Режим доступа: URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2769/>.

43. СМИ в России: потребление и доверие [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: аналитический обзор. – 2015. – Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=29>.

44. Соловьев, А. И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации/А.И. Соловьев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2003. – №1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1._sentjabr_2003_g./solovjev.pdf.

45. Спрогнозированы сроки восстановления экономики России. [Электронный ресурс] // РОСБАЛТ. – 2020. – Режим доступа: URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/04/10/1837550.html>.

46. СПЧ просит Совет Федерации отклонить законопроекты о наказаниях за фейковые новости и неуважение к власти [Электронный ресурс] // Совет при Президенте Российской Федерации по развития гражданского общества и правам человека: официальный сайт. – 2019. – Режим доступа: URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5324/>.

47. Сунгуров, А.Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений / А.Ю. Сунгуров // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_pupl_pol_kak.pdf.

48. Сценарный прогноз: три варианта кризиса [Электронный ресурс] // ЦМАКП. – 2020. – Режим доступа: URL: <http://www.forecast.ru/Forecast/Fore032020.pdf>.

49. Счетная палата не поддержала законопроект об устойчивом Рунете [Электронный ресурс] // Интерфакс.–2019. – Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/russia/649645>.

50. ФСБ узнала о готовящихся кибератаках на финансовую систему России [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2016. – Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/russia/539567>.

51. ФСБ узнала о подготовке кибератак на финансовую систему России [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2016. – Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20161202/1482688773.html>.

52. Фултонская речь Черчилля. Текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php>.

53. Цензура в Китае: Золотой щит или «Великий китайский файрвол» [Электронный ресурс] // EnterChina. – 2015. – Режим доступа: URL: <https://enterchina.ru/blog/cenzura-v-kitae-zolotoy-schit-ili-velikiy-kitayskiy-fayrvol/>.

54. Эпоха цифровых медиа: бумага против экрана [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: аналитический обзор. – 2018.– Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116624>.

55. Эксперты при правительстве оценили затраты на суверенный Рунет [Электронный ресурс] // РБК. – 2018. - Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c21e8b79a7947153583d6bf>.

56. A Worldwide cybersecurity market continues its upward trend [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.csoononline.com/article/2946017/security-leadership/worldwide-cybersecurity-market-sizing-and-projections.html>.

57. Ball, J., Borger, J., Greenwald, G. Revealed: how US and UK spy agencies

defeat internet privacy and security/J. Ball, J. Borger, G. Greenwald // The Guardian. – 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/sep/05/nsa-gchq-encryption-codes-security>.

58. International Organization for Standardization / International Electrotechnical Commission 27000. Terms and Definitions. ISO/IEC 27000:2014 (en) Information technology - Security techniques - Information security management systems - Overview and vocabulary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:27000:ed-3:v1:en2>

59. Legal Information Institute [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/44/3542.html>.

60. Libicki, M.C. What is Information War? / M.C. Libicki // Strategic Forum Report. Washington. –1995. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.dodccrp.org/files/Libicki_What_Is.pdf.

61. Media Freedom: A Downward Spiral. Freedom and the Media 2019 [Электронный ресурс] // Freedom House. – 2019. – Режим доступа: URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-and-media/2019/media-freedom-downward-spiral> ;

62. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ge.usembassy.gov/2017-national-security-strategy-united-states-america-president/>

63. Quadrennial Defense Review [Электронный ресурс] // US Department of Defense. – 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://archive.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf>

64. Russian Federation from The World Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://data.worldbank.org/country/russian-federation?locale=ru>

65. Summury of the 2018 National Defence Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

<https://fas.org/man/eprint/nds-2018-summary.pdf>

66. The Fund for Peace [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://fragilestatesindex.org/country-data/>.

67. These are the 25 most powerful militaries in the world in 2018 [Электронный ресурс] // Business Insider. – 2018. – Режим доступа: URL: <https://www.businessinsider.com/most-powerful-militaries-in-the-world-ranked-2018-11#1-united-states-25>.

68. Watson, P.J., Jones A. Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution/P.J. Watson, A.Jones // Infowars.com. - 2013. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-it>.

Статьи

1. Алексеев, Г.В. Безопасность в системе государственного регулирования распространения массовой информации / Г.В.Алексеев // Управленческой консультации. - 2017. - №7 (8). – С.8-19.

2. Ачкасова, В.А. Информационная война: новые виды и формы ведения / В.А. Ачкасова // Российская школа связей с общественностью. - 2015. - №7. – С. 24-31.

3. Бельков, О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности/О.А. Бельков // Безопасность. Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. – 1994. – №3 (19). – С.91-94.

4. Болятко, А.В. Задачи военной безопасности и обеспечение их решения / А.В. Болятко // Военная мысль. – 1993. – № 4. - С.10-13.

5. Бородинов, Е.Н. Система противодействия «цветным революциям» / Е.Н.

Бородинов // Тренды и управление. 2016. № 1. С.64-77;

6. Быков, И.А. «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуальное противостояние? / И.А. Быков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. –2005. – № 3. – С.69-79.

7. Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: к методологическим основаниям анализа вопроса / Т. В. Владимирова // Информационное общество. – 2012. – № 5. – С. 47–52.

8. Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: социологическая перспектива понятия / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность / Nota bene. – 2013. – № 4 (27). – С. 597–604.

9. Казарин, О.В., Сальников, А.А., Шаряпов, Р.А., Яценко, В.В. Новые акторы и безопасность в киберпространстве / О.В. Казарин, А.А. Сальникова, Р.А. Шаряпов, В.В. Яценко // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2010. – №2. –С.71-84.

10. Ковалев, А.А., Кудайкин, Е.И. Информационные технологии в обеспечении военной безопасности государства / А.А. Ковалев, Е.И. Кудайкин // Управленческое консультирование. – 2017. – №5 (101). – С.20-27.

11. Колесников, В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность: факторы влияния / В.Н. Колесников // Власть. –2010. – №3. –С.30-33.

12. Косов, Ю.В., Вовенда, Ю.В. Геополитические концепции информационного противоборства в российской общественной мысли / Ю.В. Косов, Ю.В. Вовенда // Управленческое консультирование. – 2015. –№10 (82). – С. 95-100.

13. Кучерявый, М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира / М.М. Кучерявый // Управленческое консультирование. - 2015. - № 2 (74). - С. 8-15.

14. Кучерявый, М.М. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в аспекте глобальных политических процессов современного мира / М.М. Кучерявый // Власть. - 2014. - №2. - С. 105-109.
15. Макарычев, А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки / А.С. Макарычев // Полис. –1998. –№ 1. – С. 149-157.
16. Матафонова, Ю.А. Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы / Ю.А. Матафонова // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2015. - №2 (2).- С. 72-75.
17. Михельс, Р. Необходимость организации. Глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» /Р.Михелс // Диалог. – 1990. – №3. - С. 54-60.
18. Михельс, Р. Принципиальное в проблеме демократии / Р.Михелс // Социологический журнал. – 1994. –№3. – С. 89-93.
19. Павлов, В.В. Государственная информационная политика как условие обеспечение политической стабильности общества / В.В. Павлов // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Том 19. – №3. – С. 107-113.
20. Павлов, В.В. СМИ как институт публичной политики и их влияние на политическую стабильность / В.В. Павлов // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО-2019): Труды XVI Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 24-25 января 2019 г. – СПб.: Изд-во СпбГЭТУ, 2019. – С. 226-231.
21. Парк, Р. Конкуренция / Р. Парк // Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Под ред. С.П. Баньковской; [Пер. с англ., фр., нем., ит. С.П. Баньковской]. – Ч.1. – М.: Ун-т Кн. дом, 2002. – С.390-400.
22. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. –Т. 1. – Вып. 2. – С. 94-122.

23. Пузанова, Ж.В., Гаспаршвили, А.Т, Ларина, Т.И. Образовательные тренды современной российской молодежи / Ж.В. Пузанова, А.Т. Гаспаршвили, Т.И. Ларина // Вестник Института социологии. –2017. – Том 8. – №3(22). – С.54-68.

24. Розанова, Ю.М. Телевидение как субъект государственной информационной публичной политики (К истории вопроса) / Ю.М. Розанова // Мировая экономика и международные отношения. –2001. – №10. – С.63-74.

25. Самыгин, С.И., Верещагина, А.В., Кузнецова, А.В. Обеспечение информационной безопасности военно-инженерных войск / С.И. Самыгин, А.В. Верещагина, А.В. Кузнецов // Гуманитарные, социально экономические и общественные науки. – 2015. – № 5. – С.233-236.

26. Сацута, А.А. Национальная безопасность как социальное явление / А.А. Сацута // Вестник военного университета. - 2007. - №3. - С.36-43.

27. Семченко, О.Р. Политическая стабильность: сущность, понятие, информационные механизмы/А.А. Семченко // Вопросы управления. – 2015. – №1 (13). – С.53-59.

28. Сергеев, Г.М. Необходимость концепции национальной безопасности / Г.М. Сергеев // Безопасность: информационный сборник Фонда национальной и международной безопасности. – 1993. –№8. – С.81-84.

29. Тимохин, П.К. К формированию концепции безопасности России / П.К. Тимохин // Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. – 1993. – №6. – С.30-34.

30. Урсул, А.Д. Проблемы безопасности и синергетика / А.Д. Урсул // Национальная безопасность. NotaBene. – 2011. – №2(13). – С. 44-54.

31. Чайковский, Д.В. Проблема управления в контексте общества информации и коммуникации» / Д.В. Чайковский // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – №6 – С.100-104.

32. Юсупов, Р.М. Информационное обеспечение национальной безопасности

/ Р.М. Юсупов // Национальная безопасность. NotaBene. – 2010. – №7/8. – С. 21- 33.

33. Ben-Yoav, H., Pruitt, D.G. Accountability to constituents: A two-edged sword / H. Ben-Yoav, D.G. Pruitt // Organization Behavior and Human Performance. - 1984. – №34. –P. 282-295.

34. Green, L. Support for the System/L. Green // British Journal of Political Science. – 1985. – №15. – P. 12-22.

35. Lasswell, H.D. The Structure and Function of Communication in Society / H.D. Lasswell // The Communication of Ideas. Ed. L. Bryson. – N.Y.: Harper and Row. –1948. – P. 37-51.

36. Mukundan, N. R., Sai, L. P. Perceived information security of internal users in Indian IT services industry / N.R. Mukundan, L.P. Sai // Information Technology Management. – 2014. – №15. – P.3-8.

37. Singh, A. N., Gupta, M. P., Ojha, A. Identifying factors of organizational information security management / A.N. Singh, M.P. Gupta, A. Ojha // Journal of Enterprise Information Management. – 2013. – №27(5). – P. 644–667.

38. Tajfel, H. Experiments in intergroup discrimination / H. Tajfel // Scientific American.- 1970. - №23. - P. 96-102.

39. Yildirim, E. Y., Akalp, G., Aytac, S. Bayram, N. Factors influencing information security management in small- and medium-sized enterprises: A case study from Turkey / E.Y. Yildirim, G., Akalp, S. Aytac, N. Bayaram // International Journal of Information Management. – 2011. –№31. – P. 360–365.